

ISSN 2073-6681

2025

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
РОССИЙСКАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ФИЛОЛОГИЯ**

Том 17. Выпуск 3

**ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

PERM STATE UNIVERSITY

Volume 17. Issue 3

**PERM UNIVERSITY HERALD
RUSSIAN AND FOREIGN PHILOLOGY**

Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Редакционный совет

Александрова О. В., д. филол. н., проф. (Россия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова)
Березович Е. Л., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Богданова-Бегларян Н. В., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский государственный университет)
Буле О., д-р, доц. (Нидерланды, Университет Лейдена)
Вендина Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Москва, Институт славяноведения РАН)
Войтак М., д-р, проф. (Польша, Университет Марии Склодовской-Кюри)
Джумайло О. А., д. филол. н., проф. (Россия, Южный Федеральный университет)
Ерофеева Т. И., д. филол. н., проф. (Россия, Пермский государственный национальный исследовательский университет)
Котельников В. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН)
Мызников С. А., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербург, Институт лингвистических исследований РАН)
Поссамаи Д., д-р, проф. (Италия, Падуанский университет)
Рут М. Э., д. филол. н., проф. (Россия, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Савкина И., д-р, проф. (Финляндия, Университет Тампере)
Саксена Р., д-р, проф. (Индия, Университет Дели)
Ушакова О. М., д. филол. н., доц. (Россия, Тюмень)
Фэвр-Дюпэгр А., д-р, доц. (Франция, Университет Пуатье)
Чернявская В. Е., д. филол. н., проф. (Россия, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого)

Редакционная коллегия

Новокрепционных И. А. (гл. ред.), к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Русинова И. И. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Шутёмова Н. В. (зам. гл. ред.), д. филол. н., доц. (Россия, СПбГУ)
Абашиев В. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Абашева М. П., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПУ)
Алексеева Л. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Арустамова А. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Баженова Е. А., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Боронникова Н. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Братухин А. Ю., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Бурдина С. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Данилевская Н. В., д. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Дусаева Л. Р., д. филол. н., проф. (Россия, СПбГУ)
Ерофеева Е. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кондаков Б. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Кочкарева И. В., к. филол. н., доц. (Россия, ПГНИУ)
Кушнина Л. В., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Мишланов В. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Мишланова С. Л., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Нестерова Н. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Подюков И. А., д. филол. н., проф. (Россия, ПГПУ)
Похаленков О. Е., д. филол. н., доц. (Россия, КГУ им. К. Э. Циолковского)
Проскурнин Б. М., д. филол. н., проф. (Россия, ПГНИУ)
Серова Т. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)
Сидорова О. Г., д. филол. н., проф. (Россия, УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина)
Шляхова С. С., д. филол. н., проф. (Россия, ПНИПУ)

Адрес учредителя и издателя: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

Адрес редакции: 614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15 (Факультет современных иностранных языков и литератур, Филологический факультет). E-mail: langlit2009@mail.ru.

Сайт журнала: <https://press.psu.ru/index.php/philology>. Администратор сайта А. В. Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта В. А. Бячкова.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77-66482 от 14.07.2016 г.

Издание включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Founder: Perm State University

Editorial Council

Olga Aleksandrova (Russia, Moscow State University)
Elena Berezovich (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Natalya Bogdanova-Beglarian (Russia, Saint Petersburg State University)
Otto Boele (Netherlands, Leiden University)
Tatyana Vendina (Russian Academy of Sciences, Moscow, Institute of Slavic Studies)
Maria Voytak (Poland, Lublin University)
Olga Dzhumaylo (Russia, Rostov-on-Don, Southern Federal University)
Tamara Erofeeva (Russia, Perm State University)
Vladimir Kotelnikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Russian Literature)
Sergey Myznikov (Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Institute of Linguistic Studies)
Donatella Possamai (Italy, University of Padua)
Mary Rut (Russia, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
Ranjana Saxena (India, University of Delhi)
Irina Savkina (Finland, University of Tampere)
Olga Ushakova (Russia, Tyumen)
Anne Faivre Dupaigre (France, University of Poitiers)
Valeriya Chernyavskaya (Russia, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University)

Editorial Board

<i>Irina Novokreshchennykh</i> – Editor-in-Chief (Perm State University)	<i>Irina Kochkareva</i> (Perm State University)
<i>Irina Rusinova</i> – Associate Editor (Perm State University)	<i>Ludmila Kushnina</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Shutemova</i> – Associate Editor (Saint Petersburg State University)	<i>Valeriy Mishlanov</i> (Perm State University)
<i>Vladimir Abashev</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Mishlanova</i> (Perm State University)
<i>Marina Abasheva</i> (Perm State Humanitarian-Pedagogical University)	<i>Natalya Nesterova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Larissa Alekseeva</i> (Perm State University)	<i>Ivan Podyukov</i> (Perm State Humanitarian- Pedagogical University)
<i>Anna Arustamova</i> (Perm State University)	<i>Oleg Pohalnikov</i> (Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski)
<i>Elena Bazhenova</i> (Perm State University)	<i>Boris Proskurnin</i> (Perm State University)
<i>Natalya Boronnikova</i> (Perm State University)	<i>Tamara Serova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Alexandr Bratukhin</i> (Perm State University)	<i>Olga Sidorova</i> (Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin)
<i>Svetlana Burdina</i> (Perm State University)	<i>Svetlana Shlyakhova</i> (Perm National Research Polytechnic University)
<i>Natalya Danilevskaya</i> (Perm State University)	
<i>Liliya Duskaeva</i> (Saint Petersburg State University)	
<i>Elena Erofeeva</i> (Perm State University)	
<i>Boris Kondakov</i> (Perm State University)	

Address of the founder and publisher: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai

Address of the editorial office: 15, Bukireva st., Perm, 614068, Perm Krai
(Faculty of Modern Languages and Literatures, Faculty of Philology). E-mail: langlit2009@mail.ru

Web-site of the journal: <http://press.psu.ru/index.php/philology>

Site administrator A. V. Pustovalov, content editor of the English version of the site V. A. Byachkova

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК, КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО	5
Буркова Т. А. Киноним как компонент зоонимического пространства лингвокультуры Германии.....	5
Галеванди С. С., Ибрагимшарифи Ш. Способы перевода переносных значений русских глаголов движения «прийти – приходить» в персидском языке.....	16
Дудкова Д. С. Категория (не)вежливости и ее стратегическое выражение в дискурсе стендап-выступлений этнической тематики (на материале англоязычных выступлений азиатских комиков).....	24
Тянь Юнчунь. Разработка оптимальной информационно-коммуникационной стратегии при угрозе в области здравоохранения с учетом специфики китайского опыта борьбы с коронавирусной инфекцией.....	32
Хаймович А. С., Лагута Н. В. Средства выражения реального и виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе.....	43
Шиловский Д. П. Hesiodi Theogoniae 27–28: попытка новой интерпретации.....	56
Шляхова С. С., Мелконян М. А. Мультимодальный/поликодовый текст как фактор эффективности сообщения в социальных сетях.....	66
ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ	80
Андреева В. Г. Реальное и ирреальное в изображении дачи в прозе А. П. Чехова	80
Владимирова Н. Г., Михейкина А. А. Интермедиальность в романе Донны Тартт «Щегол».....	90
Дышенов А. В. Городское конфуцианство и деревенский даосизм: «клубок противоречий» в творчестве Линь Юйтана.....	98
Зиннатуллина З. Р. Валлийская тема в романе Кингсли Эмиса «Старые черти».....	107
Похаленков О. Е., Высокович К. О. Парадигмы гибели: поэтическое осмысление Первой мировой войны в творчестве У. Оуэна.....	114
Соловьева О. К. Художественные особенности филологической прозы в романистике А. Битова и Дж. Барнса: к проблеме паратекстуальности	122
Суркова А. С. Поэтика репортажей Джона Стейнбека с фронтов Второй мировой войны.....	133

CONTENTS

LANGUAGE, CULTURE, SOCIETY.....	5
Burkova T. A. Kynonyms as a Component of the Zoonymic Space of German Linguoculture.....	5
Ghalebandi S. S, Ebrahimsharifi Sh. Methods of Translating the Figurative Meanings of the Russian Verbs of Motion ‘прийти – приходить’ into the Persian Language.....	16
Dudkova D. S. (Im)politeness and Its Strategic Expression in Ethnic Stand-Up Comedy (drawing on English-language performances of Asian comedians).....	24
Tian Yongchun. Developing an Optimal Information and Communication Strategy to Deal with Threats in Healthcare: A View from the Perspective of Chinese Experience in Combating the Coronavirus Infodemic.....	32
Khaimovich A. S., Laguta N. V. Means of Expressing the Idea of Real and Virtual Space in the Internet News Discourse.....	43
Shilovski D. P. Hesiod’s ‘Theogony’ 27-28: an Attempt at a New Interpretation.....	56
Shlyakhova S. S., Melkonyan M. A. Multimodal/Polycode Text as an Effectiveness Factor for Information Delivery on Social Media	66
LITERATURE IN THE CULTURAL CONTEXT	80
Andreeva V. G. The Real and the Unreal in the Depiction of the Dacha in the Prose of Anton Chekhov.....	80
Vladimirova N. G., Mikheikina A. A. Intermediality in Donna Tartt’s Novel ‘The Goldfinch’	90
Dyshenov A. V. Urban Confucianism and Rural Taoism: A ‘Tangle of Contradictions’ in the Works of Lin Yutang.....	98
Zinnatullina Z. R. The Welsh Theme in Kingsley Amis’s Novel ‘The Old Devils’	107
Pokhalenkov O. E., Vysokovich K. O. Paradigms of Death: Poetic Interpretation of the First World War in the Works of W. Owen.....	114
Solovieva O. K. The Features of Philological Prose in the Novels of A. Bitov and J. Barnes: On the Problem of Paratextuality	122
Surkova A. S. The Poetics of John Steinbeck’s Reporting from the Fronts of the Second World War.....	133

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК УДК 811.112
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-5-15
<https://elibrary.ru/yawfih>

EDN YAWFIH

Киноним как компонент зоонимического пространства лингвокультуры Германии

Буркова Татьяна Александровна

**д. филол. н., заведующий кафедрой романо-германской филологии
и методики обучения иностранным языкам**

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы
450000, Россия, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а. burkova_tatjana@mail.ru

профессор кафедры «Философия, история и право»

Финансовый университет при Правительстве РФ, Уфимский филиал
450015, Россия, г. Уфа, ул. Мустая Карима, д.69/1. taburkova@fa.ru

SPIN-код: 3969-3754

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5927-3706>

ResearcherID: HKF-8171-2023

Статья поступила в редакцию 01.12.2024

Одобрена после рецензирования 18.06.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Информация для цитирования

Буркова Т. А. Киноним как компонент зоонимического пространства лингвокультуры Германии // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-5-15. EDN YAWFIH

Аннотация. Цель исследования заключается в экспликации лингвокультурного потенциала кинонимов Германии. В статье анализируются особенности формирования когнитивного пространства кинонимической лексики в немецком языке, в основе которого лежат лингвокультурные коды, включающие закономерности функционирования социума, протекающие в нем исторические и социальные процессы. Выявляется лингвистическая сущность лексико-семантической группы «кинонимы». Рассматривается семантическая структура кинонимов на материале немецкоязычных кличек собак, представленных на интернет-сайтах; определяются тенденции формирования немецкоязычных кинонимов как отдельного стратума зоонимического пространства лингвокультуры. В статье показано, что процесс номинации кинонимами имеет свою специфику в немецком языке и определяется как структурными особенностями языка, так и экстралингвистическими факторами, в том числе мировоззренческими взглядами владельцев питомцев. Будучи знаками ономастической лингвокультуры, в семантическом значении кинонимы аккумулируют культурно-специфическую информацию в триаде «*питомец (собака) – мотивема – киноним*». Киноним, как правило, являющийся важной составляющей для определения характера животного, – это не просто набор звуков, а закодированная информация. Немецкоязычные кинонимы, с одной стороны, отражают реалии внутрисоциального характера, с другой стороны – выходят за его пределы. Сделан вывод о том, что кинонимическая система немецкой лингвокультуры отражает черты общественных традиций, вкусов, предпочтений, идеологических установок. Отмечается, что в семантике кинонимов имплицитно такие визуальные анималистиче-

ские образы, как *Eichhörnchen* (белка), *Irbis* (барс), *Frettchen* (хорёк), черты характера «храбрость», «трусость», «хитрость», «отзывчивость», «доброта», «находчивость» и др.

Ключевые слова: кинонимы Германии; мотивация; мотивема; когнитивная деятельность человека; декодирование информации; лингвокультурные особенности.

Введение

Имена собственные, будучи предметом изучения ономастики, относятся к одному из важных пластов лексического состава языка. Среди них наряду с антропонимами и топонимами значительное место занимают клички животных. Уже на ранней стадии развития человечества животным отводилась особая роль, а в процессе domestikации животных первое место занимали собаки (в мезолите, около 11 тыс. лет до н. э.) (При миграциях...). Подтверждением особого отношения к собакам в Древней Греции являются монеты с их изображением (Как собака стала...). В Древнем Египте собаки – это верные сторожевые псы и помощники во время охоты (Первые одомашненные собаки...). Многие собаки преданно служат человечеству, иногда даже жертвуя собой ради спасения людей. Не случайно во многих культурах собаку называют другом человека. Сопровождая человека с древнейших времен, собаки, безусловно, не могли оставаться без имени.

Анализ лингвистических трудов, изучающих номинации, связанные с животным миром, свидетельствует о разобщенности терминологического аппарата. Так, для обозначения номинаций, связанных с животными, используются следующие термины: «зоотропы» – номинации, возникшие на основе метафорического или метонимического переноса названий животных [Минеева 2014]; «зооморфизмы» – обозначения животных в метафоричном смысле для характеристики человека и его поведения, значения которых реализуются в составе фразеологизмов [Гаврилюк 2013]; «зоономинации» [Дорогайкина, Игнатьева 2019]; «зоосемизмы» – метафоричные индивидуоименования, мотивированные названиями животных [Саблина 2020]; «зоометафоры» – переносное употребление наименований животных с целью создания образной характеристики человека [Фаткуллина, Линь 2020]; «анимализмы» – слова, образованные от названий животных [Шустова, Тяпугина 2020]. Как мы видим из приведенных выше дефиниций, все термины связаны с номинациями, эксплицитно или имплицитно характеризующими человека по сходству с животными (так называемая промежуточная позиция между названиями животных и названиями лиц).

В отдельных научных трудах при анализе вторичных номинаций, производных от названий животных, применяется также термин «зооним»,

который, собственно говоря, и вызывает двоякость толкования в лингвистических исследованиях. Термин «зооним» используется: (1) по отношению к нарицательным именам существительным, обозначающим название животного (прямое значение) (корпус лексики, обозначающий различных животных) [Галимова 2004; Куличенко, Королевская 2017]; (2) для характеристики человека в метафорической функции (переносное значение) [Леонтьева, Рыжова 2016]; (3) для именования животных в функции индивидуализации (в качестве кличек) [Суперанская 1973; Рядченко 1994]. Во второй половине XX в. в научных трудах используется термин «зоофóрное имя» – имя собственное, имеющее в своем составе образованные от названия животного морфемы, например, топозооним, антропозооним [Суперанская 1973]. В рамках данного исследования мы, вслед за А. В. Суперанской, Н. В. Подольской, понимаем под зоонимом вид онима – собственное имя (кличку) животного [Суперанская 1973; Подольская 1978: 58].

О важности анализа зоонимического пространства лингвокультуры пишет Д. И. Ермолович, обращая внимание на необходимость изучения вопросов, связанных: 1) с переводом зоонимов, 2) их словообразовательным потенциалом, 3) анализом смысловых коннотаций и их трактованием в фольклоре и литературе; 4) рассмотрением зоонимики в синхроническом и диахроническом аспектах как на материале одного языка, так и в сопоставительном плане. Кроме того, в прикладном аспекте, подчеркивает Д. И. Ермолович, наблюдается отсутствие справочников и словарей, описывающих фольклорные анималистические персонажи [Ермолович 2005: 276–284].

На наш взгляд, изучение данного разряда ономастических номинаций, а именно выявление специфики языковой практики в области зоонимической номинации, представляет интерес в лингвокультурологическом плане, поскольку, во-первых, зоонимы, в отличие от антропонимов и топонимов, в меньшей степени подвержены кодификации и, входя в фоновые знания носителей языка, способны отражать существенный фрагмент языковой картины мира; во-вторых, в процессе номинации в качестве мотивом привлекается широкий арсенал лексических средств, как из имен нарицательных, так и из других ономастических единиц, позволяющий более детально изучать структурные особенности этих процессов; в-третьих, зоонимы, как и другие разряды

ономастической лексики, являются элементом национальной культуры, а декодирование этих элементов позволяет глубже проникнуть в смысловые аспекты принципов зоономинации конкретной лингвокультуры.

В научных кругах предприняты попытки систематизации зоонимического пространства. Так, А. В. Суперанская делит этот класс ономастикона на групповые (даются всему виду в целом, например, в арабской зоонимии) и индивидуальные (получают домашние животные); на официальные (паспортные) и неофициальные (обиходные) номинации. Кроме того, ономатолог отмечает, что зоонимы могут входить в состав мифонимов – именований животных, в действительности никогда не существовавших, что объясняется анимистическим мышлением индивида на ранних этапах человеческого сознания в связи с недостаточно четким разграничением себя и окружающего мира [Суперанская 1973: 178–181]. Уже в древнегреческой мифологии встречаются клички животных, некоторые из которых становятся апеллятивными онимами. Например, *Цербер* – трехголовый пес с хвостом и гривой из змей, охраняющий вход в подземное царство; в современном языке оним употребляется метафорически для обозначения свирепого и бдительного стража (Большой словарь...).

В современной зоономинации, отмечает Д. И. Ермолович, не все животные получают клички, а только домашние и имеющие значимость для общества. Например, в мировую историю вошли такие кинонимы, как *Cavall* – собака короля Артура; *Rogue* – собака короля Карла I; *Diamond* – собака И. Ньютона; *Prim* – любимый спаниель Дж. Байрона; *Rufus* – пудель У. Черчилля; *Бадди* – шоколадный лабрадор Б. Клинтона; *Белка* и *Стрелка* – русские собаки – перво-

проходцы космоса и др. (Знаменитые имена...). В немецкой лингвокультуре всемирно известны кинонимы *Атта* – питомец немецкого философа А. Шопенгауэра; *Аякс* – специально обученная собака-спасатель, 96 часов откапывавшая из-под снега заваленных лавиной школьников в горах Дакштейн в Австрии (Собаки-герои).

Многие немецкие овчарки увековечили свои имена в мировой истории: *Дарлинг* – обнаружила более 40 тонн контрабандного кокаина и 6 тонн героина, была удостоена за это «рукопожатием» президента США Б. Клинтона во время его официального визита в колумбийский город Картахену; *Алый* – овчарка из к/ф «Пограничный пес Алый» (СССР, 1979, режиссер Ю. Файт); *Мухтар* – персонаж фильма «Ко мне, Мухтар!» (Мосфильм, 1964, режиссер С. Туманов); *Рекс* – герой австрийского телесериала «Комиссар Рекс»; *Рин Тин Тин* – овчарка, игравшая в сериале «К-9»; *Санто фон Хаус Цигльмауер* – немецкая овчарка, в течение нескольких лет исполнявшая роль комиссара Рекса в одноименном сериале; *Ретт Батлер* – немецкая овчарка, сыгравшая главную роль в фильме «Щенок Рекс, маленький Комиссар», а затем сменившая Санто фон Хаус Цигльмауера в сериале «Комиссар Рекс» (Знаменитые имена...).

В аспекте теоретических исследований на современном этапе зоонимика не является достаточно разработанным разделом ономастики, в отличие, например, от антропонимики и топонимики. Однако в зоонимических исследованиях с целью обозначения группы онимов, предназначенных для именования разных животных, уже используются видовые термины: иппонимы, кинонимы, фелинонимы, орнитонимы и бизонтонимы [Подольская 1978] (табл. 1).

Таблица 1

Классификация зоонимов

Classification of zoonyms

Название класса зоонима	Происхождение термина	Животное, к которому относятся представители этого класса
Иппонимы	греч. “hippos” – «лошадь»	лошади
Кинонимы	греч. “kynos” – «собака»	собаки
Фелинонимы	лат. “felinus” – «кошачий»	кошки
Орнитонимы	греч. “onus” (“ornitus”) – «птица»	птицы
Бизонтонимы	греч. “bison” – «бизон»	бизоны

Вопросы номинации животных в лингвистических трудах раскрываются с точки зрения: места в ономастическом пространстве [Варникова 2011]; их национально-специфических особенностей как именных классов [Пашкевич 2006]; лингвокультурных особенностей через призму сказочного текста [Буркова 2008]; типологических признаков

[Романова 1988]; прагматического потенциала [Драбкина 2018]; специфики присвоения, например в кинологической службе [Попцова, Шеремет 2022] и др. Специальных исследований по зоонимике в ономастической науке, как мы видим, относительно немного, еще меньше – исследований, связанных с кинонимами.

Цель нашего исследования – выявление лингвокультурной специфики принципов номинации кинонимами в немецкой лингвокультуре. В качестве рабочей гипотезы выдвигается тезис о том, что клички животных в Германии, в частности собак (далее мы будем использовать термин «кинонимы»), имеют как интернациональные, так национальные особенности номинации и позволяют декодировать культурно-исторические традиции социума, а также тенденции номинативной деятельности индивида.

Материалы и методы исследования

Эмпирической базой исследования послужили 950 кинонимов Германии, отобранные методом частичной выборки с сайтов, на которых представлены клички собак, в том числе топ-кинонимы (*die beliebtesten Tiernamen-2024*) (Обзор немецких кличек для собак; *Hundenamen*); из немецкоязычных словарей кличек животных (*Hundenamen von A bis Z*; *Das Tiernamenlexikon*; *Namenslexikon für Hunde*). В качестве эмпирического материала были использованы также статьи из личных блогов любителей животных (Nauck; Poggemann). Критерием частичной выборки стали популярные (*beliebte*), необычные (*ungewöhnliche*) или оригинальные (*originelle*) с точки зрения представителей немецкой лингвокультуры кинонимы. При анализе эмпирического материала были использованы такие методы, как дескриптивный анализ (сбор, систематизация, логическое осмысление данных, выявление закономерностей), статистический (определение закономерностей номинации), системно-динамический анализ (декодирование взаимосвязи процесса номинации животных (собак) с экстралингвистическими факторами).

Результаты исследования

В процессе формирования зоонима номинация осуществляется на двух уровнях: собственно-объектном, подразумевающим отражение внешнего вида, поведения животного, и объектно-субъектном, в котором номинация функционирует опосредованно, сквозь призму субъективного мира и возникающих ассоциаций номинатора [Федотова 2021], то есть клички животных представляют собой вторичные наименования, в основе которых лежит характер номинативной ценности и способ переосмысления действительности [Пашкевич 2006: 3–4].

Анализ мотивов (семантических особенностей, лежащих в основе номинации) кинонимов немецкого языка позволил нам выделить следующие группы.

1. Наибольшую группу представляют мотивы, отражающие внешние особенности животного (31,47 % от общего количества исследованных единиц): окрас – *Silberne* (нем. *silbern* –

«серебряный»), *Blacki* (англ. *black* – «черный»), *Ginger* (англ. *ginger* – «рыжий, имбирный»); пятно на лапе – *Flocki* (нем. *Flocke* – «снежинка»); звездочка на лбу – *Sternchen* (нем. «звездочка»); размер – *Krümel* (нем. «кроха, крошка») и др. Доминанта мотивом данной группы объясняется тем, что значительную часть информации о внешнем мире человек воспринимает при помощи зрения [Барабанов 2023: 67] и внешность животного – это то, на что его владелец в первую очередь обращает внимание [Nübling 2016: 37–38].

2. Следующая группа мотивов (21,36 %) включает в свой состав описание повадок, манеры поведения или нрав животного: *Schlafmütze* (нем. «засоня»), *Pfeil* (нем. «стрела»), *Schelm* (нем. «шалун»), *Bandito* (итал. «бандит»), *Überraschung* (нем. «сюрприз»), *Räuber* (нем. «разбойник»), *Edel* (нем. «благородный»), *Lovely* (англ. «очаровательный»). Большинство кинонимов данной группы представляют собой метафоры, основанные на сходстве с другими животными: *Eichhörnchen* (белка), *Irbis* (барс), *Frettchen* (хорёк), *Hühnchen* (уменьшительно-ласкательная форма от нем. *Huhn* – «курица»), *Wolf* (волк), *Bär*, *Bärchen* (медведь, медвежонок), *Antelope* (антилопа); с насекомыми: *Biene* (нем. «пчела»), *Floh* (нем. «блоха»), *Butterfly* (англ. «бабочка»); с природными явлениями *Taifun* (нем. «тайфун»), *Vulkan* (нем. «вулкан»), *Cyclon* (нем. «циклон»), *Wind* (нем. «ветер»). Кинонимы данной группы являются в большей степени аксиологическими, поскольку выражают эмоциональное отношение номинатора к питомцу: умиление, восхищение, уважение, нежность или, наоборот, недовольство, упрек.

3. Кинонимы, в основе которых лежат имена персонажей литературных произведений, мультфильмов, кинофильмов, телепередач, составили 11,61 %: *Garfield* (Гарфилд – популярный персонаж серии комиксов, созданный художником Джимом Дэвисом); *Sherlock* (Шерлок – литературный персонаж, частный детектив, созданный английским писателем А. Конаном Дойлом); *Baghira, Balu* (Багира, Балу – персонажи рассказов Редьярда Киплинга «Книга джунглей»); *Crespel* (Креспель – герой новеллы Э. Т. А. Гофмана «Советник Креспель», послужившей основой для второго акта оперы «Сказки Гофмана»); *Gretchen* (Гретхен – героиня философской драмы И. В. Гёте «Фауст»); *Goofy* (Гуфи – герой мультфильмов Уолта Диснея). Мотивы данной группы говорят об увлеченности номинатора литературой, киноискусством, а также анимацией, (в этом случае номинаторами, скорее всего, являются дети).

4. Производные от мифонимов составляют 9,29 % исследуемого материала. Следует отметить,

что в составе данной группы представлены мифонимы Древней Греции, Древнего Рима, Древнего Египта, а также германо-скандинавской мифологии:

– мифонимы Древней Греции: *Zeus* (Зевс – бог в греческой мифологии) (Лосев 1957: 13–14); *Perseus* (Персей – герой в греческой мифологии) (там же: 71); *Achilles* (Ахилл – герой Троянской войны в греческой мифологии) (там же: 331); *Adonis* (Адонис – покровитель весны и возрождения природы у древних греков) (там же: 364); *Aphrodite* (Афродита – богиня любви и красоты в греческой мифологии) (там же: 40);

– мифонимы Древнего Рима: *Herkules* (Геркулес – бог и герой в римской мифологии) (Мифы народов мира: 235); *Ceres* (Церера – древнеримская богиня урожая и плодородия) (там же: 1077); *Diana* (Диана – богиня животного и растительного мира, плодородия в римской мифологии) (там же: 311);

– мифонимы Древнего Египта: *Amun* (Амон – бог в древнеегипетской религии) (там же: 57–58); *Anubis* (Анубис – древнеегипетский бог погребальных ритуалов) (там же: 73); *Osiris* (Осирис – в древнеегипетской религии и мифологии бог возрождения и плодородных сил природы, царь в загробном мире) (там же: 766);

– мифонимы германо-скандинавского происхождения: *Baldur* (Бальдр – бог весны и света в германо-скандинавской мифологии) (там же: 132).

Данные мотивемы свидетельствуют об уровне культурной компетентности номинатора в области мифологических образов или его увлечении историей древних цивилизаций.

5. Отантропонимические кинонимы, в состав которых входят полные и краткие личные имена, фамильные онимы, в том числе личные и фамильные онимы известных деятелей, составили 7,62 %: *Addy* от *Adolph*, *Dave* от *David*, *Louisa*, *Karl*, *Albert*, *Aljoscha* (*Hundenamen*). Среди отантропонимических мотивем значительное место занимают личные и фамильные онимы известных деятелей:

– исторические личности: *Mary Stuart* (Мария Стюарт – королева Шотландии (1542–1567), из династии Стюартов)) (Мария Стюарт); *Barbarossa* (Барбаросса – германский король (с 1152 г.) из династии Штауфенов, император Священной Римской империи (с 1155 г.)) (Фридрих I Барбаросса);

– военные: *Nelson* (Нельсон – британский военный деятель) (Нельсон Горацио);

– политические деятели: *Merkel* (Меркель – федеральный канцлер Германии с 22.11.2005 по 08.12.2021) (Ангела Меркель...). Ср.: в российской лингвокультуре в рейтинге самых популярных кинонимов 2020 г., составленном Россий-

ской кинологической федерацией, были названы кинонимы *Чубайс* и *Трамп* (Рейтинг...);

– представители музыкального мира: *Madonna* (Мадонна – американская поп-певица, актриса) (Мадонна);

– писатели: *Balzac* (Бальзак – французский писатель) (Бальзак Оноре де);

– художники: *Picasso* (Пикассо – испанский и французский художник) (Пикассо);

– путешественники: *Columbus* (Колумб – испанский мореплаватель) (Колумб Христофор);

– спортсмены: *Pele* (Пеле – бразильский футболист) (Пеле);

– кинорежиссеры: *Fellini* (Федерико Феллини – итальянский кинорежиссер и сценарист) (Феллини Федерико);

– представители криминального мира: *Korsar* (Корсар – морской разбойник) (Корсар); *Al Capone* (Аль Капоне – американский гангстер) (Враг Америки № 1...).

Особенность называть питомцев антропонимами можно объяснить желанием хозяев считать домашнее животное членом семьи. Многие ономотологи отмечают частотность использования отантропонимических зоонимов [Чайкина, Варникова 2012].

6. Среди оттопонимических кинонимов, которые составили 5,15 % эмпирического материала, мы выделили: оронимы: *Olymp* (Олимп – самый высокий горный массив в Греции; священная гора древних греков) (Мифы народов мира: 754); гидронимы: *Adriatic* (Адриатическое море); *Nile* (Нил – река в Африке); хоронимы: *Colorado* (Колорадо – штат в США), *Egypt* (нем. *Ägypten*, англ. *Egypt*, Египет – государство в Северной Африке); ойконимы: *Alaska* (Аляска – полуостров на северо-западе Северной Америки).

7. Производные от титулов составили 3,21 %: *Kaiser* (Кайзер), *Graf* (Граф), *Ritter* (Рыцарь), *Baron* (Барон), *Kurfürst* (Курфюрст). Данные клички связаны с желанием производителя показать величие, «царственность» своего питомца.

Значительно меньшим количеством представлены следующие мотивемы.

8. Профессия, профессиональная деятельность, род занятий, иерархическая соподчиненность (2,34 %): *Advokat*, *Akteur*, *Alchemist*, *Agent*, *Aspirant*, *Chef*.

9. Драгоценные и полудрагоценные камни, металлы (1,56 %): *Juwel* (англ. *jewel* – драгоценный камень), *Amethyst* (аметист), *Brilliant* (бриллиант), *Chrystal* (нем. *Kristall* – «кристалл»), *Diamant* (алмаз).

10. Фантастические существа (1,44 %): *Hexe* (ведьма), *Dragon* (дракон), *Kobold* (домовой), *Dämon* (демон).

11. Указатель времени – день недели, месяц и т. д. (0,72 %): *August, April, Freitag* (пятница).

12. Флора (цветы, фрукты, иные растения): *Kamille* (ромашка), *Chestnut* (англ. «каштан»).

13. Товарные знаки, названия изделий, продуктов (0,54 %): *Bounty* (Баунти – шоколадный батончик с кокосовой начинкой от англ. *bounty* «щедрость»); *Cognac* (коньяк – крепкий алкогольный напиток, наименование которого происходит от названия расположенного на западе Франции города).

14. Денежные знаки (0,32 %): *Dollar, Frank, Euro*.

15. Небольшое количество кинонимов (2,71 %) имеет затемненную мотивацию и не позволяет однозначно определить мотивему: *Nanook* (Нанук – 1) «белый медведь» на Иниктикуте; 2) главный персонаж фильма Роберта

Флаэрти 1922 г. «Нанук с севера»; 3) талисман «Эдмонтонских эксимосов» (этим кинонимом издревле северные народы называли ездовых собак; в наши дни имя очень распространено в породах аляскинский маламут и сибирский хаски) (Нанук).

Как прозвищный оним способен имплицировать информацию о носителе имени, так и киноним при декодировании способен предоставлять данные разного характера – начиная с внешнего вида и повадок питомца и заканчивая информацией о человеке, давшем ему имя, о культуре, к которой он относится. Экспликация кинонимов позволяет глубже понять специфику номинации животных (собак) немецкого лингвокультурного сообщества, выявить характерные черты того или иного типа языковой личности (табл. 2).

Таблица 2

Мотивемы, лежащие в основе немецкоязычных кинонимов

The motivational signs underlying German-language kynonyms

№	Мотивема	Процент
1	Внешние особенности животного	31,47
2	Нрав и повадки животного	21,36
3	Персонажи литературы и фильмов	11,61
4	Мифонимы	9,29
5	Антропонимы	7,62
6	Топонимы	5,15
7	Титулы	3,21
8	Профессиональная деятельность, род занятий	2,34
9	Драгоценные камни, металлы	1,56
10	Фантастические, сказочные существа	1,44
11	Указатели времени	0,72
12	Флора	0,66
13	Товарные знаки	0,54
14	Денежные знаки	0,32
15	Затемненная мотивация	2,71

Несмотря на то что язык в определенной степени – ввиду морфологических, словообразовательных особенностей, системы внутренних форм слова, синтаксиса – ограничивает правила называния, креативная деятельность языковой личности в процессе номинации кинонимами не всегда позволяет четко определить мотивему.

Заключение

Являясь языковым знаком, киноним способен аккумулировать исторический, географический, культурологический, социологический, литературоведческий аспекты. Киноним – это элемент, детерминируемый национальной культурой, отражающий когнитивную деятельность человека и его эмпирический опыт.

Несмотря на то что давление языковых факторов на ономаσιологический процесс обнару-

живается постоянно, мотивемы в кинонимическом пространстве, в отличие от антропонимов и топонимов, характеризуются значительным разнообразием. Выбирая киноним для своего питомца, индивид руководствуется многими факторами: одной стороны, это нормы языка и ономастические правила, с другой – традиции макросоциума и микросоциума (семья, профессиональное сообщество, клуб собаководов). Значительную роль играют экстралингвистические факторы (политика, экономика, история, география); культурный фон (кино, музыка, литература, искусство); социальный статус номинатора; личный опыт (знание кличек животных, принадлежавших друзьям, знакомым, близлежащему окружению), креативные способности и фантазия имядателей: от первого пришедшего на ум онима до переосмысления всех существующих

вариантов кличек к поиску нового благозвучного звукосочетания, отражающего повадки и иные особенности животного, ассоциативные связи с нарицательной лексикой, фонетическим обликом лексической единицы, выбираемой для кинони-ма. Поэтому киноним способен включать информацию как непосредственно о питомце, так и о его хозяине, указывая на статус, образование, социально-культурную детерминанту последнего.

Список источников

- Ангела Меркель. Биография. URL: <https://www.rbc.ru/person/6172a55d9a79473611d4963?ysclid=m2rrpmg8vm241724349> (дата обращения: 09.09.2024).
- Бальзак Оноре де // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/bal-zak-onore-de-09ce77?ysclid=lysgeteypj362507310> (дата обращения: 09.09.2024).
- Большой словарь иностранных слов русского языка. URL: https://gufo.me/dict/foreign_words/%D1%86%D0%B5%D1%80%D0%B1%D0%B5%D1%80?ysclid=luo2kr4exg440367929 (дата обращения: 09.09.2024).
- Враг Америки № 1: Как Аль-Капоне стал королём преступного мира. URL: <https://life.ru/p/960273?ysclid=lyyaquyuckg519993400> (дата обращения: 09.09.2024).
- Знаменитые имена, клички и прозвища собак. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/2242312/post102625588> (дата обращения: 06.09.2024).
- Как собака стала частью нумизматики? URL: <https://www.dvaveka.ru/blog/kak-sobaka-stala-chastyu-numizmatiki/?ysclid=me5wkoqw13862293346> (дата обращения: 14.08.2024).
- Колумб Христофор // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/kolumb-khristofor-737863?ysclid=lysgbvel8r29062357> (дата обращения: 09.09.2024).
- Корсар // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/military_science/text/2100162?ysclid=lyyakk5n5i910279084 (дата обращения: 09.09.2024).
- Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Просвещение, 1957. 617 с.
- Мадонна // Большая российская энциклопедия. URL: <https://old.bigenc.ru/music/text/4003835?ysclid=lysglpyi6x556905793> (дата обращения: 09.09.2024).
- Мария Стюарт // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2186349?ysclid=lyy9402wm8386391832 (дата обращения: 09.09.2024).
- Мифы народов мира. Энциклопедия. Электронное издание / гл. ред. С. А. Токарев. М., 2008. 1147 с. URL: <https://prussia.online/books/mifinarodov-mira-1980-el> (дата обращения: 09.09.2024).
- Нанук. Толкование и перевод. URL: <https://translate.academic.ru/nanook/en/ru/?ysclid=m2xc4xx8m1100763551> (дата обращения: 20.10.2024).
- Нельсон Горацио // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/2258235?ysclid=lyy9mj6vyg419381712 (дата обращения: 09.09.2024).
- Обзор немецких кличек для собак. URL: <https://vplate.ru/sobaki/nemeckie-klichki/> (дата обращения: 15.08.2024).
- Пеле // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/pele-866fe5?ysclid=lysg8dp8e4556116713> (дата обращения: 09.09.2024).
- Первые одомашненные собаки. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/180123/55220/?ysclid=luz6vhu77f411441264> (дата обращения: 09.08.2024).
- Пикассо // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/fine_art/text/3138704?ysclid=lysg4om6q68085278 (дата обращения: 09.09.2024).
- При миграциях в новые регионы древние люди брали с собой своих собак. URL: <https://paleocentrum.ru/news/pri-migratsiyakh-v-novye-regiony-drevnie-lyudi-brali-s-soboy-svoikh-sobak.html?ysclid=luz6ao9ung727883336> (дата обращения: 09.08.2024).
- Рейтинг самых популярных для собачьих кличек имен политиков. URL: https://lenta.ru/news/2020/11/18/hey_pyos/?ysclid=lysgpw8ksr53808607 (дата обращения: 09.09.2024).
- Собаки-герои. URL: <https://moichempion.bbeasy.ru/viewtopic.php?id=401> (дата обращения: 06.09.2024).
- Феллини Федерико // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/fellini-federiko-6bc646?ysclid=lysfzlm4jx226494117> (дата обращения: 09.09.2024).
- Фридрих I Барбаросса // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/4723919?ysclid=lyy9gye2eq300244784 (дата обращения: 09.09.2024).
- Das Tiernamenlexikon. Die schönsten Namen für ihr Tier. 2500 Namen und ihre Bedeutung. Von Schwarz Ulrike Verlag: Bod-Books On Demand. 2017. 116 S.
- Hundenamen. URL: <https://www.wunschnamen24.de/hundenamen/> (дата обращения: 18.06.2024).
- Hundenamen von A bis Z. URL: <https://www.dehunderassen.de/hundenamen> (дата обращения: 12.05.2024).

Namenslexikon für Hunde. URL: <https://www.dasgesundetier.de/tiernamen/hund> (дата обращения: 18.05.2024).

Nauck K. 75 lustige Tiernamen für Hunde und Katzen. URL: <https://www.desired.de/lifestyle/lustige-tiernamen-fuer-hunde-und-katzen/#doc-0hhM44FVcp> (дата обращения: 14.06.2024).

Nauck K. 75 lustige Tiernamen für Hunde und Katzen. URL: <https://www.desired.de/lifestyle/lustige-tiernamen-fuer-hunde-und-katzen/#doc-0hhM44FVcp> (дата обращения: 14.06.2024).

Poggemann M. 230 schöne Hundenamen + 5 Tipps zur Namenswahl. URL: <https://www.schreiben.net/artikel/hundenamen-339/> (дата обращения: 18.05.2024).

Список литературы

Барабанов Р. Е. Психологические механизмы зрительного восприятия формы и пространства // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12, № 8А. С. 64–75. doi 10.34670/AR.2023.35.80.009.

Буркова Т. А. Зоонимическое пространство в сказочном тексте // Немецкий язык в Башкортостане: состояние и перспективы: материалы III рег. науч.-практ. конф. Уфа: БГУ, 2008. С. 56–61.

Варникова Е. Н. Зоонимы: место в ономастическом пространстве // Вопросы ономастики. 2011. Т. 10, № 1. С. 51–62.

Гаврилюк М. А. Зооморфизмы китайского языка как средство аксиологической характеристики человека // Вестник ТПУ. 2013. № 10. С. 136–140.

Галимова О. В. Этнокультурная специфика зоонимической лексики, характеризующей человека (на материале русского и немецкого языков): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 309 с.

Дорогайкина Е. М., Игнатьева Т. Г. Зоонимии как объект лингвистического исследования // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5(3). С. 53–66. doi 10.22250/2410-7190_2019_5_3_53_66.

Драбкина И. В. Прагматический потенциал англоязычных официальных паспортных кинонимов (на материале англоязычных кличек породистых собак породы немецкий боксёр) // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4(32). С. 89–97. doi 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-89-97.

Ермолович Д. И. Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи. М.: Р. Валент, 2005. 416 с.

Куличенко Ю. Н., Королевская Е. М. Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом-зоонимом // Научный диалог. 2017. № 4. С. 44–56. doi 10.24224/2227-1295-2017-4-44-56.

Леонтьева Л. Е., Рыжова Е. Д. Этнокультурные особенности зоонимов в дискурсе // Научно-

методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2376–2380. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86505.htm> (дата обращения: 09.08.2024).

Минеева З. И. Полисемия в русских зоотропах // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 3. С. 328–338.

Пашкевич А. А. Прозвища и клички в системе номинативных средств английского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 164 с.

Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. 2-е изд. М.: Наука, 1978. 199 с.

Попцова О. С., Шеремета Т. В. Специфика присвоения кличек служебным собакам // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2022. Вып. 8, № 1. С. 153–164. doi 10.22250/24107190_2022_8_1_153.

Романова Т. П. Система русских официальных иппонимов и формирование ее типологических черт: дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1988. 155 с.

Рядченко Н. Г. Зоонимика. Зоонимия русская // Русская ономастика и ономастика России: словарь / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1994. С. 77–84.

Саблина О. Б. Отражение национального менталитета в зоосемизмах (на примере фразеологических единиц русского и немецкого языков) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 2. С. 489–491.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 372 с.

Фаткуллина Ф. Г., Линь Ц. Зоометафора как компонент картины мира // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1(80) С. 449–451.

Федотова Т. В. Особенности номинативной ситуации и принципы номинации в зоонимии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2021. № 4. С. 33–40. doi 10.20339/PhS.4-21.033.

Чайкина Ю. И., Варникова Е. Н. Антропозоонимы // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 2, № 2. С. 144–147.

Шустова С. В., Тяпугина А. Е. Анимализмы в русской и английской лингвокультурах // Евразийский гуманитарный журнал. 2020. № 3. С. 45–53.

Nübling Damaris. Tiernamen spiegeln die Mensch-Tier-Beziehung Namen als Ausdruck von Nähe und Individualisierung // Sprachspiegel. 2016. Heft. 2. S. 34–44.

References

Barabanov R. E. Psikhologicheskie mekhanizmy zritel'nogo vospriyatiya formy i prostranstva [Psychological mechanisms of visual perception of form

and space]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-Critical Reviews and Current Researches], 2023, vol. 12, issue 8A, pp. 64-75. doi 10.34670/AR.2023.35.80.009. (In Russ.)

Burkova T. A. Zoonimicheskoe prostranstvo v skazochnom tekste [Zoonymic space in a fairy-tale text]. *Nemetskiy yazyk v Bashkortostane: sostoyanie i perspektivy: Materialy III regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The German Language in Bashkortostan: The State and Prospects: Proceedings of the III Regional Scientific and Practical Conference]. Ufa, Bashkir State University Press, 2008, pp. 56-61. (In Russ.)

Varnikova E. N. Zoonimy: mesto v onomasticheskom prostranstve [Zoonyms: A place within the onomastic space]. *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], 2011, vol. 10, issue 1, pp. 51-62. (In Russ.)

Gavrilyuk M. A. Zoomorfizmy kitayskogo yazyka kak sredstvo aksiologicheskoy kharakteristiki cheloveka [Zoomorphisms of the Chinese language as a means of axiological characterization of humans]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2013, issue 10, pp. 136-140. (In Russ.)

Galimova O. V. Etnokul'turnaya spetsifika zoonimicheskoy leksiki, kharakterizuyushchey cheloveka (na materiale russkogo i nemetskogo yazykov). Diss. kand. filol. nauk [Ethnocultural specificity of zoonymic vocabulary characterizing a person (based on material of the Russian and German languages). Cand. philol. sci. diss.]. Ufa, 2004. 309 p. (In Russ.)

Dorogaykina E. M., Ignat'eva T. G. Zoonimnatsii kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya [Zoological names as an object of linguistic research]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2019, issue 5 (3), pp. 53-66. (In Russ.)

Drabkina I. V. Pragmaticheskii potentsial angloyazychnykh ofitsial'nykh pasportnykh kinonimov (na materiale angloyazychnykh klichek porodistyykh sobak porody nemetskiy bokser) [Pragmatic potential of official dog names (on the material of English-language names of Deutscher boxer dogs)]. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 2018, issue 4 (32), pp. 89-97. (In Russ.)

Ermolovich D. I. *Imena sobstvennyye: teoriya i praktika mezh'yazykovoy peredachi* [Proper Names: Theory and Practice of Interlanguage Transmission]. Moscow, R. Valent Publ., 2005. 416 p. (In Russ.)

Kulichenko Yu. N., Korolevskaya E. M. Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh edinits s komponentom-zoonimom [Comparative Analysis of

Phraseological Units with a Component-Zoonym]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2017, issue 4, pp. 44-56. (In Russ.)

Leont'eva L. E., Ryzhova E. D. Etnokul'turnye osobennosti zoonimov v diskurse [Ethnocultural features of zoonyms in discourse]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyy zhurnal 'Kontsept'* [Scientific and Methodological Electronic Journal 'Concept'], 2016, issue 11, pp. 2376-2380. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86505.htm> (accessed 09 Aug 2024). (In Russ.)

Mineeva Z. I. Polisemiya v russkikh zootropakh [The polysemy of Russian zootropes]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2014, issue 3, pp. 328-338. (In Russ.)

Pashkevich A. A. Prozvishcha i klichki v sisteme nominativnykh sredstv angliyskogo yazyka. Diss. kand. filol. nauk [Nicknames and by-names in the system of nominative means of the English language. Cand. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2006. 164 p. (In Russ.)

Podol'skaya N. V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Ed. by A. V. Superanskaya; 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1978. 199 p. (In Russ.)

Poptsova O. S., Sheremeta T. V. Spetsifika prisovoeniya klichek sluzhebnykh sobakam [Specifics of service dogs' naming]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2022, vol. 8, issue 1, pp. 153-164. doi 10.22250/24107190_2022_8_1_153. (In Russ.)

Romanova T. P. Sistema russkikh ofitsial'nykh ipponimov i formirovanie ee tipologicheskikh chert. Diss. kand. filol. nauk [The system of Russian official hipponyms and the formation of its typological features. Cand. philol. sci. diss.]. Kuybyshev, 1988. 155 p. (In Russ.)

Ryadchenko N. G. Zoonimika. Zoonimiya russkaya [Zoonimics. Russian Zoonimia]. *Russkaya onomastika i onomastika Rossii: slovar'* [Russian Onomastics and Onomastics of Russia: Dictionary]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, 1994, pp. 77-84. (In Russ.)

Sablina O. B. Otrazhenie natsional'nogo mentaliteta v zoosemizmakh (na primere frazeologicheskikh edinits russkogo i nemetskogo yazykov) [Reflection of the national mentality in zoosemisms (on the example of phraseological units of the Russian and German languages)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2020, issue 2, pp. 489-491. (In Russ.)

Superanskaya A. V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [The General Theory of the Proper Name]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 367 p. (In Russ.)

Fatkullina F. G., Lin Z. Zoometafora kak komponent kartiny mira [Zoometaphora as a component

of the world picture]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], 2020, issue 1 (80), pp. 449-451. (In Russ.)

Fedotova T. V. Osobennosti nominativnoy situatsii i printsipy nominatsii v zoonimii [Features of the nominative situation and principles of nomination in zoonymy]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshey shkoly* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], 2021, issue 4, pp. 33-40. (In Russ.)

Chaykina Yu. I., Varnikova E. N. Antropozoonimy [Anthropozoonyms]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepo-

vets State University Bulletin], 2012, vol. 2, issue 2, pp. 144-147. (In Russ.)

Shustova S. V., Tyapugina A. E. Animalizmy v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Animalisms in Russian and English linguistic cultures]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2020, issue 3, pp. 45-53. (In Russ.)

Nübling Damaris. Tiernamen spiegeln die Mensch-Tier-Beziehung. Namen als Ausdruck von Nähe und Individualisierung [Animal names reflect the human-animal relationship. Names as an expression of closeness and individualization]. *Sprachspiegel*, 2016, issue 2, pp. 34-44. (In Ger.)

Kynonyms as a Component of the Zoonymic Space of German Linguoculture

Tatiana A. Burkova

Head of the Department of Romano-Germanic Philology and Methods of Teaching Foreign Languages

Bashkir State Pedagogical University named after M. Akhmulla

3a, Oktyabrskoy revolyutsii st., Ufa, 450000, Russia. burkova_tatjana@mail.ru

Professor in the Department of Philosophy, History and Law

Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa Branch

69/1, Mustaya Karima st., Ufa, 450015, Russia. taburkova@fa.ru

SPIN-code: 3969-3754

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5927-3706>

ResearcherID: HKF-8171-2023

Submitted 01 Dec 2024

Revised 16 Jun 2025

Accepted 19 Jun 2025

For citation

Burkova T. A. Kinonim kak komponent zoonimicheskogo prostranstva lingvokul'tury Germanii [Kynonyms as a Component of the Zoonymic Space of German Linguoculture]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 5–15. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-5-15. EDN YAWFIH (In Russ.)

Abstract. The purpose of the study is to explicate the linguocultural potential of German kynonyms (dog names). The article analyzes the formation of the cognitive space of kynonymic vocabulary in the German language, which is based on linguocultural codes that accumulate the laws of functioning of society, the historical and social processes occurring in it. The linguistic essence of the lexico-semantic group 'kynonyms' is revealed. The paper deals with the semantic structure of kynonyms on the material of German-language dog names presented on Internet sites, identifies trends in the formation of German-language kynonyms as a separate stratum of the zoonomic space of linguoculture. It is shown that the process of giving names to dogs has its own specific features in the German language and depends both on the structural features of the language and on extralinguistic factors. Kynonyms are seen as a source for studying the worldview of German pet owners. The results of the study show that German kynonyms, as signs of onomastic linguoculture, in a semantic sense accumulate culturally specific information in the triad 'pet (dog) – motivational sign – kynonym'. A kynonym, which is, as a rule, an important component indicating personality traits of a pet, is not a mere set of sounds, but encoded information. German-language kynonyms, on the one hand, reflect the realities of an intra-social nature, on the other hand, go beyond it. The study concludes that

the kynonymic system of German linguoculture reflects some aspects of social traditions, tastes, preferences, ideological principles. It is noted that such visual animalistic images as Eichhörnchen (squirrel), Irbis (snow leopard), Frettchen (ferret), the character traits 'courage', 'cowardice', 'cunning', 'kindness', 'resourcefulness', etc. are implicitly present in the semantics of kynonyms.

Key words: German kynonyms; dog names; motivation; motive; human cognitive activity; decoding the information; linguocultural features.

УДК 81'25:811.161.1'37(=222)
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-16-23
<https://elibrary.ru/umoifg>

EDN UMOIFG

Способы перевода переносных значений русских глаголов движения «прийти – приходить» в персидском языке

Галебанди Сейеде Сафура

к. филол. н., присяжный переводчик русского языка в Судебной Власти Ирана

Официальное бюро переводов № 837

4851644398, Иран, г. Сари, ул. Амир Мазандарани, пер. Яс, зд. Яс, 2-й этаж. s.ghalebandi@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3446-8042>

Ибрагимшарифи Шлер

к. филол. н., старший преподаватель кафедры французского и русского языков

Исфаханский университет

8174673441, Иран, г. Исфахан, пл. Азади. sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9683-9473>

Статья поступила в редакцию 05.07.2024

Одобрена после рецензирования 29.08.2024

Принята к публикации 15.04.2025

Информация для цитирования

Галебанди С. С., Ибрагимшарифи Ш. Способы перевода переносных значений русских глаголов движения «прийти – приходить» в персидском языке // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 16–23. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-16-23. EDN UMOIFG

Аннотация. Известно, что формирование коммуникативных навыков иностранных студентов невозможно без овладения языковыми нормами, в том числе грамматическими. Особые трудности, с которыми иранские студенты сталкиваются при прохождении русской грамматики, вызывает понимание глаголов движения, а также их лексико-грамматических особенностей. Чаще всего в ходе изучения русских глаголов движения студенты знакомятся с прямыми и основными значениями данной группы глаголов. Опыт преподавания РКИ показывает, что часто иранские студенты не имеют никакого представления о переносном значении глаголов движения. Более того, способность глаголов сочетаться с разными аффиксами и приобретать новые лексико-грамматические характеристики затрудняет процесс усвоения переносного значения глаголов движения. Частота использования глаголов движения не только в повседневной жизни, но и в деловом общении свидетельствует о необходимости изучения переносного значения глаголов движения в тех аудиториях, где преподается РКИ. В данной работе проанализированы способы перевода переносных значений глаголов движения «прийти – приходить» на персидский язык. Цель настоящей статьи заключается в рассмотрении переносных значений глаголов движения «прийти – приходить» в персидском языке, а также языковых средств, с помощью которых передаются данные значения.

Ключевые слова: русский язык; персидский язык; глаголы движения; перевод; переносное значение.

Язык является сложной системой, все единицы которой находятся в тесном взаимодействии. Слово рассматривается как ключевая единица языка, представляющая собой единство содержания, которое структурно связано с другими словами. Как подчеркивает Ю. В. Фоменко, «язык считается стихийно развивающейся системой знаков, используемой в ходе общения людей. Иными словами, язык – это совокупность слов и правил их употребления. С другой стороны, речь – это язык в действии, то есть речь является процессом общения с помощью языка» [Фоменко 1994: 13].

Можно отметить, что каждому языку мира присущи свои собственные нормы, свои языковые стандарты и правила, полное соблюдение которых является важной задачей всех, кто намерен изучать данный язык.

Безусловно, существование современного мира невозможно без коммуникации разных народов. Как пишет А. Л. Семенов, процесс познания правил коммуникации считается естественным процессом, и каждый дееспособный человек им владеет. По мнению А. Л. Семенова, в межкультурной коммуникации существует дополнительное звено – перевод. Перевод в макроконтексте – это тоже естественный процесс для любого человека [Семенов 2008: 9].

Л. С. Бархударов определяет перевод как процесс преобразования речевого произведения (текста) на одном языке в речевое произведение на другом языке при сохранении неизменного плана содержания. Значит, при переводе происходит замена единиц плана выражения, то есть единиц языка, но сохраняется неизменным план содержания, то есть передаваемая текстом информация [Илюшкина 2015: 8].

В системе частей речи русского языка глагол, будучи основным ядром каждого высказывания, играет ключевую роль в построении смысловых конструкций, на которых основываются все остальные элементы предложения. Лексико-грамматические понятия, связанные с глаголами, часто представляют собой значительные трудности для иностранных студентов, в том числе для иранских учащихся.

Персидские лингвисты «подразделяют глагол на три основные группы: простой, приставочный и сложный. Простыми глаголами называются группы глаголов, которые состоят только из основной и самостоятельной части. Ее не сопровождают служебные части, которые используются в других составах, например: *افروختن*, *باستن*, *آمدن*, *afrukhtan*, *bastan*, *amadan* и т. д., формирующих вторую группу. Приставки, присоединяясь к основе глагола, изменяют его лексическое значение. К примеру, можно указать на производные

глаголы, образуемые сочетанием простого глагола *آمدن* *amadan* с разными приставками: *برآمدن* *baramadan* – восходить, *باز آمدن* *bazamadan* – возвращаться, *فرآمدن* *foruamadan* – спускаться и т. д. Третья группа глаголов персидского языка – это сложные глаголы, создаваемые сочетанием существительного или прилагательного с глаголом. Они состоят из двух самостоятельных частей, но передают единое целое – после слова глаголом с двоеточием нужно поставить пробел глагол: *شتاب کردن* + *shetabkardan* – спешить, *پرسش کردن* + *porseshkardan* – спрашивать, *گزین کردن* + *gozinkardan* – выбрать и т. д.» [Natel Khankari 1976: 176–177]. Подробное описание глаголов в персидском языке можно также наблюдать в книгах М. Meshkatoddini [Meshkatoddini 1991: 149–150], А. Shafaei [Shafaei 1984: 71–72] и т. д.

Ряду русских языковедов принадлежат книги и пособия по теоретическим и практическим вопросам изучения глаголов движения, среди них: Т. Ф. Куприянова [2005], Л. В. Архипова [2006], Е. Р. Ласкарева [2008], Г. А. Волохина, З. Д. Попова [1993], Г. Н. Аверьянова [2008], А. Н. Барыкина [1975], В. В. Добровольская [1975] и др.

Е. М. Каргина указывает, что в любом переводе всегда утрачивается какая-то часть исходной информации и неизбежно добавляется новая информация, возникающая из сочетаний знаков языка перевода [Каргина 2014: 65]. Ввиду того что русский язык считается синтетическим языком, а персидский – аналитическим, в большинстве случаев для перевода русских глаголов на персидский язык следует использовать разные языковые средства. Эти средства могут включать в себя разные виды персидского глагола.

В. А. Белошапкова считает, что «слово в протяжении длительного времени в результате постоянного использования приняло новые лексические значения» [Современный русский язык 1989: 197]. Она отмечает, что переносное значение относится к «полисемии» слова, к его «многозначности»: «большинство употребительных слов многозначно. В процессе развития языка слово в результате употребления и осмысления его в различных контекстах «обрастает» новыми значениями. Человеческое познание беспредельно, ресурсы же языка ограничены, поэтому мы вынуждены обозначать одним и тем же знаком различные, но при этом связанные предметы» [Белошапкова 1989: 197–198].

О. С. Ахманова не дает отдельного описания переносного значения слова, а наоборот, относит переносное значение к метафоре. Автор придерживается мнения, что «метафора – это троп, который состоит в употреблении слова в переносном значении на основании сходства и аналогии» [Ахманова 1996: 231].

В данной статье проанализированы переносные значения русской глагольной пары *идти* – *ходить* с приставкой *при-* в русском и их эквиваленты в персидском языке. Новизна работы заключается в том, что не только впервые в иранской русистике рассматриваются глаголы движения «прийти – приходиться» с точки зрения их переносного смыслового содержания, но и выражаются их персидские корреляты. Результаты исследования могут быть применены с целью оптимизации методов преподавания данного понятия в иранской аудитории и, соответственно, для дальнейшей нейтрализации типичных ошибок иранских студентов-русистов и переводчиков.

В книге «Русская грамматика» под ред. Н. Ю. Шведовой приставке *при-* присущи пять основных лексических значений: «1) достигнуть какого-н. места, прибыть или доставить в какое-н. место, соединить(ся) с чем-н.: *прийти*; 2) совершить с незначительной интенсивностью, не полностью»: *приглушить*; 3) прибавить что-н. в дополнение к тому, что уже имеется: *прикупить*; 4) совершить во время или сразу по окончании другого действия»: *пристукнуть*; 5) совершить (довести до результата) действие: *приготовить* [Русская грамматика 1980: 366–367]. В то же время в книге «Глаголы движения с приставками» Т. Ф. Куприяновой к данной приставке относят 8 переносных значений, а также несколько устойчивых сочетаний. Следует отметить, что с целью передачи примеров перевода с русского на персидский язык используются три русско-персидских словаря: Русско-персидский словарь И. К. Овчинниковой и Г. А. Фуругяна [1965], Русско-персидский словарь Г. А. Восканяна [2008] и Русско-персидский словарь под ред. Г. А. Восканяна [Русско-персидский словарь 1995].

Рассмотрим переносные значения глагольной пары «прийти – приходиться» и способы их передачи на персидский язык.

1. Управление глагольной пары: к чему; к тому, что, в значении получения определенного результата:

А. – Почему ты не занимаешься? – Не хочется. – Ни к чему не придёшь на экзаменах с такой подготовкой.

– چرا تمرین نمی کنی؟ – دلم نمی خواهد. – با این آمادگی در امتحانها موفق نخواهی بود.

[– Чера тәмрин немикони? – Деләм немихахад. – Ба ин амадеги дәр эмтеханха мовәффаг нәхахи буд].

Б. Нет, так дело не пойдёт, так мы с тобой ни к чему не придём. Если мы договорились о чём-то, давай это делать.

نه، اینطوری کار پیش نخواهد رفت، اینجوریمایا به نتیجه نخواهیم رسید. اگر درباره چیزی قرار گذاشتیم، بیا انجامش بدهیم.

[Nä, интори кар пиш нәхахәд рәфт, инджури ма бе нәтидже нәхахим ресид. Ägär дәрбаре чизи гәрар гозаштим, биа әнджамәш бедәхим].

В. В результате долгой трудовой жизни он пришёл к тому, что доверять можно не всем и не во всём.

در نتیجه زندگی کاری طولانی او به این نتیجه رسید که به همهکس و در هر مسئله ای نمی توان اعتماد نمود.

[Дәр нәтидже зендегие карие тулани у бе ин нәтидже ресид ке бе хәме кәс вә дәр хәр мәсәлеи немитәван этемад немуд].

Г. Они хорошо знали район и пришли к выводу, что самый короткий путь будет по этой улице.

او منطقه را بخوبی می شناخت و به این نتیجه رسید که کوتاه ترین مسیر از این خیابان خواهد بود.

[У мәнтәге ра бе хуби мишенәхт вә бе ин нәтидже ресид ке кутахтәрин мәсир әз ин хиабан хахад буд].

В вышеуказанных примерах глагол «прийти» при переводе на персидский язык обозначается сложным и непереходным глаголом (см. пример А) или переходным (см. примеры Б, В, Г). Во всех примерах данный глагол, как и в русских предложениях, обладает переносным значением.

2. Данная глагольная пара также может употребляться в таких значениях, как: сделать заключение – прийти к соглашению.

Проработав после школы два года, он пришёл к решению уехать из родного города и начать новую жизнь.

او پس از دو سال کارکردن بعد از مدرسه، تصمیم گرفت از زادگاهش برود و زندگی جدیدی را آغاز نماید.

[У пәс әз до сал кар кәрдән бәд әз мәдресе, тәсми́м герефт әз задгахәш берәвәд вә зендегие джәдиди ра агаз нәмайәд].

Б. В результате длительных переговоров представители двух стран пришли к соглашению по территориальным проблемам.

در نتیجه مذاکرات طولانی نمایندگان دو کشور درخصوص مسائل منطقه ای به تفاهم رسیدند.

[Дәр нәтиджейе мозакерате тулани нәмайәндегане до кешвәр дәр хосусе мәсәлеи мәнтәгеи бе тәфахом ресидәнд].

В. Комиссия пришла к заключению, что в работе банка нет никаких нарушений.

کمیسیون به این نتیجه رسید که در فعالیت بانک هیچ گونه تخلفی صورت نگرفته است.

[Комисиун бе ин нәтидже ресид ке дәр фәалиәте банк хичгуне тәхәлофи сурәт нәгеревте әст].

Г. Наука приходит к выводу о всеобщей одушевленности окружающего нас мира.

علم همه حیات جهان پیرامون ما را کشف می کند.

[Элм хāмейе хāйте джāхане пирамуне ма ра кāшф миконāд].

Д. Но, надеюсь, эти посещения и дела *приходят к концу*.

اما، امیدوارم که این دیدارها و فعالیت ها به نتیجه برسد.

[Āmma, omidvarām ke in didarha vā fāāliātxa бе нāтидже бересāд].

В вышеуказанных предложениях данная глагольная пара при переводе на персидский язык может обозначаться либо непереходным глаголом (примеры Б, В, Д), либо переходным, требующим обязательного дополнения (примеры А, Г).

3. К общему мнению – договариваться – договориться:

А. На конференции представители разных стран *пришли к* общему мнению, что экологические проблемы можно решить только сообща.

در کنفرانس، نمایندگان کشورهای مختلف به اتفاق نظر رسیدند که مشکلات زیست محیطی را تنها با کمک یکدیگر می توان حل نمود.

[Дār конферанс нāмайāндегане кешвārхайе мохтāлеф бе еттефаге нāзār ресидāнд ке мошке-лате зист мохити ра тāнха ба комāке йекдигār митāван хāl немуд].

Б. Мы долго спорили, когда и куда нам ехать на каникулах, и постепенно мы *приходили к* общему мнению: надо ехать к Белому морю.

مدت طولانی بحث کردیم که در تعطیلات، کی و به کجا برویم، و بتدریج به اتفاق نظر می رسیدیم: باید به دریای سفید رفت.

[Модāте тулани бāхс кārдим ке дār тāтилат кей вā бе коджа берāвим, вā бе тāдридж бе етефаге нāзār миресидим: байād бе дārйāйе сефид рāфт].

В данном значении глаголы «приходить – прийти» обладают переносным значением, которое в персидском языке обозначается сложным непереходным глаголом *беэтефаге нāзār ресидāн*.

4. К пониманию / чего; того, что = понимать – понять, осознавать – осознать какую-то мысль, через много времени.

А. Только через много лет он *пришёл к* пониманию того, что говорил ему в детстве отец.

تنها پس از گذشت سالهای طولانی او پی برد (فهمید) که پدرش در کودکی به او چه گفته بود.

[Тāнха пās āз гозāште салха у пей борд (фāхмид) ке педārāш дār кудāки бе у че гофте буд].

Б. Только поженившись и прожив вместе несколько лет, они смогли *прийти к* пониманию всех тех трудностей, которые стоят перед самостоятельными взрослыми людьми.

تنها پس از ازدواج و چند سال زندگی مشترک، آنها به درک تمامی مشکلاتی رسیدند که در پیش روی بزرگسالان مستقل قرار دارد.

[Тāнха пās āз эздевадж вā чāнд сал зендегие моштārāk Анха бе дārке тāмание мошкелати ре-

сидāнд ке дār пише руйе бозоргсалане мостāгел гāрар дарād].

С. С возрастом к нему стало *приходить* понимание, что это такое: потерять здоровье.

با افزایش سن، او به این درک رسید که از دست دادن سلامتی یعنی چه.

[Ба āфзāйеше сен у бе ин дārк ресид ке āз дāст дадāне сāламāти йāни че].

Данные устойчивые словосочетания в персидском языке выражаются иногда сложным непереходным глаголом *пей бордāн* – *به درک* *ресидāн*, иногда простым непереходным глаголом *фāхмидāн*.

5. К мысли = понять, осознать какую-то конкретную мысль.

А. Он долго не мог понять, что происходит, но однажды он вдруг *пришёл к* мысли: а может быть, во всём, что происходит, виноват он сам?

- او مدت طولانی نمی توانست بفهمد که چه اتفاقی دارد می افتد، اما یکبار ناگهان این فکر به ذهنش خطور کرد: اما شاید، در همه اتفاقاتی که رخ میدهد، او خودش مقصر است؟

[У моддāте тулани немитāванест бефāхмād кеч е етефаги дарād ми офтād, āmma йекбар нагāхан ин фекр бе зехнāш хотур кārд: āmma шайād, дār хāмейе эиефегати ке рох мидāхād, у ходāш могāсер āст].

Данное устойчивое сочетание в персидском языке передается сложным непереходным глаголом *бе зехн хотур кārдāн*.

6. К власти = получать – получить власть в результате выборов; захватывать – захватить власть силой.

А. В результате выборов *к власти* в стране *пришли* республиканцы.

در نتیجه انتخابات، جمهوری خواهان در کشور به قدرت رسیدند.

[Дār нāтиджейе энтехабат, джомхури хахан дār кешвār бе годрāt ресидāнд].

Б. В октябре 1917 года *к власти* в России *пришли* большевики.

در اکتبر 1917 بالشویک ها در روسیه به قدرت رسیدند.

[Дār октoбре 1917 балшевик ха дār русие бе годрāt ресидāнд].

В данном значении структурное сочетание в обоих языках совпадает. Переносное значение глагола «прийти» в двух рассматриваемых языках обозначается при помощи русского предлога *к* и персидского предлога *به*, а также косвенного дополнения.

7. Кому / приходится что делать = сделать что-то по необходимости.

А. Моему отцу часто *приходилось ездить* на охоту в карельские леса. Когда он возвращался, он рассказывал массу интересного.

پدرم اغلب مجبور میشد که برای شکار به جنگل های کارلیا برود. وقتی او برمی گشت، چیزهای جالب زیادی تعریف می کرد.

[Педārām āглāб мādжбур мишoд ке бārāйе

шекар бе джәнгәлхайе Карлия берәвәд. Вәгти у бәрмигәшт, чизхайе джалеве зиәди тәриф микәрд].

Б. Я хотел завтра отдохнуть, но мне *придется* ехать к Кириллу: надо кое о чём поговорить с ним.

می خواستم فردا استراحت کنم، اما مجبور خواهم بود نزد کیریل بروم: باید با او درباره مسئله ای صحبت کنم.

[Михастәм фәрда эстерахәт конәм, әма мәджбур хахәм буд нәзде Кирил берәвәм: байәд ба у дәрбарейе мәсәлеи сохбәт конәм].

В. Мне *пришлось* поневоле совершенствоваться в русском языке.

مجبور شدم از روی اجبار زبان روسی ام را تقویت نمایم.

[Мәджбур шодәм аз руйе эджбар зәбане русиәм ра тәгвиәт кәрд].

Русское устойчивое словосочетание, требующее субъекта в дательном падеже, при передаче на персидский язык употребляется в личном предложении и обозначается простым глагольным сказуемым.

8. /Кто/, /что/ приходится – прийти по душе, по сердцу /кому/ = /кому/ нравиться – понравиться /кто, что/.

А. Мы познакомились с Фёдором Николаевичем на конференции, посвященной творчеству Пушкина, и этот человек сразу *пришелся нам по душе*.

ما با فتودور نیکولایویچ در کنفرانسی در خصوص هنر پوشکین ملاقات کردیم و بلافاصله از این شخص خوشمان آمد.

[Ма ба Фёдор Николаевич дәр конферанси дәрхосусе хонәре Пушкин молагат кәрдим вә белафаселе аз ин шәхс хошеман амәд].

Б. Он знал, что ему не *придется по душе* жить в одной комнате с кем-нибудь, поэтому решил жить не в общежитии, а на квартире.

او می دانست که از زندگی کردن با کسی در یک اتاق خوشش نخواهد آمد، بهمین خاطر تصمیم گرفت که نه در خوابگاه، بلکه در آپارتمان زندگی کند.

[У миданест ке аз зендеги кәрдән ба кеси дәр йек отаг хошәш нәхахәд амәд, бехәмин хатер тәсмим герефт ке нә дәр хабгах, бәлке дәр апартеман зендеги конәд].

В. Избрание на царство шестнадцатилетнего Михаила Романова *пришлось по сердцу* народу.

انتخاب میخائیل رومانوف شانزده ساله به پادشاهی مورد رضایت مردم واقع شد.

[Энтехабе Михаил Романове шанздәх сале бе падешахи мореве резайәте мәрдом ваге шод].

Г. Главному редактору журнала *пришелся по душе* «Себастиан Найт» (роман В. Набокова).

ویراستار اصلی مجله از «سپاستین نایت» خوشش آمد.

[Вираваре әслие мәджәле аз Себастиан Найт хошәш амәд].

Подобно предыдущему пункту, переносное значение, передаваемое формой безличного предложения и глагольной парой *прийтись* –

приходиться, в персидском языке обозначается личным предложением и сложным глагольным сказуемым «خوش آمدن» *хош амәдән* (в значении *нравиться – понравиться*). Кроме того, следует отметить, что данная глагольная пара также может употребляться во фразеологических сочетаниях:

1. Кому / приходиться – прийти в голову / что сделать / = возникать (возникнуть) в сознании; серьезно осознать:

А. Как-то раз мы шли по Невскому, и вдруг Леониду *пришла в голову* мысль поехать нам всем вместе на ипподром и сыграть на скачках.

یکبار در نفسی قدم میزدیم، ناگهان لئونید به این فکر افتاد (به سرش زد) که با هم به ایپادروم برویم و در مسابقات اسب دوانی بازی کنیم.

[Йекбар дәр Невский гәдәм мизәдим, нагәхан Леонид бе ин фекр офтад (бе сәрәш зәд) ке ба хәм бе ипподром берәвим вә дәр мосабегате әсб дәвани бази коним].

Б. Мне не могло *прийти в голову*, что эта стройная женщина – мать пятерых сыновей.

نمی توانم تصور کنم که این خاتم خوش اندام مادر پنج فرزند است.

[Немитәванәм тәсәвор конәм ке ин хануме хош әндам мадәре пәндж фәрзәнд әст].

В. Ты уехал на неделю куда-то и ничего не сказал дома?! Как *тебе это могло прийти в голову*?

تو برای یک هفته جایی رفتی و در خانه چیزی نگفتی؟! چطور این فکرتوانست به سرت برزند؟

[То бәрәйе йек хәфте джаи рәфти вә дәр хане чизи нагофти?! Четор ин фекр тәванест бе сәрәт безәнәд?]

Г. – Пойду завтра схожу к Наташе и Николаю. – А тебе *не приходит в голову*, что сейчас им никого не хочется видеть?

- فردا به نزد ناتاشا و نیکلای می روم. - این به ذهنت نرسیده که الان آنها دلشان نمی خواهد کسی را ببینند؟

[– Фәрда бе Наташа вә Николай мирәвәм. – Ин бе зехнәт нәресиде ке әлан анха делешан немихахәд кәси ра бебинәнд?]

Данное переносное значение в персидском языке передается сложным глаголом (به ذهن رسیدن) *бе зехн ресидән*, *бе сәр зәдән* в безличном предложении.

2. Приходиться – прийти в себя / после чего / = успокаиваться – успокоиться / после чего-то трудного, опасного; выздоравливать – выздороветь; заканчиваться – закончиться / об обмороке, о болезни:

А. После операции он долго *приходил в себя*.

پس از عمل جراحی او مدت زیادی طول کشید تا او به خودش بیاید.

[Пәс аз әмәле джәрахи модәте зиәди тул кешид та у бе ходәш биайәд].

Б. Жители города никак не могут *прийти в*

себя после сообщения о начале военной операции в этом регионе.

پس از اعلام آغاز عملیات نظامی در این منطقه، ساکنان این شهر اصلاً نمی توانند به خود بیایند.

[Pās āz эламе агазе āmālye незами дār ин мāntāge сакенане ин шāhr āslān немитāванāнд бе ход биайāнд].

В. Только через полгода после кончины отца он пришёл в себя.

او تنها شش ماه پس از مرگ پدرش به خود آمد.

[У tānха шеш мах пās āz мārge педārāш бе ход амād].

Устойчивое сочетание «прийти – приходить в себя» в персидском языке обозначается сложным непреходным глаголом *آمدن به خود آمدن*, обладающим переносным значением.

Проведенный нами анализ позволяет сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для данного исследования. Большое количество русских глаголов многозначны. Они имеют не только первое, буквальное лексическое значение, но и в ряде случаев обладают вторым, переносным значением, представление о котором можно получить только при их употреблении в определенных предложениях или специальных сочетаниях. В нашей статье были рассмотрены переносные значения глаголов движения «прийти – приходить» и их эквиваленты в персидском языке. Опыт преподавания русского языка в иранской аудитории показывает: студенты младших курсов не имеют никакого представления о том, что некоторые глаголы движения обладают лексическими значениями, которые совсем не связаны со значением «перемещение из одного места в другое». Эквиваленты рассмотренных нами предложений в персидском языке свидетельствуют о том, что каждое переносное значение одной глагольной пары может обозначать разные переносные значения в персидском языке и выражаться несколькими способами: как простым глаголом, так и сложным глаголом и с самостоятельными или служебными частями речи. Даже в некоторых переносных значениях наблюдается полное сходство в русском и персидском языках. Сказанное позволяет заключить, что изучение переносных значений глаголов движения возможно только в рамках определенных предложений. В противном случае иностранным студентам будет трудно или невозможно овладеть понятием переносного значения глагола движения и употреблять его в своей речи. Помимо этого, опыт преподавания РКИ в иранской аудитории свидетельствует о том, что часто пероговорящие студенты при изучении глаголов движения знакомятся только с их буквальными, прямыми значениями, а переносное значение глаголов движения обсуждается редко.

Предполагается, что анализ переносных значений глаголов движения не только поможет оптимизации методов преподавания данного понятия в иранской аудитории, но и окажет влияние на предотвращение типичных ошибок иранских студентов-русистов и переводчиков.

Список литературы

- Аверьянова Г. Н. Русские глагольные приставки. М.: Русский язык. Курсы, 2008. 168 с.
- Архипова Л. В. Изучаем глаголы движения: учеб.-метод. пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 72 с.
- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1996. 605 с.
- Барыкина А. Н., Добровольская В. В. Приставочные глаголы в ситуациях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 118 с.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: ВГУ, 1993. 196 с.
- Восканян Г. А. Русско-персидский словарь: ок. 3000 слов. М.: АСТ: Восток – Запад, 2008. 865 с.
- Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с.
- Каргина Е. М. Теория перевода. Часть 1. Научно-понятийная и концептуальная основа. Пенза: ПГУАС, 2014. 168 с.
- Куприянова Т. Ф. Глаголы движения с приставками. Многозначность; Переносное значение; Фразеология: учеб. пособие. Таганрог: Кучма Ю. Д., 2005. 210 с.
- Ласкарева Е. Р. Чистая грамматика. 2-е изд. СПб: Златоуст, 2008. 336 с.
- Овчинникова И. К., Фуругян Г. А. Русско-персидский словарь. М.: Сов. энцикл., 1965. 1091 с.
- Русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. 788 с.
- Русско-персидский словарь. Около 11000 слов / под ред. Г. А. Восканяна. Тегеран: Джанзаде, 1995. 872 с.
- Семенов А. Л. Основы общей теории перевода и переводческой деятельности. М.: Академия, 2008. 160 с.
- Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 799 с.
- Фоменко Ю. В. Типы речевых ошибок. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 1994. 60 с.
- Meshkatoddini M. Persian Grammar Based on Transformational Theory. Mashhad: Ferdowsi University, 1991. 242 p.
- Natel Khankari P. Persian Grammar. Tehran: Babak, 1976. 367 p.
- Shafaei A. Scientific Basis of Persian Grammar. Tehran: Novin, 1984. 645 p.

References

- Aver'yanova G. N. *Russkie glagol'nye pristavki* [Russian Verbal Prefixes]. Moscow, Russky yazyk. Kursy Publ., 2008. 168 p. (In Russ.)
- Arkhipova L. V. *Izuchaem glagoly dvizheniya* [Learning Verbs of Motion]: a study guide. Tambov, Tambov State Technical University Press, 2006. 72 p. (In Russ.)
- Akhmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1996. 605 p. (In Russ.)
- Barykina A. N., Dobrovol'skaya V. V. *Pristavochnye glagoly v situatsiyakh* [Prefixed Verbs in Situations]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1975. 118 p. (In Russ.)
- Volokhina G. A., Popova Z. D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroystvo, sistemnye otnosheniya* [Russian Verbal Prefixes: Semantic Structure, Systemic Relations]. Voronezh, Voronezh State University Press, 1993. 196 p. (In Russ.)
- Voskanyan G. A. *Russko-persidskiy Slovar': okolo 3000 slov* [Russian-Persian Dictionary: About 3,000 Words]. Moscow, AST: East – West Publ., 2008. 865 p. (In Russ.)
- Ilyushkina M. Yu. *Teoriya perevoda: osnovnye ponyatiya i problemy* [The Theory of Translation: Basic Concepts and problems]: a textbook. Yekaterinburg, Ural Federal University Press, 2015. 84 p. (In Russ.)
- Kargina E. M. *Teoriya perevoda. Chast' 1. Nauchno-ponyatiynaya kontseptual'naya osnova* [Translation Theory. Part 1. Scientific-Notional and Conceptual Basis]. Penza, Penza State University of Architecture and Civil Engineering Press, 2014. 168 p. (In Russ.)
- Kupriyanova T. F. *Glagoly dvizheniya s pristavkami. Mnogoznachnost'; Perenosnoe znachenie; Frazeologiya* [Verbs of Motion with Prefixes. Polysemy; Figurative Meaning; Phraseology]. Taganrog, Kuchma Yu. D. Publ., 2005. 210 p. (In Russ.)
- Laskareva E. R. *Chistaya grammatika* [Pure Grammar]. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2008. 336 p. (In Russ.)
- Ovchinnikova I. K., Furugyan G. A. *Russko-persidskiy slovar'* [Russian-Persian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1965. 1091 p. (In Russ.)
- Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 788 p. (In Russ.)
- Russko-persidskiy slovar': okolo 11000 slov* [Russian-Persian Dictionary: About 11,000 words]. Ed. by G. A. Voskanyan. Tehran, Janzadeh Publ., 1995. 872 p. (In Russ.)
- Semenov A. L. *Osnovy obshey teorii perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti* [Fundamentals of the General Theory of Translation and Translation Activity]. Moscow, Academia Publ., 2008. 160 p. (In Russ.)
- Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. Ed. by V. A. Beloshapkova. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 799 p. (In Russ.)
- Fomenko Yu. V. *Tipy rechevykh oshibok* [Types of Speech Errors]. Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University Press, 1994. 60 p. (In Russ.)
- Meshkatoddini M. *Persian Grammar Based on Transformational Theory*. Mashhad, Ferdowsi University, 1991. 242 p. (In Eng.)
- Nateli Khankari P. *Persian Grammar*. Tehran, Babak, 1976. 367 p. (In Eng.)
- Shafaei A. *Scientific Basis of Persian Grammar*. Tehran, Novin, 1984. 645 p. (In Eng.)

Methods of Translating the Figurative Meanings of the Russian Verbs of Motion 'прийти – приходить' into the Persian Language

Ghalebandi Seyede Safoora

Certified Russian Translator to the Iranian Judiciary

Official Translation Bureau No. 837

bld. Yas, Yas alley, Amir Mazandarani st., Sari, 4851644398, Iran. s.ghalebandi@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3446-8042>

Ebrahimsharifi Shler

Assistant Professor in the Department of French and Russian Languages

University of Isfahan

Azadi square, Isfahan, 8174673441, Iran. sh.sharifi@fgn.ui.ac.ir

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9683-9473>

Submitted 05 Jul 2024

Revised 29 Aug 2024

Accepted 15 Apr 2025

For citation

Ghalebandi S. S, Ebrahimsharifi Sh. Sposoby perevoda perenosnykh znacheniy russkikh glagolov dvizheniya «priyti – prikhodit'» v persidskom yazyke [Methods of Translating the Figurative Meanings of the Russian Verbs of Motion 'прийти – приходить' into the Persian Language]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 16–23. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-16-23. EDN UMOIFG (In Russ.)

Abstract. The formation of communicative skills in foreign students is impossible without mastering language norms. The study of Russian verbs of motion, including their lexical and grammatical features, is among the most difficult challenges for Iranian audience. Most often, when studying Russian verbs of motion, students get acquainted with the direct and basic meanings of the verbs. The practice of teaching Russian as a foreign language shows that Iranian students often have no idea about figurative meanings of verbs of motion. Moreover, the ability of verbs to combine with different affixes and acquire new lexical and grammatical characteristics complicates the process of mastering their figurative meanings. The fact that verbs of motion are frequently used not only in everyday life but also in business communication makes it necessary to teach figurative meanings in audiences studying Russian as a foreign language. This research paper analyzes the methods of translating figurative meanings of the verbs of motion 'прийти – приходить' into Persian. The purpose of this article is to study the figurative meanings of these verbs in Persian as well as the linguistic means by which these meanings are conveyed.

Key words: Russian language; Persian language; verbs of motion; translation; figurative meaning.

УДК 81'42
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-24-31
<https://elibrary.ru/aduqkg>

EDN ADUQKG

Категория (не)вежливости и ее стратегическое выражение в дискурсе стендап-выступлений этнической тематики (на материале англоязычных выступлений азиатских комиков)

Дудкова Дарина Сергеевна

преподаватель кафедры иностранных языков, русского и русского как иностранного
Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева –
КАИ

420111, Россия, г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 10. dudkova-darina@yandex.ru

SPIN-код: 9675-1878

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4163-044X>

Статья поступила в редакцию 11.02.2025

Одобрена после рецензирования 26.03.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Информация для цитирования

Дудкова Д. С. Категория (не)вежливости и ее стратегическое выражение в дискурсе стендап-выступлений этнической тематики (на материале англоязычных выступлений азиатских комиков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 24–31. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-24-31. EDN ADUQKG

Аннотация. В статье рассматривается категория вежливости и ее стратегическое функционирование в рамках стендап-выступлений азиатских комиков на этническую тематику перед западной аудиторией. Данный тип дискурса был выбран в качестве предмета исследования в силу ряда причин: актуальности проблемы взаимодействия между членами поликультурного сообщества, слабой изученности организации дискурса данного типа, игрового фрейма заданной речевой ситуации, который подразумевает отличное от иных форм общения взаимодействие коммуникантов. Целью данной работы является выделение и классификация речевых ходов, реализующих тактику (не)вежливости в этнических шутках, объектом которых являются отдельные зрители или зрительный зал. Стендап-выступление понимается автором как речевой акт. В статье анализируется релевантность максим кооперативного поведения для стендап-дискурса, отмечается, что согласно ожиданиям зала стендап-комик играет роль нарушителя традиционных правил поведения. Рассматриваются категории (не)вежливости, в том числе мнимой невежливости, их потенциал в создании комического дискурса. Приводится обзор современной литературы, посвященной функционированию тактики (не)вежливости в дискурсе стендап-выступлений. В результате трехступенчатой выборки проводится дискурс-анализ ряда видеозаписей стендап-выступлений на предмет реализации комиками тактики (не)вежливости по отношению к зрителям. Автор выделяет три типа речевых ходов: нейтральные по отношению к «лицу» слушающих, направленные на сохранение «лица» слушающих и представляющие реальную или потенциальную угрозу «лицу» слушающих. По результатам анализа делается вывод, что речевые ходы третьего типа являются наиболее популярными среди комиков в силу многофакторной эффективности в рамках дискурса данного типа.

Ключевые слова: этнический юмор; стендап; вежливость; невежливость; подшучивание; нарушение правил кооперации; коммуникативные стратегии.

Введение

Стендап-комедия является одной из наиболее популярных форм современного речетворчества. Несмотря на то что зрители на стендап-выступлениях, как правило, открыты и готовы к восприятию большинства шуток, некоторые из них в определенных случаях могут показаться залу обидными или даже глубоко задеть определенную часть присутствующих. Особенно данная проблема релевантна для шуток, касающихся тем, которых в бытовых диалогах с малознакомыми людьми обычно стараются избегать: национальные стереотипы, проблемы иммиграции, культурные различия и др. Речевые ходы, которые избирает комик, рассказывая шутки на подобные темы, представляют особый интерес для общей теории коммуникации и теории дискурса в частности.

В нашем исследовании мы рассматриваем стендап-выступление как речевой акт, стратегически обусловленный и совершаемый комиком исходя из его личных коммуникативных интенций и ожиданий относительно реакции слушателей [Иссерс 2008]. Как и для многих иных речевых актов, для дискурса стендап-выступления характерно определенное нарушение максим кооперативного поведения, предлагаемых П. Грайсом [Николаева 1990; Андреева 2009]. Так, С. Аттардо отмечает, что в случае с юмористическими текстами максимы кооперации Грайса должны быть дополнены. Например, он подчеркивает, что часть информации в шутке всегда должна быть скрыта от слушающего или не раскрываться вплоть до ее ключевой, обычно завершающей, реплики [Attardo 1994: 289–292]. Количество предоставленной информации в шутке может быть недостаточным, что нарушает максимум количества, но именно такое сокрытие информации является необходимым, чтобы создать комическое противоречие, без которого шутка перестает быть таковой. Мы полагаем, что для успешного достижения своих коммуникативных интенций, стендап-комики также в определенной степени нарушают максимы кооперации Грайса. Например, во время работы с залом, задавая вопросы зрителям и высмеивая их, комик может нарушить максимум качества, сказав то, во что он на самом деле не верит и относительно чего у него нет доказательств, с целью рассмешить зал.

Однако именно такого поведения – нарушения общепринятых норм и конвенций общения – зрители и ждут от комика. По словам Л. Минтца, комик обладает «традиционной лицензией на девиантное поведение и (само)выражение» [Mintz 1985: 74]. Цитируя З. Фрейда, развивавшего юмористическую теорию Высвобождения,

он приходит к выводу, что приобщение к подобному «санкционированному девиантному поведению» позволяет зрителю примириться с социально наложенными на него ограничениями и нормами этикета и тем самым выплеснуть потенциально зреющее недовольство и агрессию [ibid.: 77].

Вместе с тем существует мнение, что общество становится всё чувствительнее к освещению таких тем, как раса, религия, пол и проч. И. Нванкво отмечает, что всё чаще право комиков шутить на любые темы и свободно критиковать различные институты власти и персоналии сегодня подвергается цензуре, и комики, решающиеся на подобного рода шутки, подвергают себя определенному риску [Nwankwo 2019].

Нарушение устоявшихся норм общения и резкие высказывания сами по себе не способствуют созданию комического противоречия и могут вызвать недовольство зрителя. Комику необходимо уметь выходить за рамки социальных ограничений таким образом, чтобы избежать коммуникативных неудач. В бытовом общении считается, что данные границы охраняются правилами вежливости, типичными для той или иной культуры. Комики же применяют различные коммуникативные стратегии и тактики.

Категории (не)вежливости и мнимой невежливости

П. Браун и С. Левинсон определяют вежливость как “source of deviation from such rational efficiency” («источник отклонения от подобной рациональной эффективности (максим Грайса)») и выделяют 4 группы стратегий: “bold on record” («прямое высказывание»), “positive politeness strategies” («стратегии позитивной вежливости»), “negative politeness strategies” («стратегии негативной вежливости») и “off record” («непрямое высказывание») [Brown, Levinson 1987]. По мнению вышеупомянутых авторов, при составлении сообщения говорящий апеллирует либо к «позитивному лицу» слушающего (его открытости к кооперации, желанию понравиться), либо к его «негативному лицу» (желанию защитить свои интересы, неприкосновенность личных границ). Авторы выделяют ряд “face threatening acts” (FTA) – это коммуникативные акты, которыми говорящий ставит «лицо» слушающего под угрозу и которые он может смягчить, прибегнув к одной из обозначенных стратегий [ibid.].

С категорией вежливости тесно связана противоположная ей категория невежливости. В контексте комического большее значение приобретает “mock impoliteness” («шутливая, мнимая невежливость») и ее разновидности – “banter” («подтрунивание, добродушное поддразнива-

ние») и сарказм. Мнимая невежливость, подтрунивание сочетают в себе два разных фрейма – хотя на поверхности речевого акта лежит одна коммуникативная интенция, иллюкутивный смысл сообщения с ней не соотносится, так как у говорящего на самом деле нет интенции нанести обиду или оскорбление. Более того, по утверждению Дж. Калпепера, отсутствие вежливости типично для доверительных отношений и способствует созданию таковых, а «внешнюю невежливость» скорее интерпретируют как подшучивание, нежели как грубость, если отношения между коммуникантами не близки [Culpeper 1996: 352]. В. Синкевичюте включает подтрунивание в формы выражения разговорного, диалогового юмора, наряду с подшучиванием и издевками, и отмечает, что такой тип юмора способен выполнять разнообразные функции, но главные связаны с утверждением силы или солидарности. Разные формы подшучивания активно используются для поддержания власти или создания имиджа лидеров [Sinkeviciute 2019: 61–64]. Подобная идея находит отражение в работах многих других исследователей. Например, Дж. Лич отмечает, что ирония по сравнению с прямым выражением невежливости более сложна и интересна и обладает способностью укрепить позицию «лица» говорящего, одновременно атакуя «лицо» слушающего [Leech 2014: 235].

Существование мнимой невежливости указывает на зыбкую грань между категориями (не)вежливости. По словам Дж. Калпепера, существует лишь незначительное число речевых актов, которые можно назвать имманентно (не)вежливыми. В остальных случаях контекст речевого акта и его понимание адресатом приобретает исключительную значимость для интерпретации прагматического значения сообщения [Culpeper 1996: 350–351]. Социальный контекст речевой ситуации и вербальные и невербальные подсказки со стороны адресанта (например, интонация, с которой произносится сообщение, подмигивание говорящего и др.) крайне важны для распознавания шутливого или, напротив, недружественного тона сообщения [Sinkeviciute 2019: 73].

Тактика (не)вежливости в дискурсе стендап-выступлений

Способы и стратегии выражения (не)вежливости в рамках стендап-выступлений пока малоизучены. Из найденных нами работ две, за авторством А. Хафиса и Ш. Ханидара, З. Арливия и Т. Дж. П. Сембодо, анализируют сольные концерты одного конкретного комика, в которых шутки не направлены на зрителей, а комик не работает с залом, не взаимодействует с

отдельными зрителями [Hafisa, Hanidar 2020; Arlivia, Sembodo 2024]. Ю. Аль Арьеф также рассматривает лишь одно выступление, но оно интересно тем, что политические фигуры, которых высмеивает комик, присутствуют в зале. Исследователь анализирует речевые ходы комикессы и описывает ее стратегию – комплименты, предваряющие шутки о присутствующих, и сами шутки, выстроенные с использованием хеджинга и “off record” высказываний (по классификации П. Браун и С. Левинсона) [Arief 2023].

Также существуют две работы, в рамках которых рассматриваются вежливость и этнические шутки в стендап-выступлениях. М. Доре анализирует один концерт, в котором приняли участие несколько комиков итальянского происхождения на английском языке перед англоговорящей аудиторией в Италии. Исследователь описывает четыре стратегии (по классификации Дж. Раттера), применяемые комиками, приводя в примеры озвученные шутки, упоминая один, в котором комик подшучивает над положением зрителей-иммигрантов. Автор подчеркивает, что шутки комиков относительно зрителей не были восприняты ими всерьез, как акты, угрожающие их «лицу» [Dore 2018]. В работе о малазийских комиках анализируются (согласно классификации П. Браун и С. Левинсона) 30 шуток этнической и политической тематики (в соотношении 17 к 13), при этом не упоминается, какой процент шуток этнической тематики был рассказан комиками перед иностранной аудиторией и сколько из них были направлены на зрителей. Результаты анализа показали, что “off record” стратегия наиболее популярна среди малазийских комиков и что к стратегиям вежливости в этнических шутках они прибегали чаще, чем в политических [Onn et al. 2018].

Четыре из пяти упомянутых выше исследований ограничиваются одним концертом, и лишь в одном проанализировано стратегическое использование тактики вежливости по отношению к зрителям в зале, однако данная работа не посвящена шуткам этнической тематики.

Материалы и методология

Нами были отобраны и проанализированы записи англоязычных стендап-выступлений этнической тематики азиатских комиков перед иностранным зрителем, найденные в открытом доступе. Данный тип выступлений был выбран для изучения исходя из особых условий коммуникативной ситуации, где комик, представитель национального меньшинства, стратегически выстраивает подачу своего материала перед зрителями – членами национального большинства. Комики, чьи выступления анализировались, яв-

ляются вторым поколением иммигрантов своей семьи, но по-прежнему сохраняют свою культурную идентичность. Для нашего анализа мы отобрали трех комиков разных возрастных групп и разного азиатского наследия – Рэй Лау, Фуми Абе и Бобби Ли, чья работа с залом в ходе их выступлений была заснята и выложена в открытый доступ.

В общей сложности нами было изучено 266 битов (бит – шутка, составными частями которой являются *setup* (подготовительная часть шутки, объясняющая ее контекст) и *панчлайн* (часть, в которой заключено комическое противоречие)), принимаемых нами за единицу сверхфразового единства в рассматриваемом типе дискурса. Из данной выборки нами было отобрано и более детально проанализировано 48 битов на основании их соответствия одновременно двум критериям: они представляют собой шутки на этническую тематику и направлены на зрителя и/или зал.

В данном исследовании речевые ходы, выражающие (не)вежливость, рассматриваются по отношению к непосредственному адресату, то есть зрителю, в соответствии с идеей о ключевой роли адресата в определении акта как (не)вежливого. Стендап – интерактивный речевой акт, зритель не является безголосым наблюдателем, он способен реагировать на шутки комика в реальном времени, вступает с ним в прямую коммуникацию на протяжении всего выступления.

Обсуждение результатов

Анализируя речевые ходы, совершаемые комиками, на предмет реализации тактики (не)вежливости, мы опирались на концепцию «лица» и «стратегий» вежливости, предложенную П. Браун и С. Левинсоном, а также на зеркально противоположную ей модель Дж. Калпепера о стратегиях (не)вежливости. По результатам анализа мы выделили следующие типы речевых ходов: нейтральные по отношению к «лицу» слушающих, направленные на сохранение «лица» слушающих и представляющие реальную или потенциальную угрозу «лицу» слушающих. Рассмотрим каждый тип речевых ходов на конкретных примерах.

Речевые ходы, нейтральные по отношению к «лицу» слушающих. В данную группу речевых ходов относим те шутки этнической тематики, которые нейтральны по отношению или не касаются зрителя лично или его национальной группы. Преимущественно наборы пропозиций данного типа характеризуют либо самого комика, либо объективную реальность или представляют собой нейтральные вопросы (например,

«Как Вас зовут?», «Чем вы занимаетесь?» и т.п.), заданные аудитории во время работы с залом.

Пример речевого хода, нейтрального по отношению к «лицу» слушающих, из сетапа к шутке о горячей линии о преступлениях против азиатов на одном из выступлений Фуми Абе: *I know Corona virus was very scary for a long time. I remember when it first started it was especially scary for Asian Americans because every time Trump was saying the word 'Chinese' virus, there was violence against Asian people* (Fumi).

Примечательно, что ввиду контекста комической коммуникативной ситуации или иных личных причин некоторые зрители могут находить нейтральные вопросы комика угрожающими их «негативному лицу». Так, на вопрос Рэя Лау относительно роста зрителя (*How tall are you, sir?*) с уважительным обращением, без предварительного ошучивания комиком данной темы и заданного без особо окрашенной интонации, зритель ответил *I'm OK*, давая комику понять, что не настроен продолжать коммуникацию (RayJLau, Audience).

Речевые ходы, направленные на сохранение «лица» слушающих. В данную группу мы включили те ходы, которые П. Браун и С. Левинсон обозначают как “positive politeness strategies” и “negative politeness strategies”, то есть такие, которые согласно концепции непосредственно связаны с социальными потребностями слушающих и направлены на их удовлетворение.

Примером “positive politeness strategies” может послужить включение комиком себя и слушающего в одну группу (“use in-group identity markers” по классификации П. Браун и С. Левинсона). Так, во время одного из своих выступлений комик Рэй Лау спросил зрителей, есть ли среди них азиаты: *Any Asian people here?*, и одна из зрительниц громко закричала о своем присутствии. Комик ответил *Yes, sister, yes!*, давая понять, что солидарен с девушкой в ее национальной гордости. Узнав, что зрительница является студенткой, комик пошутил, на этот раз устанавливая контакт с остальной частью зала, используя дружеское обращение и подтверждающий вопрос: *I'm not gonna make an Asian student joke. You, guys, want me to make an Asian student joke, don't you?* (RayJLau, Asian pride).

Речевые ходы, которые представляют реальную или потенциальную угрозу «лицу» слушающих. В данную группу речевых ходов мы включили те, что прямо или завуалированно способны нанести вред «лицу» зрителей. Большинство из этих ходов обладают высокой степенью иллокутивности и относятся или к категории “off record strategies” (согласно классификации

Браун и Левинсона), или к категории “sarcasm and mock politeness” (в классификации Калпепера), прибегая к которым говорящий желает снять с себя ответственность за совершаемый ФТА и предоставить право интерпретации своего высказывания слушающему. На наш взгляд, одной из основных интенций комика при использовании подобных ходов является желание создать комическое противоречие, рождаемое из возможности неоднозначной интерпретации пропозиций. Кроме того, подобные ходы обеспечивают аутентичность речевой организации стендап-выступления (как, например, имитацию дружеской неформальной беседы).

Комик корейского происхождения Бобби Ли известен своим резким и весьма экстравагантным юмором. Одно из своих выступлений он начал с дружественного возгласа: *White people, have a run of applause, I love you so much!*, но уже после первой шутки он выдает следующий сетап: *White people say racist sh*t accidentally, that's gonna stop* (Lee). Хотя Ли и использует обобщение, “white people”, не указывая на конкретных зрителей, что можно было бы трактовать как ‘negative politeness strategy’, принимая во внимание его приветствие, а именно тот факт, что для комика зрители являются просто группой белых, отметим, что в данной пропозиции угадывается его недовольство и скрытая претензия по отношению к зрителям и белому населению в целом, а обценная лексика в данном случае напрямую оскорбляет зрителя.

Пример из другого выступления, концерта комика Фуми Абе во время его работы с залом. Абе обратился к одному из зрителей; *Dude, you're like a nice guy, but like* (пауза) *are you wearing a Princeton shirt right now? Oh my god. Dude, you're like aggressively white. It's like... it is ... it's*

not appropriate, you can't put this in front of me, I'm like vulnerable. You know what I'm saying? (Abe). Хотя вначале Абе и прибегает к “positive politeness strategy”, адресуя зрителю своеобразный комплимент, ограничивающий союз ‘but’ дает понять, что у комика сложилось неоднозначное впечатление о зрителе. Несмотря на то что Абе говорит несколько расплывчато, опуская некую информацию, человеку, имеющему некоторый багаж знаний о современной американской культуре и об определенной репутации данного учебного заведения, то есть всем присутствующим, будет понятно, что именно подразумевал Абе. Также, узнав, что зритель учится теперь в другом, менее престижном университете, комик делает выпад, проявляя саркастичное участие, спрашивая и громко смеясь *Ohh, what happened?*, что вполне могло бы задеть гордость зрителя и поставить его «лицо» под угрозу. Однако положительная реакция зрителя говорит о том, что он не воспринимает шутки комика как попытки обвинить его в расизме, оценивает их как “jocular behavior” («шутливое поведение»).

В таблице представлены разновидности речевых ходов второго и третьего типа и их последовательности, встреченные нами в рассмотренных битах. В данную таблицу не были включены речевые ходы первого типа из-за их нейтрального характера и речевые ходы второго и третьего типов в шутках, лишенных этнической составляющей. Под СЛ понимаются речевые ходы второго типа – ходы, направленные на сохранение лица слушающего, а под РПУ – ходы третьего типа, которые представляют реальную или потенциальную угрозу «лицу» слушающих. Рядом с сокращениями названий ходов указан адресат, также отмечено, если изначальный ход был смещен и бит продолжен ходом другого порядка.

Типы и последовательности речевых ходов и количество соответствующих битов

The types and sequences of speech moves and the number of corresponding bits

№ п/п	Типы речевых ходов	Количество битов соответствующего типа
1	СЛ (зритель)	6 (12,5 %)
2	СЛ (зритель) – СЛ (зал)	1 (2 %)
3	СЛ (зритель) – РПУ (зал)	1 (2 %)
4	СЛ (зритель) – РПУ (тот же зритель)	3 (6,25 %)
5	СЛ (зал) – РПУ (зал)	1 (2 %)
6	РПУ (зритель)	22 (46 %)
7	РПУ (зал)	6 (12,5 %)
8	РПУ (зритель) – СЛ (тот же зритель)	3 (6,25 %)
9	РПУ (зритель) – РПУ (зал)	3 (6,25 %)
10	РПУ (зритель) – РПУ (другой зритель)	1 (2 %)
11	РПУ (зал) – РПУ (зритель)	1 (2 %)

Из анализируемых битов лишь около 15 % состояли исключительно из речевых ходов второго типа, то есть направлены на сохранение «лица» зрителя(ей). Примечательно, что пять из семи ходов основывались на общей национальной культуре комика и зрителя. На наш взгляд, такое низкое процентное соотношение в сравнении с ходами третьего типа объясняется тем, что последние обладают большим комическим потенциалом. Кроме того, таким образом комик, являющийся представителем национального меньшинства, пытается оставаться в позиции силы по отношению к представителям национального большинства. По этим же причинам 10 % ходов второго типа были продолжены ходами третьего типа. Тем не менее стоит отметить, что в 6 % случаев комики решали «смягчить» свой выпад в сторону конкретного зрителя, прибегнув к ходу, направленному на сохранение «лица» зрителя.

Как уже было отмечено, речевые ходы третьего типа оказались наиболее частотными. Интересно, что хотя около 23 % ходов РПУ включали в себя обвинения зрителей в нетолерантном или расистском поведении по отношению к комику или его культуре, почти половина, 46 % ходов комика содержали нетолерантные или расистские высказывания. Тем не менее с помощью невербальных маркеров и благодаря игровому контексту речевой ситуации комику удастся дать зрителю понять, что такие ходы являются мнимой невежливостью.

Выводы

Стендап-выступление является неритуализированной ситуацией общения, а тема этнического своеобразия всегда требует от коммуникантов особой осторожности. Поэтому стендап-комику необходим этап стратегического планирования и тщательное продумывание речевых ходов и способа их подачи. Как показал анализ литературы, существует крайне мало работ, изучающих применение тактики (не)вежливости в этническом стендап-дискурсе, несмотря на возрастающую популярность данного вида выступлений.

Результаты исследования демонстрируют, что речевые ходы, представляющие реальную или потенциальную угрозу «лицу» зрителей, являются наиболее популярным типом ходов, так как именно данный тип эффективен при создании комического противоречия, необходимого для функционирования шуток. Кроме того, подобная завуалированная, а не открытая конфронтация является примером «санкционированного девиантного поведения», которого зритель ожидает от комика. Помимо этого, мы полагаем, что данная речевая тактика позволяет комику, представителю национального меньшинства, оставаться в

позиции силы среди зрителей – представителей национального большинства и тем самым сохранять контроль над ходом речевой ситуации.

Стратегическое выстраивание своего выступления наделяет комика возможностью столкнуться зрителя с нетолерантными установками и стереотипным мышлением в социально безопасной ситуации, высмеивая, показать их несостоятельность и сомнительность. Не каждый зритель априори готов к восприятию подобной информации, поэтому стратегическое написание материала и прогнозирование реакций зала, своевременное реагирование на них непосредственно во время выступления являются одними из важнейших компонентов успешного стендап-выступления на сегодняшний день.

Список источников

Lee Bobby. Stand-Up Comedy Special, Youtube. URL: <https://youtu.be/r8YOn9vgtCk?si=Sk8twb3Ep4rHiX86> (дата обращения: 31.01.2025).

Fumi Abe. Performs Stand-UP. URL: <https://youtu.be/ozLkSbFUoSI?si=UGpKFAuplID5z4Lz> (дата обращения: 31.01.2025).

Abe Fumi. Big Mrs. Kim Energy, Youtube shorts. URL: <https://youtube.com/shorts/6JxeVPrSI-A?si=vOdA9p1a8YDl3fO> (дата обращения: 31.01.2025).

RayJLau. Audience refuses crowdwork, Youtube shorts. URL: <https://youtube.com/shorts/QdxT01E3Dmw?si=1SnD12oz0QsLkVnh> (дата обращения: 31.01.2025).

RayJLau. Asian pride, Youtube shorts. URL: <https://youtube.com/shorts/L7WomWfINH4?si=Cz1Gpu35ZmiRsywH> (дата обращения: 31.01.2025).

Список литературы

Андреева В. Ю. Стратегии и тактики коммуникативного саботажа: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2009. 23 с.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 284 с.

Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и/или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

Arief Al Y. Politeness in Roasting: When Humour Meets Power // Journal of Linguistics, Culture and Communication. 2023. Vol. 1(1). P. 67–78.

Arlivia Z., Sembodo T. J. P. Impoliteness Strategies in John Mulaney's Stand-Up Comedy // Lexicon. 2024. Vol. 11(1). P. 63–72. doi 10.22146/lexicon.v11i1.87082.

Attardo S. Linguistic Theories of Humor. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994. 426 p.

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage* / ed. by J. J. Gumperz. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.

Culpeper J. Towards an Anatomy of Impoliteness // *Journal of Pragmatics*. 1996. Vol. 25(3). P. 349–367.

Dore M. Laughing at You or Laughing with You? Humour Negotiation and Intercultural Stand-up Comedy // *The Dynamics of Interactional Humor* / V. Tsakona & J. Chovanec (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2018. P. 105–126.

Hafisa A., Hanidar Sh. Impoliteness Strategies in Trevor Noah's *Afraid of the Dark* Stand-up Comedy Show // *Lexicon*. 2020. Vol. 7(2). P. 215–223. doi 10.22146/lexicon.v7i2.66571.

Leech G. N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press, 2014. 343 p.

Mintz L. E. Standup Comedy as Social and Cultural Mediation // *American Quarterly: Special Issue: American Humor*. 1985. Vol. 37(1). P. 71–80.

Nwankwo E. I. Incongruous Liaisons: Routes of Humour, Insult and Political (In)correctness in Nigerian Stand-up Jokes // *European Journal of Humour Research*. 2019. Vol. 7(2). P. 100–115. doi 10.7592/EJHR2019.7.2.nwankwo.

Onn Ch. T. et al. A Comparison of Malaysian Ethnic and Political Stand-up Comedies' Text Structures and Use of Politeness Strategies / Ch. T. Onn, H. Tan, A. N. Abdullah, Ch. S. Heng // *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*. 2018. Vol. 7(7). P. 182–190. doi 10.7575/aiac.ijalel.v.7n.7p.182.

Sinkeviciute V. *Conversational Humour and (Im)politeness: A Pragmatic Analysis of Social Interaction*. Amsterdam: John Benjamins, 2019. 274 p.

References

Andreeva V. Yu. *Strategii i taktiki kommunikativnogo sabotazha*. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk [Strategies and tactics of communicative sabotage. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Kursk, 2009. 23 p. (In Russ.)

Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech]. 5th ed. Moscow, LKI Publ., 2008. 284 p. (In Russ.)

Nikolaeva T. M. O printsipe 'nekooperatsii' i/ili o kategoriakh sotsiolingvisticheskogo vozdeystviya [On the principle of 'uncooperation' and/or about categories of sociolinguistic influence]. *Logicheskiy*

analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta [Logical Analysis of Language: Contradictions and Anomalies of a Text]. Ed. by N. D. Arutyunova. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 225–235. (In Russ.)

Arief Al Y. Politeness in roasting: When humour meets power. *Journal of Linguistics, Culture and Communication*, 2023, vol. 1(1), pp. 67–78. (In Eng.)

Arlivia Z., Sembodo T. J. P. Impoliteness strategies in John Mulaney's stand-up comedy. *Lexicon*, 2024, vol. 11(1), pp. 63–72. doi 10.22146/lexicon.v11i1.87082. (In Eng.)

Attardo S. *Linguistic Theories of Humor*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1994. 426 p. (In Eng.)

Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Ed. by J. J. Gumperz. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p. (In Eng.)

Culpeper J. Towards an anatomy of impoliteness. *Journal of Pragmatics*, 1996, vol. 25(3), pp. 349–367. (In Eng.)

Dore M. Laughing at you or laughing with you? Humour negotiation and intercultural stand-up comedy. *The Dynamics of Interactional Humor*. Ed. by V. Tsakona, J. Chovanec. Amsterdam, John Benjamins, 2018, pp. 105–126. (In Eng.)

Hafisa A., Hanidar Sh. Impoliteness strategies in Trevor Noah's *Afraid of the Dark* stand-up comedy show. *Lexicon*, 2020, vol. 7(2), pp. 215–223. doi 10.22146/lexicon.v7i2.66571. (In Eng.)

Leech G. N. *The Pragmatics of Politeness*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 343 p. (In Eng.)

Mintz L. E. Standup comedy as social and cultural mediation. *American Quarterly: Special Issue: American Humor*, 1985, vol. 37(1), pp. 71–80. (In Eng.)

Nwankwo E. I. Incongruous liaisons: Routes of humour, insult and political (in)correctness in Nigerian stand-up jokes. *European Journal of Humour Research*, 2019, vol. 7(2), pp. 100–115. doi 10.7592/EJHR2019.7.2.nwankwo. (In Eng.)

Onn Ch. T. et al. A comparison of Malaysian ethnic and political stand-up comedies' text structures and use of politeness strategies. *International Journal of Applied Linguistics & English Literature*, 2018, vol. 7(7), pp. 182–190. doi 10.7575/aiac.ijalel.v.7n.7p.182. (In Eng.)

Sinkeviciute V. *Conversational Humour and (Im)politeness: A Pragmatic Analysis of Social Interaction*. Amsterdam, John Benjamins, 2019. 274 p. (In Eng.)

(Im)politeness and Its Strategic Expression in Ethnic Stand-Up Comedy (drawing on English-language performances of Asian comedians)

Darina S. Dudkova

Lecturer in the Department of Foreign Languages, Russian, and Russian as a Foreign Language
Kazan National Research Technical University named after A. N. Tupolev – KAI
10, Karla Marksa st., Kazan, 420111, Russia. dudkova-darina@yandex.ru

SPIN-code: 9675-1878

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4163-044X>

Submitted 11 Feb 2025

Revised 26 Mar 2025

Accepted 19 Jun 2025

For citation

Dudkova D. S. Kategoriya (ne)vezhlivosti i ee strategicheskoe vyrazhenie v diskurse standap-vystupleniy etnicheskoy tematiki (na materiale angloyazychnykh vystupleniy aziatskikh komikov) [(Im)politeness and Its Strategic Expression in Ethnic Stand-Up Comedy (drawing on English-language performances of Asian comedians)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 24–31. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-24-31. EDN ADUQKG (In Russ.)

Abstract. The article investigates the category of politeness and its strategic functioning in stand-up gigs involving ethnic humor and delivered by Asian comedians in front of western audience. The following reasons constitute the rationale behind the research: the importance of communication between members of multicultural communities, a lack of research on ethnic stand-up discourse, the play frame of the communicative situation engaging participants in a distinctive form of interaction. The aim of the research is to identify and classify speech moves effectuating the discursive (im)politeness tactic in ethnic jokes with specific audience members or audience as a whole being the butts. In this research paper a stand-up performance is considered to be a speech act. The extent to which Grice's maxims could be applied with regard to stand-up discourse is analyzed. It is highlighted that, according to the audience's beliefs, a stand-up comedian is expected to play a role of a marginal person, flouting conventional rules of social conduct. The categories of (im)politeness, including mock impoliteness, and their potential in creating comic incongruity is considered. The article provides an overview of modern literature concerning (im)politeness strategies in stand-up comedy. The material under research is a three-stage selection of video recordings of stand-up performances. A discourse analysis of the performances was conducted to pin down the application of (im)politeness tactics targeting the audience. The author distinguishes three types of speech moves: moves neutral toward the 'face' of the interlocutor(s), moves supporting the 'face' of the interlocutor(s), moves putting the 'face' of the interlocutor(s) at potential or real risk. The findings suggest that moves putting the 'face' of the interlocutor(s) at potential or real risk make up the majority of speech moves made by the comedians, the primary reasons being their effectiveness when it comes to creating the comic incongruity and their ability to boost the comedian's 'face'.

Key words: ethnic humor; stand-up; politeness; impoliteness; banter; flouting Grice's maxims; communicative strategies.

УДК 811.581:004.77:61
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-32-42
<https://elibrary.ru/oyonni>

EDN OYONNI

Разработка оптимальной информационно-коммуникационной стратегии при угрозе в области здравоохранения с учетом специфики китайского опыта борьбы с коронавирусной инфодемией

Тянь Юнчунь

аспирант кафедры массовых коммуникаций

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6. 104225221@pfur.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5694-3968>

Статья поступила в редакцию 10.02.2025

Одобрена после рецензирования 21.04.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Информация для цитирования

Тянь Юнчунь. Разработка оптимальной информационно-коммуникационной стратегии при угрозе в области здравоохранения с учетом специфики китайского опыта борьбы с коронавирусной инфодемией // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 32–42. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-32-42. EDN OYONNI

Аннотация. Скорость и массовость распространения информации в современном мире в связи с глобальными вызовами в области здравоохранения имеют двоякую направленность: с одной стороны, убыстряется распространение жизненно важных сведений, с другой – сохраняется тенденция к ухудшению качества информации и дестабилизации общественной жизни за счет современных информационных достижений. Крупные чрезвычайные ситуации в области общественного здравоохранения являются не только вопросом национальных систем здравоохранения, но и вопросом национального управления и модернизации национального потенциала распространения информации и управления.

В статье автор анализирует основополагающие факторы из истории и социального мировоззрения китайцев, которые напрямую влияют на медийный контекст реакции правительства и китайского общества в ситуации коронавируса. Социальное мировоззрение представителей китайского общества в настоящий момент существует в динамично развивающемся и неоднородном (по мнению некоторых ученых – переходном) контексте, что, несомненно, выступает фактором, определяющим развитие социальных медиа. Уважение к традициям и рационально-гармоничному социальному устройству переплетается с развитием индивидуализма, модернизацией, глобализацией. В этом контексте китайским обществом становится сложнее управлять, в частности, когда оно сталкивается с чрезвычайными ситуациями. Пройденный Китаем опыт борьбы с инфодемией и ошибки, допущенные правительством, позволяют выявить некоторые аспекты оптимальной информационно-коммуникационной стратегии в ситуации угрозы в области здравоохранения, основные пункты которой приведены в заключении статьи.

Ключевые слова: социальные сети; Китай; коронавирус; COVID-19; инфодемия; пандемия.

Введение

Китаю было суждено первым принять на себя удар коронавирусной инфекции. В борьбе с новым смертоносным заболеванием китайское общество явило уникальный опыт преодоления возникшей проблемы: «После того, как эпидемия разразилась в полном объеме, китайское правительство, медицинские учреждения, коммерческие организации и гражданское общество, объединив силы, совместно противостояли тенденции, оказывая различную поддержку для предотвращения эпидемии и борьбы с ней» [Чжан Лэй 2020: 239].

В этом контексте была осознана важность эффективного информирования о рисках вспышки нового инфекционного заболевания на ранней стадии, что имеет решающее значение для управления общественным беспокойством и содействия соблюдению поведенческих норм. Китай, как известно, пережил беспрецедентную эпидемию коронавирусной болезни в ту эпоху, когда социальные сети фундаментально изменили модели производства и потребления информации. На основе этого опыта, с учетом проблемных аспектов и достижений, необходимо выстраивать оптимальную информационно-коммуникационную стратегию в ситуации угрозы в области здравоохранения.

Степень разработанности проблемы

Особенности и проблемные аспекты функционирования социальных сетей в контексте информационной политики периода пандемии рассматриваются в трудах многих исследователей [Келичкова, Монгуш 2020; Юй Сяо 2021; Семина, Го Вэй 2022; Калинин, Мавлеева 2020; Ван Сюй, Петров 2021а, 2021б; Ерофеева, Толстокулакова, Муравьев 2021; Суманев 2022; Зуйкина, Соколова 2022; Дейнека, Максименко 2020; Кумылганова, Ма Кэ 2022; Радина 2021; Жэнь Синьжу, Ду Гоин 2023; Калинин 2021].

Специфика китайского реагирования на инфодемию обусловлена различными причинами: политическими, социальными, культурными и т. д. Исследователям предстоит проанализировать, какие аспекты данного опыта применимы в других странах, а какие – обусловлены особенностями китайского менталитета и социально-политического устройства. В этой связи представляется необходимым охарактеризовать социокультурную специфику, в которой функционируют китайские социальные медиа, оказывая влияние на процесс распространения инфодемии.

Новизна

От имеющихся на данный момент исследований настоящая работа отличается тем, что, во-первых, заявленная проблематика рассматрива-

ется в историко-культурном контексте, который определяет специфику реагирования китайского государства и общества на чрезвычайные ситуации в области здравоохранения. Во-вторых, анализ проводится с акцентом на выявлении и систематизации *конкретных пунктов комплексной оптимальной информационно-коммуникационной стратегии* в контексте пандемии на основе обобщения зарубежных и российских исследований.

Цель и методы исследования, теоретическая значимость

Целью исследования является определение комплекса конкретных мер, которые бы очерчивали границы оптимальной информационно-коммуникационной стратегии в контексте пандемии на основе китайского опыта с учетом историко-культурного контекста изучения проблемы, основных характеристик китайской медиасреды, а также проблемных аспектов и достижений реагирования Китая в ситуации коронавируса.

Методами исследования выступают синтез доступного анализа проблематики на основе отечественных и зарубежных исследований, историко-культурный подход, сравнительный метод (анализ реагирования Китая на пандемии прошлых – доковидных – лет), а также систематизация основных проблемных аспектов и достижений. Теоретическая значимость исследования заключается в представлении конкретного перечня позитивных мер по формированию оптимальной стратегии в структурированном виде, что послужит объединению разрозненных представлений о преимуществах и недостатках исторического реагирования на угрозы по линии здравоохранения.

Историко-культурный контекст исследования проблемы выработки оптимальной информационно-коммуникационной стратегии при угрозе в области здравоохранения на примере Китая

Китай на современном этапе своего развития характеризуется определенным многообразием: сохраняется разница между городским и сельским населением, северным и южным Китаем (в культурном и экономическом отношении), прибрежным и внутренним. В современном китайском обществе переплетаются уважение к древним традициям, идеал стабильности, технической модернизации, экономического роста, проникновение прозападных культурных элементов. Эти факты имеют непосредственное отношение к проблеме разработки оптимальной информационно-коммуникационной стратегии в ситуации угрозы в области здравоохранения, поскольку в наши дни Китай представляет собой общество, которым становится сложнее управлять. Нужно

также учитывать возрастание мобильности внутри страны и тенденцию к сужению описанных выше различий.

Для Китая наших дней актуальным остается древний культурный опыт. Конфуцианство в свое время сформировало идеалы следования традициям, иерархического рационального устройства гармонического общества, управляемого просвещенными добродетельными чиновниками. Китай уже в древности отличался своим социально-политическим устройством от западных стран феодального типа; это было авторитарное и бюрократизированное государство, ставшее таким в контексте социальной и политической нестабильности. Древние мыслители развивали идеи социальной добродетели. Государственная власть имела сакральное обоснование через использование и осмысление концепта «Небо».

Впоследствии на эту почву легли марксистские идеи, соответствующие традиционной для Китая материалистической и рационалистической направленности и развивавшие идеи социальной солидарности: «Марксистская философия и конфуцианство имеют определенные точки соприкосновения, среди которых можно выделить такие аспекты, как материалистический элемент исторического мировоззрения, рациональное начало, атеизм, диалектика, гуманизм и социальный идеал сотрудничества. Эти аспекты можно объединить в три категории: философское мировоззрение, политическая мысль и общественные идеалы. В аспекте политической мысли есть определенное сходство между идеей социализма и идеей социальной солидарности» [Бальчинова 2023: 62].

С теоретической точки зрения, согласно коммунистической идеологии, власть в КНР находится в руках народных масс, однако на практике мы наблюдаем проявления однопартийной диктатуры с элементами демократического функционала, когда органы власти подотчетны гражданам. Если в теории партия отделена от структур власти, то на практике оказывается всё сложнее. Государственное устройство в Китае имеет характерную для коммунистических режимов пирамидальную структуру. Описанная модель соответствует традиции особой идеализации правительства, восходящей к глубокой древности и отличающейся от традиционного для Запада отношения к государственной власти как социально-политическому феномену.

В этой связи стоит отметить, что китайское правительство стремится сохранять контроль над информационным полем: «В СМИ регулярно направляются установочные материалы и запретительные директивы. Жёсткие ограничения касаются, в основном, политических тем. Публика-

ции по экономическим вопросам более либеральны. Интернет также является мощным пропагандистским инструментом, находящимся под контролем государства, а не свободным от ограничений информационным источником» [Горяи-на 2012: 102–107].

Несмотря на известную проблему чрезмерного контроля китайского правительства за деятельностью СМИ и наличие цензуры, опросы показывают высокий уровень доверия государственной власти со стороны граждан Китая и сохраняющийся положительный рост этого доверия даже в момент чрезвычайных происшествий и в контексте обнаружения обществом некоторых некорректных действий правительства при непредвиденных катастрофах (с учетом поправки на некоторый процент недоверия опросов по причине наличия цензуры и боязни граждан столкнуться с проблемами, давая определенные ответы). Так, согласно отчету «Глобальный барометр доверия Эдельмана», уровень общественного доверия к правительству Китая составил 84 % в 2018 г., 86 % в 2019 г. и 90 % в 2020 г.

Немаловажным фактором, определяющим приверженность китайцев текущему государственному политическому курсу, выступает историческая память о трагедиях прошлого, которые формируют идеал «коллективного чувства бессмертия» в перспективе будущего. Государственная власть Китая, регулируя деятельность СМИ и интернет-сообщества, на современном этапе учитывает опыт крушения других коммунистических режимов под влиянием западной идеологии, а также ближневосточный и североафриканский опыт революционных движений, которые использовали Интернет и социальные сети.

Доверие государственной власти в Китае обусловлено также очевидным для населения страны и научно и статистически подтвержденным экономическим ростом (даже в эпоху коронавируса), высоким темпом цивилизационного развития, подкрепленного соответствующей национальной идеологией. Это делает идеал политической стабильности привлекательным для населения.

В то же время нельзя забывать о том, что степень доверия центральной и провинциальной власти в Китае неодинакова и может существенно отличаться. Будет неправильным говорить лишь о положительных аспектах в современном социально-политическом устройстве Китая, которое влияет на деятельность СМИ и социальных медиа в КНР. Исследователи отмечают, что часть населения испытывает социальное давление, наблюдается уровень снижения социального участия и доверия, развивается индивидуализм и некоторые формы сопутствующих психических проблем (в частности, депрессия): «В условиях пандемии про-

изошли изменения в социальной ментальности китайского общества, в частности снизилось чувство социального участия, увеличилось чувство социальной поддержки и возросло ощущение социального давления» [Ань Эньжуй 2023: 4].

Увеличение распространенности депрессии, действительно, может быть общей реакцией на скорость социокультурных изменений или конкретным следствием роста индивидуализма, но также может быть и результатом западного влияния. Модернизация Китая сопровождается параллельными сдвигами в индивидуалистических ценностях, стилях воспитания, нормах самовыражения: «Индустриализация, ослабившая экономическую основу древних традиций; демократизация, пошатнувшая их политическую основу; возросшая мобильность, нарушившая пространственную основу; индивидуализация, подрывающая культурную основу; глобализация, ослабившая внимание к традиционному знанию [Верченко 2022: 110].

Основные характеристики китайской медиасреды: социальные медиа и проблема государственного контроля

В этом контексте развивается китайская медиасреда. Ее общими характеристиками являются существенная степень закрытости и сбалансированность. Она представляет собой переплетение различных сил: партийной, правительственной, коммерческой, профессиональной, индивидуальной и культурной. В основном внимание исследователей приковано к первым трем факторам, определяющим китайскую медиасферу. Наряду с традиционными СМИ всё большее значение приобретают интернет-медиа и мобильные медиа. Цифровая экономика в Китае всё более развивается, проникая во все сферы жизнедеятельности граждан. Социальные сети также меняют облик современного китайца. Актуальными становятся формы зависимостей от соцсетей.

По состоянию на 2024 г. в стране насчитывается самое большое в мире количество пользователей социальных сетей – более 983,3 млн. Социальные сети обрели популярность в Китае с тех пор, как Weibo и WeChat стали инструментами для обмена фотографиями, новостями и идеями. Согласно исследованиям, китайцы проводят в социальных сетях в среднем 1 ч 57 мин в день. Самые популярные платформы социальных сетей в Китае (включая мессенджеры) в 2024 г. – Weixin (Wechat), за ней следует Douyin (популярный инструмент, позволяющий пользователям создавать короткие видеоролики, часто под музыку; версия TikTok для материкового Китая) и Tencent QQ [China Social Media Statistics 2024].

Необходимо учитывать, что китайское интернет-сообщество является самым большим в мире. На международной арене внимательно следят за тем, как Китай пытается переупорядочить интернет, воспринимая западную культуру во многом как угрозу китайскому благополучию и формируя концепцию суверенного интернета, функционирующего в национальных интересах. В данном случае проявляется различное понимание соотношения человека и группы в традиционной китайской и современной европейской ментальности. В первом случае речь идет о приоритете общественного над индивидуальным.

Коммунистическая партия Китая не владеет всеми СМИ, однако осуществляет контроль и цензуру за их функционированием как в автоматическом, так и в ручном режиме. В основе информационной политики государства лежат идеалы авторитаризма и национальной выгоды вкупе с безопасностью. В то же время правительство допускает коммерциализацию СМИ и наличие внутренней конкуренции. Государственная власть также мобилизует и поддерживает политическую активность граждан, их участие в политической жизни. Умеренный уровень свободы слова позволяет руководству страны собирать необходимую информацию на локальном уровне и дисциплинировать чиновников на местах. Власть способна корректировать свою политику и учитывать общественное мнение за счет мониторинга социальных медиа. Примером в этом отношении выступает эпоха коронавируса, когда во всей полноте, в отличие от предшествующих эпидемий, была осознана необходимость эффективного взаимодействия с пользователями соцсетей.

Изучая функционирование социальных медиа в Китае на основе достаточного количества научных работ (указанных выше российских, а также зарубежных¹), можно прийти к выводу, что развитие цифровизации и социальных сетей не означает с необходимостью активизацию демократических начал в стране. Государство может использовать соцсети как каналы для продвижения и утверждения своих интересов. В то же время имеются примеры, когда под давлением общественного мнения, распространяемого в социальных медиа, государство предпринимало определенные шаги и даже корректировало свои решения.

Проблемные аспекты и достижения информационно-коммуникационного реагирования медиа в контексте чрезвычайных ситуаций на примере Китая

Если говорить о поведении государства в контексте чрезвычайных ситуаций, учитывая описанные выше особенности функционирования

китайских СМИ и характеристики медиасферы, то очевидной становится обязанность государственной власти эффективно информировать граждан о реальности угрозы и мерах предосторожности с целью предотвращения паники и беспорядков, сохранения положительного психоэмоционального состояния граждан.

В данном случае необходимо избегать крайности грубой подачи реальных сведений об угрозе и крайности замалчивания об опасности. В эпоху социальных сетей информация о какой-либо угрозе (реальная или искаженная) может возникнуть в медиасфере раньше, чем государство успеет отреагировать на нее и сформулировать свой ответ.

Государственной власти необходимо учитывать в этом контексте качественный анализ содержания соцсетей, которые становятся реальной общественной силой, наряду с остальными, оказывающей огромное влияние на текущее состояние общества. Необходимо преодолевать разрыв между предоставлением информации и реальным общественным спросом на нее, когда происходят чрезвычайные происшествия. Слишком сильное замалчивание и приукрашивание реальности в такие периоды (с учетом наличия соцсетей) может вылиться не в укрепление спокойствия и стабильности, а, напротив, во взрывоопасные процессы.

Важно обратить внимание на тот факт, что порой именно соцсети, а не СМИ ответственны за распространение фейков. Пользователи соцсетей, не получая официального комментария на волнующие их аспекты новой угрозы, начинают распространять ложные слухи, тогда как СМИ выступают в роли каналов передачи. Таким образом, важнейшим фактором, провоцирующим инфодемию, выступает некачественная государственная политика в информировании населения.

В качестве «работы над ошибками» ученые предлагают повышение ответственности массмедиа перед своими целевыми аудиториями за публикацию ложных новостей, а также более глубокий фактчекинг всей информации, которая может негативно повлиять на общество [Tang Hai, Zhu Zhe, Qi Lihong 2021]. Есть предложение создавать национальную и/или международную единую базу фейков, чтобы информировать людей о существовании инфодемии, проверять все факты в ней, сотрудничать с IT-компаниями в сфере идентификации и опровержения сведений из этой базы на просторах Интернета [Серегина, Сухова 2021].

Опыт борьбы с коронавирусом четко показал, что в Китае были повторены ошибки информационного реагирования на прошлые эпидемии, когда информация давалась с задержкой, при-

украшивалась либо не была полноценной. С начала пандемии некоторые исследователи стали проводить параллели между реакцией СМИ на распространение атипичной пневмонии и коронавируса: «Анализ всех значимых аспектов приводит к выводу, что особенности и характерные черты процесса, который в 2020 г. получил название “инфодемия”, присутствовали и в 2003 г. во время освещения процесса борьбы с SARS. Учитывая тот факт, что СМИ годами придерживаются одной и той же концепции освещения, можно предположить, что в период новой пандемии журналисты совершат те же самые ошибки и позволят инфодемии снова встать на пути распространения правдивой информации» [Землянский 2021: 570]. Существует мнение, что эпидемия атипичной пневмонии показала, что экономическая озабоченность и местный протекционизм правительства взяли верх над благосостоянием общества, что обусловило сокрытие реальной информации и занижение объема объективных фактов впоследствии, что способствовало обострению кризиса [Zhao Jinqiu 2003: 191].

Если мы внимательно посмотрим на китайские репортажи, нетрудно обнаружить, что создание новостей в СМИ по-прежнему является следствием отсутствия общего консенсуса, «что приводит к отсутствию рациональности, комментируемой общественностью, или отсутствию преемственности, практикуемой журналистами, из-за чего может отсутствовать полное общественное доверие» [Tang Hai, Zhu Zhe, Qi Lihong 2021]. Но освещение эпидемии в 2020 г. значительно укрепило доверие к китайским СМИ, и одной из важных причин этого может быть то, что СМИ начинают понимать, как использовать теорию фреймов для управления своими репортажами и направления движения общественного мнения.

Чаще всего правительственные СМИ использовали несколько типовых фреймов в контексте чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения: болезнь излечима и «всё под контролем» (например, фреймы «подчеркивание мер, мер предосторожности или правил, разработанных партией и правительством для контроля эпидемической ситуации» и «основные средства массовой информации сообщали вовремя и предоставляли авторитетную информацию, заслужив похвалу и доверие аудитории»)². Эти фреймы подкреплялись конкретными примерами и демонстрировались публике. К сожалению, в Китае времен коронавируса пропагандистская составляющая превалировала над объективно-информационной в СМИ. Несмотря на отсутствие своевременности в информировании на определенном этапе и должной прозрачности, а также отсутствие консенсуса в создании контента меж

ду различными информационными силами, Китай довольно быстро осознал необходимость использования социальных сетей для мониторинга ситуации и управления общественным мнением и психоэмоциональным состоянием отдельно взятых людей.

Особое значение, как показала практика, в рассматриваемом контексте нужно уделить государственному присутствию в соцсетях, которые многими гражданами воспринимаются ближе в сравнении с традиционными каналами государственного оповещения. Крайне важным было и преодоление информационной асимметрии между центральными и местными органами власти, которое можно осуществлять через инструментарий соцсетей.

Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Китай был первым пострадавшим от коронавируса и у него не было возможности опереться на опыт других стран в плане согласования информационной повестки дня между государственными силами и общественностью. В итоге возникли две модели реагирования на коронавирус, каждая из которых, как показывает проведенный автором анализ, имеет проблемные аспекты и негативные издержки: с одной стороны, это информационный авторитаризм материкового Китая, с другой – информационная анархия в Гонконге.

Заключение

Итак, разработка оптимальной информационно-коммуникационной стратегии в ситуации угрозы в области здравоохранения должна опираться на накопленный КНР опыт и учитывать специфику китайской интерпретации государственной власти в контексте формирования информационной повестки. Несмотря на существенные трансформации в культурном и идейном ландшафте современного Китая, по сей день остаются неизменными традиционные принципы политического регулирования и социального мировоззрения китайцев. Несмотря на наличие цензуры и государственного контроля за деятельностью СМИ и содержанием социальных сетей, власть в Китае имеет тенденцию к тому, чтобы учитывать общественное мнение при формировании информационной повестки, а также опираться на мониторинг и использование соцсетей при выстраивании эффективной модели коммуникации с обществом.

Учитывая накопленный Китаем опыт, проанализированные автором тематические исследования [Ding Chunyan, Lin Fen 2021; Wu 2021; Fu Liping, Sun HuaJun, Xu Kaibo 2022 и мн. др.], а также историко-культурную специфику Китая (которая накладывает ограничения на результаты исследования), можно указать некоторые элементы

оптимальной информационно-коммуникационной стратегии в ситуации угрозы в области здравоохранения:

а) своевременное и прозрачное информирование граждан об угрозе;

б) параллельно с этим – демонстрация фреймов («болезнь излечима», «всё под контролем» и проч.) на конкретных примерах;

в) своевременное предупреждение населения об опасности инфодемии и о методах противодействия ей, обучение населения основным принципам информационной безопасности (на предупреждение фейков);

г) плотное взаимодействие государственной власти и органов здравоохранения с социальными сетями для мониторинга общественного мнения и реальных информационных запросов со стороны общества;

д) активизация государственного присутствия в социальных сетях;

е) формирование гармоничного диалогового пространства между правительством и общественностью;

ж) повышение ответственности за публикацию ложной информации;

з) глубокий фактчекинг информации, которая может потенциально иметь негативный социальный эффект;

и) создание национальной или международной базы фейков с подробным и системным опровержением их содержания;

к) сотрудничество различных общественных сил в области медиасферы в преодолении негативных последствий инфодемии.

Выводы

Опыт борьбы с коронавирусом в Китае выявил повторяющиеся в истории проблемные аспекты и ошибки в рамках информационного реагирования на вызовы в области здравоохранения: информация давалась правительственными СМИ с задержкой и искажением объективной ситуации, несвоевременно и без должной прозрачности; инфодемия в социальных сетях опережала официальную реакцию властей; наблюдалась асимметрия между реагированием и информированием на уровне центральной и местной власти и др. В то же время китайские власти довольно быстро провели «работу над ошибками» и в существенной степени минимизировали негативные следствия пандемии. Стало ясно, что как информационный авторитаризм материкового Китая, так и информационная анархия в Гонконге имеют проблемные аспекты и может способствовать бесконтрольному распространению инфодемии.

Правительству Китая приходится учитывать изменения, связанные с развитием социальных

сетей и мобильного интернета, в аспекте не только контроля за общественным порядком и политической стабильностью, но и предотвращения паники и хаоса в контексте чрезвычайных ситуаций. Опыт пандемии коронавируса показал, что на государственной власти лежит прямая ответственность за психическое спокойствие граждан и преодоление негативных последствий инфодемии за счет эффективной информационной политики, которая поможет сохранять экономическую и социально-политическую стабильность в чрезвычайных ситуациях в единстве с коммерческими, профессиональными, индивидуальными и культурными силами китайской медиасферы.

Примечания

¹ Обзор литературы по теме в контексте интересующей нас ситуации коронавируса и обозначение основных трендов в плане развития китайских социальных медиа на современном этапе содержатся, в частности, в следующих статьях: *Tang Lian, Omar Siti Zobidah, Bolong Jusang, Mohd Zawawi Julia Wirza. Social Media Use Among Young People in China: A Systematic Literature Review // SAGE Open. 2021. P. 1–17; Dai Peiyi. The Evolution of Chinese Internet Culture: A Study on the Social Media Platforms' Role and Their Impact on Online Trends // Communications in Humanities Research. 2023. № 12(1). P. 255–263.*

² Примеры фреймов можно посмотреть в статье: *Xi Yipeng, Chen Anfan, Ng Aaron. Conditional transparency: Differentiated news framings of COVID-19 severity in the pre-crisis stage in China // PLoS ONE. 2021. № 16(5). P. 1–17.*

Список литературы

Ань Эньжуй. Тенденции и особенности изменения социальных потребностей китайского общества под влиянием пандемии COVID-19 // Социология. 2023. № 2. С. 4–10.

Бальчинова А. Ю. Особенности взаимодействия марксизма и конфуцианства в условиях развития современного китайского общества // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. Вып. 1. С. 57–62. doi 10.18101/1994-0866-2023-1-57-62.

Ван Сюй, Петров А. В. Общественное здоровье и социальная солидарность в России и Китае в период пандемии COVID-19 // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2021a. № 4(61). С. 18–24. doi 10.53115/19975996_2021_04_018-024.

Ван Сюй, Петров А. В. СМИ об общественном здоровье в современных китайских городах (на примере борьбы с эпидемией COVID-19 в Шицзячжуане, провинция Хэбэй, КНР) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2021b. № 1(58). С. 103–107.

Верченко А. Л. Традиции и современность в поведенческих стереотипах китайцев // Перспективы. Электронный журнал. 2022. № 1(28). С. 110–119. doi 10.32726/2411-3417-2022-1-110-119.

Горяина Ю. П. Национальная идентичность как основа формирования имиджа Китая // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 102–107.

Дейнека О. С., Максименко А. А. Оценка психологического состояния общества в условиях инфодемии посредством анализа социальных сетей: обзор зарубежных публикаций // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2020. № 2 (55). С. 28–39.

Ерофеева И. В., Толстоулакова Ю. В., Муравьев А. В. Пандемия коронавируса в концептуальной сфере медиадискурса России и Китая: стратегия выживания // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 10 (1). С. 78–93. doi 10.17150/2308-6203.2021.10(1).78-93.

Жэнь Синьжу, Ду Гоин. Использование метафорических моделей для концептуализации нового коронавируса: на примере СМИ КНР // Современное педагогическое образование. 2023. № 7. С. 247–251.

Землянский А. В. Причины возникновения инфодемии: сравнительный анализ освещения эпидемии SARS и пандемии COVID-19 // Вестник Российского университета дружбы народов. 2021. № 26(3). С. 570–579. doi 10.22363/2312-9220-2021-26-3-570-579.

Зуйкина К. Л., Соколова Д. В. Пандемия COVID-19 как медиасобытие: особенности конструирования в социальных медиа // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 77. С. 222–240. doi 10.17223/19986645/77/11.

Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. 2020. № 18(4). С. 99–109. doi 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109.

Калинин О. И. Формирование медиаобраза болезни как способ борьбы с эпидемией (на материале китайских СМИ) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2021. № 10(852). С. 32–46. doi 10.52070/2542-2197_2021_10_852_32.

Кечилековна С. С., Монгуш Ч. Н. Влияние публикаций в социальных сетях на формирование доминирующих эмоций у общественности в условиях пандемии // Вестник Тувинского государственного университета. 2020. № 2(63). С. 6–11. doi 10.24411/2221-0458-2020-10035.

Кумылганова И. А., Ма Кэ. Особенности формирования повестки дня в социальных сетях России и Китая в период пандемии COVID-19 //

Меди@льманах. 2022. № 2(109). С. 50–60. doi 10.30547/mediaalmanah.2.2022.5060.

Радина Н. К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. 2021. № 5. С. 116–136. doi 10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136.

Семина Т. В., Го Вэй. Социокультурная среда и меры борьбы с пандемией COVID-19 в Китае (КНР) // Вестник Московского университета. 2022. № 28(1). С. 216–237. doi 10.24290/1029-3736-2022-28-1-216-237.

Серегина Т. Н., Сухова С. К. Информационные риски в условиях пандемии // Манускрипт. 2021. № 14(5). С. 940–944. doi 10.30853/mns210179.

Суманев И. А. Пандемия коронавируса и политические режимы (рецензия) // Политическая наука. 2022. № 2. С. 251–259. doi 10.31249/poln/2022.02.12.

Чжан Лэй. Особенности управления социальной стабильностью китайского общества в условиях развития пандемии коронавируса 2019-nCoV // Социология. 2020. № 4. С. 234–239.

Юй Сяо. Связи с общественностью в органах государственной власти Китайской Народной Республики // Меди@льманах. 2021. № 3(104). С. 133–142. doi 10.30547/mediaalmanah.3.2021.133142.

China Social Media Statistics 2024 | Most Popular Platforms // The global statistics. URL: <https://www.theglobalstatistics.com/china-social-media-statistics/> (дата обращения: 01.02.2024).

Dai Peiyi. The Evolution of Chinese Internet Culture: A Study on the Social Media Platforms' Role and Their Impact on Online Trends // Communications in Humanities Research. 2023. № 12(1). P. 255–263. doi 10.54254/2753-7064/12/20230117.

Ding Chunyan, Lin Fen. Information Authoritarianism vs. Information Anarchy: A Comparison of Information Ecosystems in Mainland China and Hong Kong during the Early Stage of the COVID-19 Pandemic // China Review. 2021. Vol. 21(1). P. 91–106.

Fu Liping, Sun Huajun, Xu Kaibo. Whether Social Participation Can Affect the Central Government Public Policy Response to the COVID-19 in China // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 10. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2022.842373/full> (дата обращения: 01.02.2024).

Tang Lian, Omar Siti Zobidah, Bolong Jusang, Mohd Zawawi Julia Wirza. Social Media Use Among Young People in China: A Systematic Literature Review // SAGE Open. 2021. P. 1–17. doi 10.1177/21582440211016421.

Tang Hai, Zhu Zhe, Qi Lihong. The Impact of the News Frames on Report of the 2020 Pandemic in China's National Media // Journal of Educational Theory and Management. 2021. Vol. 05, issue 02. P. 11–16. doi 10.26549/jetm.v5i2.6441.

Wu Fengshi. State and Society in Extreme Times: China's Early Response to COVID-19 Outbreak // China Review. 2021. Vol. 21(1). P. 1–5.

Xi Yipeng, Chen Anfan, Ng Aaron. Conditional transparency: Differentiated news framings of COVID-19 severity in the pre-crisis stage in China // PLoS ONE. 2021. № 16(5). P. 1–17. doi 10.1371/journal.pone.0252062.

Zhao Jinqiu. The SARS Epidemic Under China's Media Policy // Media Asia. 2003. Vol. 30. P. 191–196. doi 10.1080/01296612.2003.11726722.

References

An Enrui. Tendentsii i osobennosti izmeneniya sotsial'nykh potrebnostey kitayskogo obshchestva pod vliyaniem pandemii COVID-19 [Trends and peculiarities of changes in the social needs of Chinese society under the influence of the Covid-19 pandemic]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2023, issue 2, pp. 4-10. (In Russ.)

Bal'chinova A. Yu. Osobennosti vzaimodeystviya marksizma i konfutsianstva v usloviyakh razvitiya sovremennogo kitayskogo obshchestva [Peculiarities of interaction of Marxism and Confucianism in the context of development of modern Chinese society]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya* [The BSU Bulletin. Philosophy], 2023, issue 1, pp. 57-62. doi 10.18101/1994-0866-2023-1-57-62. (In Russ.)

Wang Xu, Petrov A. V. Obshchestvennoe zdorov'e i sotsial'naya solidarnost' v Rossii i Kitae v period pandemii COVID-19 [Public health and social solidarity in Russia and China during the COVID-19 pandemic]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2021, issue 4 (61), pp. 18-24. doi 10.53115/19975996_2021_04_018-024. (In Russ.)

Wang Xu, Petrov A. V. SMI ob obshchestvennom zdorov'e v sovremennykh kitayskikh gorodakh (na primere bor'by s epidemiei COVID-19 v Shitszyachzhuane, provintsiya Khebey, KNR) [Mass media about public health in modern Chinese cities (on the example of the fight against the COVID-19 epidemic in Shijiazhuang, Hebei Province, China)]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2021, issue 1 (58), pp. 103-107. (In Russ.)

Verchenko A. L. Traditsii i sovremennost' v povedencheskikh stereotipakh kitaytsev [Changes in traditional behavior patterns of the modern Chinese (based on the case of Chinese national holidays)]. *Perspektivy* [Perspectives and Prospects], 2022, issue 1 (28), pp. 110-119. doi 10.32726/2411-3417-2022-1-110-119. (In Russ.)

Goryaina Yu. P. Natsional'naya identichnost' kak osnova formirovaniya imidzha Kitaya [National identity as a basis for China's image formation]. *Vestnik*

Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Surgut State Pedagogical University Bulletin], 2012, issue 3, pp. 102-107. (In Russ.)

Deyneka O. S., Maksimenko A. A. Otsenka psikhologicheskogo sostoyaniya obshchestva v usloviyakh infodemii posredstvom analiza sotsial'nykh setey: obzor zarubezhnykh publikatsiy [Assessing the psychological state of society in an infodemic through the analysis of social networks: a review of foreign publications]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)* [Society. Environment. Development (Terra Humana)], 2020, issue 2(55), pp. 28-39. (In Russ.)

Erofeeva I. V., Tolstokulakova Yu. V., Murav'ev A. V. Pandemiya koronavirusa v kontseptual'noy sfere mediadiskursa Rossii i Kitaya: strategiya vyzhivaniya [The coronavirus pandemic in the conceptual sphere of media discourse in Russia and China: A survival strategy]. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Theoretical and Practical Issues of Journalism], 2021, issue 10(1), pp. 78-93. doi 10.17150/2308-6203.2021.10(1).78-93. (In Russ.)

Ren Xinru, Du Guoying. Ispol'zovanie metaforicheskikh modeley dlya kontseptualizatsii novogo koronavirusa: na primere SMI KNR [Metaphorical models for conceptualising the Covid-19 in Chinese media: Taking the people's daily as an example]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie* [Modern Pedagogical Education], 2023, issue 7, pp. 247-251. (In Russ.)

Zemlyanskiy A. V. Prichiny vozniknoveniya infodemii: sravnitel'nyy analiz osveshcheniya epidemii SARS i pandemii COVID-19 [The causes of the infodemic: a comparative analysis of media coverage of the SARS epidemic and the COVID-19 pandemic]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], 2021, issue 26(3), pp. 570-579. doi 10.22363/2312-9220-2021-26-3-570-579. (In Russ.)

Zuykina K. L., Sokolova D. V. Pandemiya COVID-19 kak mediasobytiye: osobennosti konstruirovaniya v sotsial'nykh media [COVID-19 pandemic as a media event: The specifics of construction in social media]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal of Philology], 2022, issue 77, pp. 222-240. doi 10.17223/19986645/77/11. (In Russ.)

Kalinin O. I., Mavleeva D. V. Sopostavitel'nyy analiz metaforicheskogo obraza koronavirusa v SMI KNR i Respubliki Koreya [Comparative Analysis of Coronavirus-Related Discursive Metaphors in PRC and ROK Media]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta* [NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication], 2020, issue 18 (4), pp. 99-109. doi 10.25205/1818-7935-2020-18-4-99-109. (In Russ.)

Kalinin O. I. Formirovanie mediaobraza bolezni kak sposob bor'by s epidemiei (na materiale

kitayskikh SMI) [Formation of the disease media image as a way to combat pandemic (on the material of the Chinese media)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], 2021, issue 10 (852), pp. 32-46. doi 10.52070/2542-2197_2021_10_852_32. (In Russ.)

Kechilekovna S. S., Mongush Ch. N. Vliyanie publikatsii v sotsial'nykh setyakh na formirovanie dominiruyushchikh emotsiy u obshchestvennosti v usloviyakh pandemii [Influence of publications in social networks on the formation of dominating emotions in the public in the conditions of pandemic]. *Vestnik Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Tuvan State University], 2020, issue 2 (63), pp. 6-11. doi 10.24411/2221-0458-2020-10035. (In Russ.)

Kumylganova I. A., Ma Ke. Osobennosti formirovaniya povestki dnya v sotsial'nykh setyakh Rossii i Kitaya v period pandemii COVID-19 [Agenda setting on Russian and Chinese social media during the COVID-19 pandemic]. *Medi@l'manah Journal*, 2022, issue 2(109), pp. 50-60. doi 10.30547/mediaalmanah.2.2022.5060. (In Russ.)

Radina N. K. Metodika identifikatsii kontekstual'nykh ideologem v tsifrovom media-diskurse (na primere mediadiskursa o pandemii COVID-19) [Methodology for identifying contextual ideologemes in digital media discourse (a case study of media discourse about covid-19 pandemic)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika*, 2021, issue 5, pp. 116-136. doi 10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136. (In Russ.)

Semina T. V., Go Wei. Sotsiokul'turnaya sreda i mery bor'by s pandemiei COVID-19 v Kitae (KNR) [Sociocultural environment and measures to combat the COVID-19 pandemic in China (PRC)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow State University Bulletin], 2022, issue 28 (1), pp. 216-237. doi 10.24290/1029-3736-2022-28-1-216-237. (In Russ.)

Seregina T. N., Sukhova S. K. Informatsionnye riski v usloviyakh pandemii [Information risks during the pandemic]. *Manuskript* [Manuscript], 2021, issue 14 (5), pp. 940-944. doi 10.30853/mns210179. (In Russ.)

Sumaneev I. A. Pandemiya koronavirusa i politicheskie rezhimy [Coronavirus pandemic and political regimes]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2022, issue (2), pp. 251-259. doi 10.31249/poln/2022.02.12. (In Russ.)

Zhang Lei. Osobennosti upravleniya sotsial'noy stabil'nost'yu kitayskogo obshchestva v usloviyakh razvitiya pandemii koronavirusa 2019-nCoV [Features of social stability management in Chinese society in the context of the 2019-nCoV coronavirus pandemic]. *Sotsiologiya* [Sociology], 2020, issue 4, pp. 234-239. (In Russ.)

Yu Xiao. Svyazi s obshchestvennost'yu v organakh gosudarstvennoy vlasti Kitayskoy Narodnoy Respubliki [Public relations in government bodies of the People's Republic of China]. *Medi@I'manah Journal*, 2021, issue 3(104), pp. 133-142. doi 10.30547/mediaalmanah.3.2021.133142. (In Russ.)

China social media statistics 2024 | Most popular platforms. *The Global Statistics* [website]. Available at: <https://www.theglobalstatistics.com/china-social-media-statistics/> (accessed 1 Feb 2024). (In Eng.)

Dai Peiyi. The evolution of Chinese internet culture: A study on the social media platforms' role and their impact on online trends. *Communications in Humanities Research*, 2023, issue 12 (1), pp. 255-263. doi 10.54254/2753-7064/12/20230117. (In Eng.)

Ding Chunyan, Lin Fen. Information authoritarianism vs. information anarchy: A comparison of information ecosystems in mainland China and Hong Kong during the early stage of the COVID-19 pandemic. *China Review*, 2021, vol. 21 (1), pp. 91-106. (In Eng.)

Fu Liping, Sun Huajun, Xu Kaibo. Whether social participation can affect the central government public policy response to the COVID-19 in China. *Frontiers in Psychology*, 2022, vol. 10. Available at:

<https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpubh.2022.842373/full> (accessed 24 Mar 2024). doi 10.3389/fpubh.2022.842373. (In Eng.)

Tang Lian, Omar Siti Zobidah, Bolong Jusang, Zawawi Julia Wirza Mohd. Social media use among young people in China: A systematic literature review. *SAGE Open*, 2021, pp. 1-17. doi 10.1177/21582440211016421. (In Eng.)

Tang Hai, Zhu Zhe, Qi Lihong. The impact of the news frames on report of the 2020 pandemic in China's national media. *Journal of Educational Theory and Management*, 2021, issue 05 (2), pp. 11-16. doi 10.26549/jetm.v5i2.6441. (In Eng.)

Wu Fengshi. State and society in extreme times: China's early response to COVID-19 outbreak. *China Review*, 2021, vol. 21 (1), pp. 1-5. (In Eng.)

Xi Yipeng, Chen Anfan, Ng Aaron. Conditional transparency: Differentiated news framings of COVID-19 severity in the pre-crisis stage in China. *PLoS ONE*, 2021, issue 16 (5), pp. 1-17. doi 10.1371/journal.pone.0252062. (In Eng.)

Zhao Jinqiu. The SARS epidemic under China's media policy. *Media Asia*, 2003, issue 30, pp. 191-196. doi 10.1080/01296612.2003.11726722. (In Eng.)

Developing an Optimal Information and Communication Strategy to Deal with Threats in Healthcare: A View from the Perspective of Chinese Experience in Combating the Coronavirus Infodemic

Tian Yongchun

Postgraduate Student at the Department of Mass Communications

RUDN University

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, 117198, Russia. 1042225221@pfur.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-5694-3968>

Submitted 10 Feb 2025

Revised 21 Apr 2025

Accepted 19 Jun 2025

For citation

Tian Yongchun. Razrabotka optimal'noy informatsionno-kommunikatsionnoy strategii pri ugroze v oblasti zdoravookhraneniya s uchetom spetsifiki kitayskogo opyta bor'by s koronavirusnoy infodemiey [Developing an Optimal Information and Communication Strategy to Deal with Threats in Healthcare: A View from the Perspective of Chinese Experience in Combating the Coronavirus Infodemic]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 32-42. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-32-42. EDN OYONNI (In Russ.)

Abstract. The rapid and large-scale dissemination of information these days has a dual effect when considered through the prism of global challenges in the field of healthcare: on the one hand, the dissemination of vital information is accelerating but, on the other hand, there remains a tendency toward deterioration in the quality of information and destabilization of public life due to modern information advances. Major

public health emergencies are not only a matter of national health systems but also a matter of national management and modernization of national communication and management capacities.

In this article, the author analyzes the fundamental factors from the history and social worldview of the Chinese that directly influence the media context of the reaction of the government and Chinese society to the coronavirus situation. The social worldview of representatives of Chinese society currently exists in a dynamically developing and heterogeneous (according to some scientists, transitional) context, which undoubtedly acts as a factor determining the development of social media. Respect for traditions and for a rational and harmonious social structure is intertwined with the development of individualism, modernization, and globalization. In this context, Chinese society is becoming more difficult to govern, particularly when faced with emergencies. China's experience in combating the infodemic and the mistakes made by the government allow us to identify some aspects of the optimal information and communication strategy in a situation of a threat in the field of healthcare.

Key words: social networking services; China; coronavirus; COVID-19; infodemic; pandemic.

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2025-3-43-55

<https://elibrary.ru/dfwiap>

EDN DFWIAP

Средства выражения реального и виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе

Хаймович Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры иностранных языков

Амурский государственный университет

675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., 21. anastasiakorshun1992@gmail.com

SPIN-код: 4642-9360

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8050-9345>

Лагута Нина Владимировна

к. филол. н., доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики

Амурский государственный университет

675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское ш., 21. nlaguta@mail.ru

SPIN-код: 4944-2955

Статья поступила в редакцию 11.11.2024

Одобрена после рецензирования 27.02.2025

Принята к публикации 10.06.2025

Информация для цитирования

Хаймович А. С., Лагута Н. В. Средства выражения реального и виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 43–55. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-43-55. EDN DFWIAP

Аннотация. В статье предпринята попытка исследовать языковые средства выражения реального и виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе, выявить средства, способные одновременно репрезентировать значение реального и виртуального пространства, определить их связь с первичными значениями и этимологическую природу. На языковом уровне мыслительная категория пространства трактуется (вслед за А. В. Бондарко) как функционально-семантическая категория локативности. В исследовании были использованы методы лингвистического наблюдения и описания, функционально-семантического анализа, анализа словарных дефиниций, семного и этимологического анализа. На материале региональных новостных интернет-порталов Амурской области определены основные средства выражения категории локативности. В качестве репрезентантов семантики реального пространства в новостных интернет-текстах выявлены: имена существительные различных лексико-семантических типов (наименования индивидуальных пространств, пространственные конкретизаторы событий, пространственная металексика, параметрическая лексика, катойконимы); адъективная лексика, реализующая пространственное значение опосредованно, через пространственную семантику существительных, от которых образованы адъективы. В качестве основных средств выражения значения виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе обнаружены имена существительные, обозначающие наименования сетевых ресурсов и их элементов, а также наименования конкретных интернет-пространств. Специфическими средствами репрезентации семантической категории локативности в интернет-текстах СМИ являются неологические образования, выражающие

значение виртуального пространства: адъективы *инстаграмный** и *телеграмный*, образованные от наименований соответствующих интернет-пространств, а также глаголы *запостить* и *репостить*, пространственное значение которых заложено в их семантической структуре. Кроме того, в новостном интернет-дискурсе обнаружены лексемы, которые в зависимости от окружения могут репрезентировать значения как реального, так и виртуального пространства. Переносное значение данных единиц образовалось путем лексической транспозиции под влиянием семантического калькирования.

Ключевые слова: пространственные отношения; функционально-семантическая категория локативности; семантика реального пространства; семантика виртуального пространства; новостной интернет-дискурс.

* Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

Введение

В настоящее время всё большее количество людей обращается к интернет-ресурсам для получения актуальной информации, это же касается и новостей. Как следствие, новостные газеты активно переходят в Интернет и создают собственные интернет-порталы. Быстрота распространения информации, интерактивность новостных интернет-текстов оказывают определенное влияние на язык. Выбор новостного интернет-дискурса в качестве объекта исследования обусловлен тем, что в данный момент он является показателем языковой культуры всего общества, так как играет ведущую роль в распространении информации. Несомненным является и то, что «в настоящее время язык СМИ выступает объектом актуальных лингвистических исследований» [Гун Мин 2024: 6].

Виртуальная реальность, будучи продуктом человеческого сознания, во многом схожа с реальной действительностью: ей присущи особая пространственно-временная организация и специфическая персонификация. Цель исследования – изучить языковые средства выражения реального и виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе, выявить средства, способные одновременно репрезентировать значения реального и виртуального пространства, проанализировать контекстуальные особенности реализации данных значений.

На языковом уровне мыслительная категория пространства трактуется нами (вслед за А. В. Бондарко) как функционально-семантическая категория локативности. Средства репрезентации данной семантической категории разнотипны. Прежде всего это «сочетание предиката с предложно-падежными и наречными локативными показателями» [Бондарко 1996: 5]. Лексическое наполнение форм играет важную роль в репрезентации пространственных отношений.

Фундаментальность категории пространства в жизни человека вызывает безусловный интерес исследователей различных областей знания. Лингвистика не отстает в этом вопросе. Изучению категории пространства в языке посвящен

ряд научных работ, в которых пространственные отношения получают теоретическое осмысление [Бондарко 1996; Мальцева 2004; Королева 2010; Панков 2010; Федосеева 2004, 2013, 2018; Всеволодова, Владимирский 2019; Рябкова 2023], анализируются в сопоставительном аспекте с привлечением нескольких языков [Бороздина 2008; Азизова 2011; Чарторийский 2017; Мосина, Рубцова 2022]; рассматриваются как семантическая категория, функционирующая в иностранных языках или диалектах (говорах) [Самосудова 2007; Хочавова 2011; Абуталипова 2015; Буторин 2015; Кузенкова 2019; Князев 2022; Лагута 2024]. В роли объекта изучения выступают художественные тексты [Регеци 2015; Дмитриева 2021; Плюшко 2022], различные типы дискурса: туристический [Пименова, Меньшикова 2010; Поварницына 2016; Безрукова, Коваленко 2024], газетный [Орешникова 2019; Николаева, Соболев 2021], однако пространственные отношения, репрезентируемые в новостном интернет-дискурсе, еще не становились объектом глубокого лингвистического анализа. Теоретическая значимость исследования обусловлена интерпретацией медийного языкового материала, что дает возможность выявить единицы, реализующие значение не только реального, но и виртуального пространства, а также гибридные единицы (способные, в зависимости от окружения, репрезентировать семантику реального и виртуального пространства), проследить особенности их функционирования в новостных интернет-текстах. Это, как представляется, способствует дальнейшему теоретическому осмыслению функционально-семантической категории локативности и анализу языка виртуальной среды, а значит, вносит вклад в развитие лексической семантики, функциональной грамматики и интернет-лингвистики.

Материал и методы исследования

Для анализа было взято 70 текстов, размещенных на региональных новостных интернет-порталах Амурской области с 2020 по 2024 г. (PriamurMedia.ru Порт Амур; АСН24.РУ; 2x2.su;

Амур.инфо). Материалом исследования послужили лексико-грамматические единицы, отобранные методом сплошной выборки в количестве 250 единиц, которые реализуют значения реального и виртуального пространства, а также единицы, способные в зависимости от контекстных условий выражать семантику как реального, так и виртуального пространства. В работе были применены: метод лингвистического наблюдения и описания, который использовался для формирования корпуса примеров с их последующей интерпретацией; метод функционально-семантического анализа с целью определения разноуровневых языковых средств, репрезентирующих семантику локативности; методы анализа словарных дефиниций, семного анализа, а также этимологического анализа лексических единиц с целью уточнения семантических оттенков лексических единиц, реализующих пространственное значение.

Результаты исследования

Анализ лексико-грамматических единиц, реализующих локативное значение в новостном интернет-дискурсе, позволил выделить три семантические группы.

1. Репрезентанты реального пространства в новостном интернет-дискурсе

Основным средством репрезентации семантики реального пространства в новостном интернет-дискурсе выделяем предложно-падежные формы **имен существительных**, которые представлены следующими лексико-семантическими группами.

1. **Пространственная металексика**, к которой относятся слова с наиболее обобщенной пространственной моделью: *место, пространство, территория, черта, граница* [Федосеева 2013: 95]: *Жителя села Томское Серышевского округа привлекли к административной ответственности за выброс мусора в неположенном месте*, сообщает Минприроды Амурской области; *Кроме того, в библиотечном пространстве* организовали компьютерный парк, коворкинг-зону, приобрели для посетителей читальни гравер для моделирования рисунков, камин и даже массажное кресло с возможностью прослушивания аудиокниг; *Во второй половине дня была активная грозовая деятельность, как на территории Приамурья, так и на территории Китая*; *В черте Благовещенска построят горнолыжный центр*; *Заманивали феромонами: в Приамурье на границе с Китаем установили ловушки на насекомых-вредителей*. Как видно из примеров, пространственная металексика в новостных текстах часто конкретизируется упо-

треблением имен собственных, выражающих индивидуальные пространства.

2. **Наименования уникальных пространств**, которые выражаются именами собственными, называющими единственные в своем роде объекты: названия городов, сёл, улиц, гор, морей и т. д. Например, *В Благовещенске прошла церемония закрытия международного фестиваля «Амурская осень»*; *В Свободном благоустроят «транспортный» сквер*; *Она завершилась в Константиновке и на несколько дней объединила около 600 участников из 17 округов и районов области*; *В Амурской области* кинопремьеры нового года собрали более 20 миллионов рублей. *В Приамурье пересчитали 20 видов зверей и птиц*; *Дмитрий Губерниев станет специальным гостем российско-китайских зимних игр на Амуре*; *Движение на Трудовой ограничили в Благовещенске*.

3. **«Пространственные конкретизаторы событий»** [Федосеева 2013: 93], которые представляют собой слова с конкретной пространственно-событийной семантикой: *До конца 2024 года в школе обновят все инженерные коммуникации, заменят окна и двери, приведут в порядок помещения и обновят фасад здания*; *Мастер-классы по составлению родословной, искусству фотографии, технике речи и увлекательную концертно-игровую программу проведут в музее «Дом И. А. Котельникова»*; *В Амурской областной филармонии действует кешбэк 5 % за любую покупку*; *Мэр Благовещенска объяснил, почему в городе одновременно закрыты на ремонт несколько центральных улиц*; *У кого панты больше: изюбри и лоси в природном парке «Зейский» хвастают плюшевыми рогами*.

4. Предложно-падежные конструкции имен существительных с **параметрической лексикой**, которая конкретизирует пространственное значение относительно сторон света (*На юге Амурской области усилены лесопожарные группировки*), центра/края (*Ели и светящиеся качели: в центре Свободного появится благоустроенная зона отдыха*), нижней/верхней ориентации (*Четверть часа спецэффекты и розовые звезды сияли с высоты 180 метров, а на набережной у подножия* башины световое шоу сопровождалось поздравлениями и радостными возгласами; *В Благовещенске подростки устроили фотосессию на вершине моста через Зею*).

5. **Катойконимы** (наименования жителей определенной местности) также активно репрезентируют пространственное значение в новостном интернет-дискурсе. В примерах *Благовещенцев приглашают на «Зеленый марафон» в день защиты детей*; *Амурчанку наградили за*

спасение бойцов на СВО; **Амурчане** победили на первенстве России по муай-тай; **Благовещенцы и шимановцы** в апреле активнее всех писали в комментарии в соцсетях; **Свободненцы** собрали амурозавра и подарили домики птицам семантика пространства выражается через наименование жителей Амурской области, г. Благовещенска, г. Шимановска и г. Свободного.

Кроме имен существительных в репрезентации семантики реального пространства в новостных интернет-текстах принимает участие **адъективная лексика**: «прилагательные, которые реализуют пространственное значение через обозначение признака, опосредованно, благодаря аналогии с существительными, от которых образовались» [Федосеева 2013: 135]. Проанализированный материал позволяет выделить в новостных интернет-текстах следующие лексико-семантические группы адъективов:

1. Прилагательные, образованные от существительных с семантикой индивидуального пространства: В примерах *Вторую смену организуют в благовещенских школах № 4, 5, 13, 14, 16 и 22; Тысячи амурских детей в первый раз переступят порог школы; Указывается, что инцидент произошел на объездной свободненской трассе; В рамках знакомства с приамурской столицей гости оценили культурные учреждения города.*

2. Прилагательные, образованные от существительных с семантикой конкретно-событийного пространства: *В Благовещенске подвели итоги III муниципального конкурса профессионального мастерства среди поваров и заведующих производством школьных столовых «Вкусное – детям»; Они отслеживают случаи необоснованного повышения цен в городских торговых точках; В музейном комплексе «Дом И. А. Котельникова» в 13:00 организуют интерактивную экскурсию «Секреты женской красоты», на которой гости окунутся в атмосферу мира дамских вещей конца XIX века; Совсем скоро жители Благовещенска смогут насладиться концертной программой Красноярского филармонического русского оркестра им. А. Ю. Бардина «Русский оркестр. Новый взгляд»; Парковая зона постоянно дополняется новыми элементами.*

3. Прилагательные, образованные от метаслов **граница, место**: *Начальник управления по чрезвычайным ситуациям города Хэйхэ Чжан Цзэ отметил, что сотрудничество двух приграничных территорий является важной частью совместной работы в борьбе с наводнениями; Местный кузнец-любитель Константин Швеиц уже начал «одевать» железную скульптуру.*

4. Прилагательные с параметрическим значением: *На Приамурье надвигается южный цик-*

лон, который принесет мокрый снег и дождь; Сельский клуб в детсаду: активные амурчане благоустраивают северный поселок Олекма; Завтра в Благовещенске перекроют центральный перекресток; На верхний Амур пришел паводок из Забайкалья.

II. Репрезентанты виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе

Анализ показал, что значение виртуального пространства в новостных интернет-текстах может выражаться как именными (существительными и прилагательными) частями речи, так и глагольными лексемами. Виртуальное пространство в новостном интернет-дискурсе репрезентируется при помощи следующих лексико-семантических групп имен существительных.

1. Наименования сетевых ресурсов и их элементов.

Лексема сайт: *Предприимчивые свободненцы продают снег на сайте объявлений; С 7 ноября на сайте информационного агентства «Порт Амур» пройдет интернет-конференция с главой Белогорска Станиславом Мелюковым.*

Современные словари дают следующие определения слову **сайт**: «совокупность страниц (документов), доступных под одним адресом» (СЯИ 2018: 210); «тематически или концептуально объединенная информация, предоставляемая пользователям сети при обращении по определенному адресу; веб-сайт; веб-страница; электронная страница. Англ. site букв. «местоположение, участок» (Шагал. 2023: 351). В английском языке в качестве прямого первого значения лексемы **site** фиксируется следующее: “the piece of land where something was, is, or is intended to be located” (Collins). Значение виртуального цифрового пространства также закреплено в английском языке за данной лексемой: “an internet location where information relating to a specific subject or group of subjects can be accessed” (ibid.). Данные определения показывают, что в русский язык слово **сайт** пришло и функционирует только в переносном значении «интернет-пространство» и является транслитерацией английской лексемы **site**.

Лексема наблик: *В популярном наблике хвалят амурчанина: Алексей может и подстричь, и дырявую шину залатать; В наблике «Информбюро Сковородино» появились видео пожара строящегося Центра культурного развития.*

За лексемой **наблик** в русском языке зафиксированы такие значения: «публичная страница, страница в социальной сети “ВКонтакте”, открытая не только для пользователей социальной сети, но и для всех остальных» (СЯИ 2018: 203); «(разг.) сообщество, группа в социальной сети» (Кониш. 2019: 25). Данная лексема является транслитераци-

ей английского прилагательного *public* «публичный», однако в русском языке функционирует только как существительное и только в значении виртуального пространства, хотя язык-источник фиксирует существительное *public* с семантикой реального пространства (“a part or section of the community grouped because of a common interest, activity, etc.” (Collins)) и не фиксирует в значении виртуального пространства.

Лексема *соцсеть*: В *соцсетях* появилась информация о том, что в Хэйхэ традиционно организуют салют в честь Праздника Фонарей; «Зажигательными» видео происходящего на «Лыжне» делятся благовещенцы в *соцсетях*.

Лексема *соцсеть* имеет следующее значение: «платформа в интернете, предоставляющая возможность для общения между зарегистрированными в ней людьми» (СЯИ 2018: 217); «специальный веб-сайт или другое приложение, которое позволяет пользователям общаться друг с другом, размещая информацию, комментарии, сообщения, изображения и т. п.» (Вик.). Данное слово является сращением словосочетания *социальная сеть*, которое возникло в русском языке путем калькирования английского словосочетания *social network*. Как словосочетание также функционирует в новостных интернет-текстах: *Эксперт рассказал, что нельзя публиковать в социальных сетях*; *Новый фейк в социальных сетях*: амурским семьям обещают по 50 тысяч из средств материнского капитала.

Лексема *мессенджер*: Голосовые сообщения люди пересылают в *мессенджерах*; Амурчанин в *мессенджере* в грубой форме угрожал насилием полицейскому.

В современных словарях русского языка лексема *мессенджер* имеет следующие значения: «(сленг) программа, мобильное приложение или веб-сервис для мгновенного обмена сообщениями» (Кониш. 2019: 24); «сервис в интернете для обмена сообщениями в реальном времени» (Шагал. 2023: 252). Очевидной является связь данной лексемы с английским словом *message* «сообщение», однако *мессенджер* – это прямая транслитерация от слова *messenger*, семантика которого, в отличие от русского языка, не связана с пространственными координатами (ср.: *messenger* – “a person who takes messages from one person or group to another or others” (Camb.)).

Лексема *пост*: Об этом сказано в *посте* Воздушных сил ВСУ; Тот, кто первым угадает специального гостя #ЗимФестАмур и напишет имя в комментариях под этим *постом*, получит памятный сувенир.

За лексемой *пост* в русском языке зафиксированы такие значения: «сообщение на форуме, в социальной сети или блоге» (СЯИ 2018: 207);

«отдельное сообщение в ленте социальной сети, в блоге, на форуме» (Шагал. 2023: 305). Представляется, что данная лексема является транслитерацией английского слова *post*, которое, среди прочих, имеет значение “something such as a message or picture that you publish on a website or using social media” (Camb.). Из определений видно, что слово *пост* в обоих языках имеет скорее предметное, нежели пространственное значение, однако примеры из новостных интернет-текстов показывают, что происходит метонимический перенос «наименование сообщения, информации – место, в котором эта информация размещена». Лексема *пост* приобретает значение места, пространства для размещения сообщения, информации.

2. Наименования конкретных интернет-пространств. К ним относим названия социальных сетей, платформ, пабликов, мессенджеров, известных широкому кругу пользователей. Например, *Амурские инстаграм¹-паблики* массово переходят в *Телеграм*; Участники второго этапа снимали клипы с маской конкурса и размещали их в *ВК*; Для голосования нужно иметь профиль на *Госуслугах*; Всего изучили более 26 тысяч комментариев на площадках «*ВКонтакте*», *Telegram* и «*Дзен*»; От участников требуется разместить во *ВКонтакте* или в *Одноклассниках* фотоотчет по выполненному заданию; Самыми популярными приложениями у детей остаются *YouTube*, *VK* и *TikTok*; Чаще всего злоумышленники маскируют интерфейс входа под учетную запись в *соцсети* или *мессенджеры*: *VK*, *Telegram* или *WhatsApp²*; Для этого нужно перейти в официальную группу проекта «Формирование комфортной городской среды» во *ВКонтакте*. Как видно из примеров, на одних и тех же новостных порталах присутствует различная графическая передача наименований социальных сетей и мессенджеров.

Адъективная лексика, репрезентирующая виртуальное пространство, также встретила в проанализированном материале. В предложениях *Вчера в Амурской областной научной библиотеке им. Н. Н. Муравьева-Амурского презентовали два новых тома инстаграмных³ краеведческих*

¹ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

² Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

³ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

постов *благовещенской группы Амуротголоски; Телеграммные войны и компроматы: почему они мало интересуют силовиков* прилагательные *инстаграмные*⁴ и *телеграммные* образованы от существительных, которые обозначают наименования конкретных интернет-пространств.

Глаголы являются локативными репрезентантами в русском языке в соседстве с именной синтаксемой, причем «в этой паре более сильным элементом является локативная форма имени существительного» [Золотова 1982: 85]. Однако в новостном интернет-дискурсе, как представляется, в качестве специфических средств репрезентации виртуального пространства можем выделить **глагольные лексемы**, содержащие в своей структуре семантику локативности. Например, глагол *запостить*, представленный в примерах: *Ольга выразила восхищение креативным памятником и запостила его в Instagram⁵ stories; Чтобы поделиться снимком, нужно запостить его в любую социальную сеть; Кроме того, он запостил фото с плюшевой лошадью из самолета*. В Викисловаре дано такое определение данного глагола: «разместить пост» (Вик.). Еще один глагол, который также неоднократно встретился в новостном интернет-дискурсе, – это глагол *репостить*, употребленный в предложениях: *Его репостят различные паблики Дальнего Востока, включая амурские; 36-летний мужчина работал в Благоещенске пекарем-кондитером, а в свободное время активно изучал и репостил на своей странице в соцсетях материалы, публично оправдывающие и пропагандирующие терроризм*. В Викисловаре этой лексеме дается следующее определение: «делать репост; вторично публиковать сообщение, размещённое другим пользователем, со ссылкой на источник» (Вик.). Оба глагола даны с пометой *интернет*. Как видно из примеров употребления данных глаголов в новостном интернет-дискурсе, соседство именной синтаксемы не является обязательным для выражения локативной семантики. Пространственное значение заложено в самой семантической структуре данных глаголов.

III. Единицы, репрезентирующие реальное и виртуальное пространство

В новостном интернет-дискурсе также функционируют лексемы, которые, в зависимости от

окружения, могут репрезентировать как реальное, так и виртуальное пространство.

Так, лексема **страница** в примере *Автором фотосессии, которая попала на страницы французского журнала, стала мама девушки – известный тверской фотограф Марина Чарная* выражает значение реального пространства: «одна сторона листа бумаги в книге, тетради» (Ожег. 2012: 618). Та же самая лексема в составе предложений *Губернатор опубликовал видео награждения на своей странице в соцсети; Отчет о расходовании средств будет размещаться на публичных страницах Амурского регионального отделения Российского Красного Креста; С праздником нас, с днем рождения любимого города Благой Вести!*» – написал мэр на своих **страницах** в соцсетях репрезентирует семантику виртуального пространства: «отдельный документ сайта, который можно просматривать на экране» (СЯИ 2018: 220). Как представляется, переносное значение возникло в результате иноязычного влияния (ср.: от англ. *page* – “One part of website” (Camb.)). Однако носители языка не ассоциируют слово *страница* как заимствование, поэтому мы рассматриваем виртуальное значение данной лексемы как результат **лексической транспозиции**, которая «связана с употреблением слов в переносном значении. <...> в основе лексической транспозиции лежит метафорический или метонимический перенос» [Савченко 2010: 49]. В данном случае имеем дело с **метафорическим переносом под влиянием семантического калькирования**: «новое значение есть результат переноса наименования, развившегося в результате иноязычного влияния» [Сенько, Ленчина 2020: 130]. В новостном интернет-дискурсе преобладает употребление лексемы *страница* с семантикой виртуального пространства (70 % от количества проанализированных лексико-грамматических единиц, в составе которых представлена указанная лексема).

Лексема **группа** в примерах *Команды-победительницы по итогам жеребьевки будут объединены в группы по восемь команд в каждом направлении; В состав группы «Открытие» входят компании, занимающие лидирующие позиции в ключевых сегментах финансового рынка* выражает значение реального пространства «объединение нескольких лиц для совместных занятий чем-либо» (Вик.). В качестве одного из переносных значений в Викисловаре зафиксировано такое определение лексемы *группа*: «объединение людей в социальных сетях» (Вик.), которое, как представляется, не может в полной мере удовлетворить функционирующие в новостных интернет-текстах значения: *Амурчанина, оскорбившего сотрудников ДПС во время*

⁴ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

⁵ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

переписки в группе WhatsApp⁶, оштрафовали; Жительница сахалинского Поронайска решила поучаствовать в бесплатном розыгрыше, объявление о котором увидела в одной из групп по интересам в мессенджере. Данные предложения демонстрируют, что лексема группа употреблена в значении виртуального пространства, которое можно сформулировать как «некое отдельное цифровое пространство в составе мессенджеров, в которых люди общаются также по интересам». В словарях английского языка отсутствует аналогичное значение лексемы group, однако в англоязычном новостном интернет-дискурсе эта лексема функционирует в значении виртуального пространства (ср.: *How to Comment Anonymously on Facebook*⁷ **Groups**; *Meta*⁸ *Employees Created a Secret 'Facebook' Feminist Fight Club' (Group)*). Это дает основания рассматривать переносное значение лексемы группа как результат метафорического переноса под влиянием семантического калькирования. В новостных интернет-текстах данная лексема представлена с одинаковой частотностью выражения реального и виртуального пространства.

Лексема окно в примерах из новостного интернет-дискурса В Амурской области охотоведы сняли на камеру самку сибирской горихвостки, которая залетела в открытое окно служебного автомобиля; Увидев дочь, объятую пламенем, он выбил стекло в окне и выскочил из дома реализует значение реального пространства: «проём в стене здания либо стенке транспортного средства для пропускания света и/или воздуха» (Вик.). В примере При входе посетителя в помещение сотрудник сканирует QR-код в специальном окне, а затем сверяет появившуюся в приложении информацию с паспортными данными посетителя данная лексема репрезентирует виртуальное пространство, значение которого Викисловарь объясняет так: «элемент графического интерфейса пользователя – область на экране, используемая для общения программы с пользователем»

(Вик.). Данное переносное значение возникло путем метафорического переноса от исходного значения под влиянием английского языка (ср.: англ. Window – “a space usually filled with glass in the wall of a building or in a vehicle, to allow light and air in and to allow people inside the building to see out” и англ. Window – “a separate area on a computer screen that shows information and can be moved around” (Camb.). На данный момент преобладающим значением указанной лексемы в интернет-текстах СМИ является значение реального пространства (65 % проанализированных единиц), а не виртуального (35 % проанализированных единиц).

Лексема платформа в примерах На открытых железнодорожных платформах белогорцы увидели образцы военной техники; Авто высокой проходимости загрузили на платформы РЖД, чтобы доставить их в Ростов также выражает семантику реального пространства: «вагон, прицеп, полуприцеп или часть кузова с плоской горизонтальной площадкой без бортов или снабжённый бортами для перевозки крупных штучных грузов, а также длинномерных грузов наподобие рельсов или брёвен» (Вик.). В предложениях Подать заявки можно до 1 августа через форму, размещенную на официальном сайте фестиваля, а также на платформе FilmFreeway; Сайты-агрегаторы и платформы для бронирования часто предоставляют подробные рейтинги, которые могут стать хорошим ориентиром Узнать больше о переработке и раздельном сборе мусора можно на платформе «Сберегаем вместе» та же лексема репрезентирует значение виртуального пространства, которое можно сформулировать так: «сайт или приложение для оказания определенных услуг». Представляется, что данное значение также образовалось путем метафорического переноса под влиянием английского языка (ср.: англ. Platform – “a flat raised area or structure” и англ. Platform – “a website or app that acts as a base for a service” (Collins). Словари русского языка пока не фиксируют данную лексему в этом переносном значении, в отличие от словарей английского языка. Преобладающим значением данной лексемы в новостном интернет-дискурсе является значение виртуального пространства (80 % от количества проанализированных лексико-грамматических единиц, в составе которых представлена указанная лексема).

Заключение

Проведенный анализ отобранного материала показал следующее: 1) в интернет-СМИ находят употребление различные языковые средства репрезентации семантической категории локативности: имена существительные, имена прилагатель-

⁶ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

⁷ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

⁸ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

⁹ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

ные и глаголы; 2) в качестве основных средств выражения значения реального пространства в новостном интернет-дискурсе выявлены: имена существительные разных лексико-семантических групп (наименования индивидуальных пространств, пространственные конкретизаторы событий, пространственная металексика, параметрическая лексика, катойконимы); адъективная лексика, реализующая пространственное значение опосредованно, через пространственную семантику существительных, от которых были образованы адъективы; 3) в качестве основных средств выражения значения виртуального пространства в новостном интернет-дискурсе выявлены: имена существительные, обозначающие наименования сетевых ресурсов и их элементов (*сайт, паблик, соцсеть, мессенджер, пост*), а также наименования конкретных интернет-пространств (названия социальных сетей, платформ, пабликов, мессенджеров, известных широкому кругу пользователей); 4) в качестве специфических средств выражения семантической категории локативности в новостном интернет-дискурсе можем отметить неологические образования, выражающие виртуальное пространство: адъективы *инстаграмный*¹⁰ и *телеграмный*, образованные от наименований конкретных интернет-пространств, а также глаголы *запостить* и *репостить*, пространственное значение которых заложено в их семантической структуре; 5) в новостном интернет-дискурсе присутствуют лексемы (*страница, группа, окно, платформа*), которые в зависимости от окружения могут репрезентировать значения как реального, так и виртуального пространства; 6) переносное значение данных лексем развилось путем лексической транспозиции на основе метафорического переноса под влиянием семантического калькирования; 7) употребление данных лексических единиц в качестве выразителей значения виртуального пространства является более частотным в новостных интернет-текстах, что объясняется интертекстуальным характером новостных текстов и проявляется в активном употреблении ссылок на различные сетевые ресурсы и их элементы. Проведенный анализ демонстрирует, что интернетизация новостей оказывает очевидное влияние на язык вообще и на лексическую семантику в частности. Нами были выявлены основные лексические средства выражения значения виртуального пространства в новостных интернет-текстах, единицы, способные репрезентировать как реальное, так и виртуальное пространство, а также процессы развития нового пере-

носного значения у данных единиц. Изучение языка интернет-среды представляется перспективным, особенно в аспекте выражения таких базовых категорий, как пространство и время. Видится необходимым дальнейшее определение места новой лексики, реализующей значение виртуального пространства, в структуре функционально-семантического поля локативности, выявление грамматических (морфологических, синтаксических) и словообразовательных средств репрезентации данного значения, а также подробное изучение разнородных единиц данной семантической группы и их функциональных особенностей в новостном интернет-дискурсе.

Список источников

- 2x2.su – Сетевое издание Полезный портал 2x2.su. URL: <https://2x2.su> (дата обращения: 20.07.2024).
- АСН24.РУ – Амурская служба новостей. URL: <https://asn24.ru> (дата обращения: 18.07.2024).
- Вик. – Викисловарь. URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения: 24.07.2024).
- ДИА «Порт Амур» – Дальневосточное информационное агентство. URL: <https://portamur.ru> (дата обращения: 21.07.2024).
- ИА «Амур.инфо» – Информационное агентство «Амур.инфо». URL: <https://www.amur.info/culture/> 23 (дата обращения: 20.07.2024).
- Кониш. – Конишевский Д. В., Кушнарёва Н. В., Ветров С. А. Неологизмы цифровой культуры (активный словарь миллениала). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 48 с.
- Ожег. – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и Образование: Астрель: Оникс, 2012. 736 с.
- СЯИ – Словарь языка интернета. Ru / под ред. М. А. Кронгауза. М.: Словари XXI века, 2018. 288 с.
- Шагал. – Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2023. 576 с.
- Camb. – Cambridge dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения: 24.07.2024).
- Collins – Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 24.07.2024).

Список литературы

- Абуталипова Р. А. Лексический способ репрезентации локативных значений в башкирском языке // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20, № 4. С. 1295–1298.

¹⁰ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

- Азизова М. Функционально-семантический подход к исследованию категории локативности в таджикском и английском языках // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Серия гуманитарно-общественных наук. 2011. № 4(28). С. 144–155.
- Безрукова Н. Н., Коваленко М. В. Особенности перевода языковых средств актуализации локативности в туристическом дискурсе (на примере туристического региона «Алтай») // Педагогическое образование на Алтае. 2024. № 1. С. 55–60.
- Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. 229 с.
- Бороздина И. С. Сравнительный анализ способов вербализации идентичных пространственных отношений в различных языках (на примере английского и русского языков) // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2008. № 1 (3). С. 81–85.
- Буторин С. С. Основные средства и некоторые идиотмические особенности маркировки компонентов категории локативности в кетском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015. № 2(8). С. 9–24.
- Всеволодова М. В., Владимирский Е. Ю. Способы выражения пространственных отношений в современном русском языке. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 286 с.
- Гун Мин. Особенности семантики и функционирования лексем цветообозначения в языке русских и китайских СМИ (на примере зеленого цвета) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12.
- Дмитриева Ю. Л. Средства объективации категории локативности в поэтических текстах С. Есенина // Terra Rusistica: сб. материалов Первого международного форума молодых русистов (Псков, 17–19 декабря 2020 г.) / сост. Е. В. Ковалых, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова. Псков: Псков. гос. ун-т, 2021. С. 118–121.
- Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 366 с.
- Князев С. В. О выражении пространственных отношений в одном северорусском говоре // Русская речь. 2022. № 2. С. 53–71.
- Королева Е. Г. Динамические пространственные отношения и способы их проявления в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 18 с.
- Кузенкова С. С. Средства выражения пространственных отношений в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // МНСК2019. Языкознание: материалы 57-й Междунар. науч. студ. конф. (Новосибирск, 14–19 апреля 2019 г.). Новосибирск: Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т, 2019. С. 80–81.
- Лагута Н. В. Адъективная лексика, репрезентирующая пространственные отношения в русских говорах Приамурья // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Т. 10, № 2. С. 71–78.
- Мальцева О. Л. Предлог как средство концептуализации пространственных отношений: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2004. 222 с.
- Мосина Н. М., Рубцова О. В. Выражение пространственных отношений послеложными и предложными конструкциями в финском и английском языках // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13, № 4. С. 148–152. doi 10.51609/2079-3499_2022_13_04_148.
- Николаева А. В., Соболев Д. А. Реализация локативных категориальных ситуаций в новостном дискурсе // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89, № 6. С. 89–94.
- Орешишникова Е. О. Специфика локативности в текстах газетно-публицистического стиля // Язык текущего момента: материалы II Межвуз. студ. науч.-практ. конф. (Москва, 15 мая 2019 г.). М.: Книгодел, 2019. С. 218–222.
- Панков Ф. И. Функционально-семантическая категория адвербиальной локативности и система значений пространственных наречий (фрагмент лингводидактической модели русской грамматики) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2010. № 5. С. 7–31.
- Пименова З. П., Меньшикова Е. Е. Категория локативности в туристическом дискурсе // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 2. С. 99–101.
- Плюшко П. И. Категория пространственных и временных отношений и средства ее выражения в художественном тексте // Вестник науки. 2022. Т. 4, № 1(46). С. 53–59.
- Поварницына М. В. Реализация категории локативности в креолизованных текстах массовой интернет-коммуникации (на материале постов о туризме) // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире – 10: сб. тр. конф., Волгоград, 28 апреля 2016 г. / под ред. Е. В. Гуляева, И. С. Никитина. Ч. 1. Волгоград: Рос. акад. народ. хозяйства и гос. службы при Президенте Российской Федерации (Волгоград. филиал), 2016. С. 120–124.
- Регеци И. Пространственные отношения в романе «В круге первом» // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. 2015. № 4. С. 120–128.
- Рябкова Ю. Е. Возможности категоризации пространственных отношений средствами словообразовательного уровня (на материале современного русского языка) // Вестник филологических наук. 2023. Т. 3, № 11. С. 65–71.

Савченко В. А. Транспозиция как межуровневое явление языка и речи // Вестник Читинского государственного университета. 2010. № 4(61). С. 48–52.

Самосудова Л. В. Выражение пространственных и временных отношений в эрзянском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2007. 23 с.

Сенько Е. В., Ленчина М. Р. Калькирование в современном русском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13, № 11. С. 128–133.

Федосеева Л. Н. Пространственные отношения в современном русском языке (Семантика и средства выражения): дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 2004. 211 с.

Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2013. 450 с.

Федосеева Л. Н. К вопросу о новых тенденциях репрезентации пространственных отношений в современном русском языке // Социально-гуманитарные аспекты благополучия человека: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. (Уфа, 5 октября 2018 г.). Уфа: Антропита, 2018. С. 52–57.

Хочацова Ю. У. Выражение пространственных отношений в кумыкском языке: дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2011. 163 с.

Чарторыйский В. М. Пространственные отношения и позиционные глаголы в русском и испанском языках: этнокультурная специфика значений // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков: сб. науч. тр. / отв. ред. Н. М. Мекеко. М.: РУДН, 2017. С. 203–211.

References

Abutalipova R. A. Leksicheskiy sposob reprezentatsii lokativnykh znacheniy v bashkirskom yazyke [The lexical method of representing locative meanings in the Bashkir language]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of the Bashkir University], 2015, vol. 20, issue 4, pp. 1295–1298. (In Russ.)

Azizova M. Funktsional'no-semanticheskiy podkhod k issledovaniyu kategorii lokativnosti v tadzhikskom i angliyskom yazykakh [Functional-semantic approach to the study of the category of locativity in the Tajik and English languages]. *Uchenye zapiski Khudzhandskogo gosudarstvennogo universiteta im. akademika B. Gafurova. Seriya gumanitarno-obshchestvennykh nauk* [Scientific Notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Series of Humanities and Social Sciences], 2011, issue 4 (28), pp. 144–155. (In Russ.)

Bezrukova N. N., Kovalenko M. V. Osobennosti perevoda yazykovykh sredstv aktualizatsii lokativnosti v turistskom diskurse (na primere turistskogo regiona 'Altay') [Linguistic and cultural peculiarities of the category of locativity in the tourist discourse: the translation perspective (the case study of Altai tourist destination)]. *Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae* [Pedagogical Education in Altai], 2024, issue 1, pp. 55–60. (In Russ.)

Bondarko A. V. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [The theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possession. Conditioning]. Leningrad, Nauka Publ., 1996. 229 p. (In Russ.)

Borozdina I. S. Sravnitel'nyy analiz sposobov verbalizatsii identichnykh prostranstvennykh otnosheniy v razlichnykh yazykakh (na primere angliyskogo i russkogo yazykov) [The comparative analysis of the ways of verbalization of identical spatial relations in different languages (by the example of English and Russian)]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Theory of Language and Intercultural Communication], 2008, issue 1 (3), 81–85. (In Russ.)

Butorin S. S. Osnovnye sredstva i nekotorye idioetnicheskie osobennosti markirovki komponentov kategorii lokativnosti v ketskom yazyke [Basic means and some idioethnic features of marking components of the category of locativity in the Ket language]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy* [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology], 2015, issue 2 (8), pp. 9–24. (In Russ.)

Vsevolodova M. V., Vladimirskiy E. Yu. *Sposoby vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v sovremennom russkom yazyke* [The Ways of Expressing Spatial Relations in Modern Russian]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2019. 286 p. (In Russ.)

Gong Ming. Osobennosti semantiki i funktsionirovaniya leksem tsvetooboznacheniya v yazyke russkikh i kitayskikh SMI (na primere zelenogo tsвета) [Peculiarities of the semantics and functioning of color lexemes in the language of the Russian and Chinese media (the case of green color)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2024, vol. 16, issue 1, pp. 5–12. doi 10.17072/2073-6681-2024-1-5-12. (In Russ.)

Dmitrieva Yu. L. Sredstva ob'ektivatsii kategorii lokativnosti v poeticheskikh tekstakh S. Esenina [Means of objectifying the category of locativity in the poetic texts of S. Yesenin]. *Terra Rusistica: Proceedings of the First International Forum of Young Russianists* (Pskov, December 17–19, 2020). Pskov, Pskov State University Press, 2021, pp. 118–121. (In Russ.)

Zolotova G. A. *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa* [Communicative Aspects of Russian Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 366 p. (In Russ.)

Knyazev S. V. O vyrazhenii prostranstvennykh otnosheniy v odnom severorusskom govore [On the expression of spatial relations in a northern Russian dialect]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 2022, issue 2, pp. 53-71. (In Russ.)

Koroleva E. G. *Dinamicheskie prostranstvennye otnosheniya i sposoby ikh proyavleniya v russkom yazyke. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk* [Dynamic spatial relations and ways of their manifestation in the Russian language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2010. 18 p. (In Russ.)

Kuzenkova S. S. Sredstva vyrazheniya prostranstvennykh otnosheniy v khantyyskom yazyke (na materiale kazymского dialecta) [Means of expressing spatial relations in the Khanty language (based on the Kazym dialect)]. *MNSK2019. Yazykoznanie* [MNSK2019. Linguistics]: proceedings of the 57th International Student Conference (Novosibirsk, April 14-19, 2019). Novosibirsk, Novosibirsk State University Press, 2019, pp. 80-81. (In Russ.)

Laguta N. V. Ad'ektivnaya leksika, reprezentiruyushchaya prostranstvennye otnosheniya v russkikh govorakh Priamur'ya [Adjectives representing spatial relations in the Amur local accents of Russian]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 2024, vol. 10, issue 2, pp. 71-78. (In Russ.)

Maltseva O. L. *Predlog kak sredstvo kontseptualizatsii prostranstvennykh otnosheniy. Diss. kand. filol. nauk* [The preposition as a means of conceptualization of spatial relations. Cand. philol. sci. diss.]. Kursk, 2004. 222 p. (In Russ.)

Mosina N. M., Rubtsova O. V. Vyrazhenie prostranstvennykh otnosheniy poslelozhnymi i predlozhnymi konstruktsiyami v finskom i angliyskom yazykakh [Expressing spatial relations with postpositional and prepositional constructions in Finnish and English]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [The Humanities and Education], 2022, vol. 13, issue 4, pp. 148-152. doi 10.51609/2079-3499_2022_13_04_148. (In Russ.)

Nikolaeva A. V., Sobol' D. A. Realizatsiya lokativnykh kategorial'nykh situatsiy v novostnom diskurse [Realisation of the categorical situations of location in news discourse]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [Humanities and Social Sciences], 2021, vol. 89, issue 6, pp. 89-94. (In Russ.)

Oreshnikova E. O. Spetsifika lokativnosti v tekstakh gazetno-publitsisticheskogo stilya [Locativity in newspaper-journalistic style texts]. *Yazyk tekushchego momenta* [The Language of the Current Moment]: proceedings of the II Interuniversity Student

Scientific and Practical Conference (Moscow, May 15, 2019), 2019, pp. 218-222. (In Russ.)

Pankov F. I. Funktsional'no-semanticheskaya kategoriya adverbial'noy lokativnosti i sistema znacheniy prostranstvennykh narechiy (fragment lingvodidakticheskoy modeli russkoy grammatiki) [Functional-semantic category of adverbial locativity and the system of meanings of spatial adverbs (a fragment of the linguodidactic model of Russian grammar)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9: Philology], 2010, issue 5, pp. 7-31. (In Russ.)

Pimenova Z. P., Men'shikova E. E. Kategoriya lokativnosti v turisticheskome diskurse [The category of locativity in tourist discourse]. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem* [Modern Studies of Social Problems], 2010, issue 2, pp. 99-101. (In Russ.)

Plyushko P. I. Kategoriya prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy i sredstva ee vyrazheniya v khudozhestvennom tekste [The category of spatial and temporal relations and the means of its expression in a literary text]. *Vestnik nauki* [Science Bulletin], 2022, vol. 4, issue 1 (46), pp. 53-59. (In Russ.)

Povarnitsyna M. V. Realizatsiya kategorii lokativnosti v kreolizovannykh tekstakh massovoy internet-kommunikatsii (na materiale postov o turizme) [Implementation of the category of locativity in creolized texts of mass Internet communication (based on posts about tourism)]. *Menyayushchayasya kommunikatsiya v menyayushchemsya mire – 10* [Changing communication in the changing world – 10]: proceedings of the conference, Volgograd, April 28, 2016. Ed. by E. V. Gulyaev, I. S. Nikitin. Volgograd, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Volgograd Branch) Press, 2016, pt. 1, pp. 120-124. (In Russ.)

Regeci I. Prostranstvennye otnosheniya v romane 'V krughe pervom' [Spatial relations in the novel 'In the First Circle']. *Solzhenitsynskie tetrad: Materialy i issledovaniya* [Solzhenitsyn Notebooks: Materials and Research], 2015, issue 4, pp. 120-128. (In Russ.)

Ryabkova Yu. E. Vozmozhnosti kategorizatsii prostranstvennykh otnosheniy sredstvami slovoobrazovatel'nogo urovnya (na materiale sovremennogo russkogo yazyka) [Possibilities of categorization of spatial relations by means of word-formation level (on the material of the modern Russian language)]. *Vestnik filologicheskikh nauk* [Philological Sciences Bulletin], 2023, vol. 3, issue 11, pp. 65-71. (In Russ.)

Savchenko V. A. Transpozitsiya kak mezhurovnevoe yavlenie yazyka i rechi [Transposition as an inter-level phenomenon of language and speech]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chita State University], 2010, issue 4 (61), pp. 48-52. (In Russ.)

Samosudova L. V. *Vyrazhenie prostranstvennykh i vremennykh otnosheniy v erzyanskom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [The expression of spatial and temporal relations in the Erzya language. Abstract of Cand. philol. sci. diss.]. Yoshkar-Ola, 2007. 23 p. (In Russ.)

Sen'ko E. V., Lenchina M. P. Kal'kirovaniye v sovremennom russkom yazyke [Calquing in the modern Russian language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2020, vol. 13, issue 11, pp. 128-133. (In Russ.)

Fedoseeva L. N. *Prostranstvennye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke (Semantika i sredstva vyrazheniya)*. Diss. kand. filol. nauk [Spatial relations in modern Russian (Semantics and the means of expression). Cand. philol. sci. diss.]. Ryazan, 2004. 211 p. (In Russ.)

Fedoseeva L. N. *Kategoriya lokativnosti v sovremennom russkom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [The category of locativity in modern Russian. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 450 p. (In Russ.)

Fedoseeva L. N. K voprosu o novykh tendentsiyakh reprezentatsii prostranstvennykh otnosheniy v sov-

remennom russkom yazyke [On the new trends in representing spatial relations in modern Russian]. *Sotsial'no-gumanitarnye aspekty blagopoluchiya cheloveka* [Social and Humanitarian Aspects of Human Well-being]: proceedings of the II International Scientific and Practical Conference (Ufa, October 5, 2018). Ufa, Antrovita Publ., 2018, pp. 52-57. (In Russ.)

Khochavova Yu. U. *Vyrazhenie prostranstvennykh otnosheniy v kumykskom yazyke*. Diss. kand. filol. nauk [The expression of spatial relations in the Kumyk language. Cand. philol. sci. diss.]. Makhachkala, 2011. 163 p. (In Russ.)

Chartoriyskiy V. M. *Prostranstvennye otnosheniya i pozitsionnye glagoly v russkom i ispanskoy yazykakh: etnokul'turnaya spetsifika znacheniy* [Spatial relations and positional verbs in Russian and Spanish: Ethno-cultural specificity of meanings]. *Innovatsionnost' i mul'tikompetentnost' v prepodavanii i izuchenii inostrannykh yazykov* [Innovation and Multi-Competence in Teaching and Learning Foreign Languages]: A Collection of Scientific Papers. Ed. by N. M. Mekeko. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Press, 2017, pp. 203-211. (In Russ.)

Means of Expressing the Idea of Real and Virtual Space in the Internet News Discourse

Anastasia S. Khaimovich

Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages

Amur State University

21, Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia. anastasiakorshun1992@gmail.com

SPIN-code: 4642-9360

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-8050-9345>

Nina V. Laguta

Associate Professor in the Department of Russian Language, Communication and Journalism

Amur State University

21, Ignatievskoe shosse, Blagoveshchensk, 675027, Russia. nlaguta@mail.ru

SPIN-code: 4944-2955

Submitted 11 Nov 2024

Revised 27 Feb 2025

Accepted 10 Jun 2025

For citation

Khaimovich A. S., Laguta N. V. Sredstva vyrazheniya real'nogo i virtual'nogo prostranstva v novostnom internet-diskurse [Means of Expressing the Idea of Real and Virtual Space in the Internet News Discourse]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 43–55. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-43-55. EDN DFWIAP (In Russ.)

Abstract. The article attempts to explore the linguistic means used to express the idea of real and virtual space in the Internet news discourse, to identify means capable of simultaneously representing the meaning of real and virtual space, to determine their connection with primary meanings and etymological nature. At the linguistic level, the authors treat the category of space (following A. V. Bondarko) as a functional-semantic category of locativity. The study employed the methods of linguistic observation and description, functional-semantic analysis, analysis of dictionary definitions, seme analysis, and etymological analysis. On the material of Internet news portals of the Amur region, the main means of expressing the category of locativity have been established. The following have been identified as representatives of the semantics of real space in Internet news texts: nouns of various lexico-semantic types (names of individual spaces, spatial concretizers of events, spatial metalexics, parametric lexicon, demonyms); adjectives that realize spatial meaning indirectly, through the spatial semantics of the nouns from which they are formed. The main means of expressing the meaning of virtual space in the Internet news discourse are nouns that name network resources, their elements, and specific Internet spaces. The specific means of representation of the semantic category of locativity in Internet media texts are neological units expressing the meaning of virtual space: the adjectives *instagramny** and *telegramny*, formed from the names of the corresponding Internet spaces, as well as the verbs *zaposit'* and *reposit'* (to post and repost), the spatial meaning of which is embedded in their semantic structure. In addition, the Internet news discourse contains lexemes that, depending on the environment, can represent the meanings of both real and virtual space. The figurative meaning of these units have been formed through lexical transposition under the influence of semantic calquing.

Key words: spatial relations; functional-semantic category of locativity; semantics of real space; semantics of virtual space; Internet news discourse.

* A product of the Meta company (recognized as an extremist organization and banned in the Russian Federation by the decision of the Tverskoy District Court of Moscow dated March 21, 2022 in case No. 02-2473/2022 – M-1527/2022).

УДК 821.124+821.14,02(075.8)
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-56-65
<https://elibrary.ru/dpkowi>

EDN DPKOWI

Hesiodi Theogoniae 27–28: попытка новой интерпретации

Шиловский Дмитрий Павлович

старший преподаватель кафедры латинского языка и основ терминологии

Российский университет медицины

127006, Россия, г. Москва, ул. Долгоруковская, д. 4. Schilowskij@yandex.ru

SPIN-код: 5401-0439

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2048-3201>

ResearcherID: MDT-0489-2025

Статья поступила в редакцию 21.02.2025

Одобрена после рецензирования 06.03.2025

Принята к публикации 19.06.2025

Информация для цитирования

Шиловский Д. П. Hesiodi Theogoniae 27–28: попытка новой интерпретации // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 56–65. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-56-65. EDN DPKOWI

Аннотация. Загадочные «многие неправды, похожие на правды», наряду с собственно «правдами», которые могут говорить Музы стихов 27–28 поэмы Гесиода «Теогония», вызвали к жизни небольшое количество интерпретаций, что само по себе сообщает об отсутствии окончательно удовлетворительного понимания данного места. Оно получает приемлемое объяснение, если допустить, что в знаменитой реплике богинь под «многими неправдами» автором подразумевались изначально двусмысленные ответы, данные Дельфийским Оракулом, которые по-разному, в том числе ошибочно, могли быть интерпретируемы смертными. Гипотеза находит подтверждение, среди прочего, в прямом свидетельстве Плутарха о непосредственном отношении к деятельности Оракула Муз, бывших при нем «помощницами в гаданиях». Удивительно почти дословное совпадение знаменитой реплики Муз с текстом гомеровского гимна к Гермесу, где пчелиные девы, обучившие бога искусству гаданий, также могли «говорить правду», а могли и «лгать», предсказывая будущее. Предложенное понимание фрагмента поддерживается также значительным количеством совпадений и соответствий текстов «Теогонии» и «Трудов и Дней» и стихотворных ответов Дельфийского Оракула. Рассмотренный материал и произведенные наблюдения позволяют говорить о некоем общем пространстве эпической поэзии, куда входили, с одной стороны, творчество эпических поэтов, с другой – так или иначе понятая деятельность Оракула, гекзаметрические ответы которого имеют безусловное отношение к устной эпической поэтической традиции.

Ключевые слова: Гесиод; «Теогония»; проэмий; Музы; Дельфы; Оракул; вопрошания; ответы; устная эпическая традиция.

В настоящей статье предлагается новая интерпретация ff. 27–28 поэмы Гесиода «Теогония». Мы считаем, что в указанных стихах, где звучит таинственная реплика Муз о «правдах» и схожих с ними «неправдах», присутствует отчетливая авторская аллюзия на «недвусмысленные» и «двусмысленные» гекзаметрические ответы

Дельфийского Оракула, которые Музы помогали понять и озвучить «в стихах и песнях» (Plut. Mor. 3, 402 C–D).

Актуальным представляется напомнить фрагмент знаменитой истории посвящения беотийского пастуха Гесиода в поэты/пророки/певцы/сказители:

τόνδε δέ με πρότιστα θεαὶ πρὸς μῦθον ἔειπον,
Μοῦσαι Ὀλυμπίαδες, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο·
ποιμένες ἄγραυλοι, κάκ' ἐλέγχεα, γαστέρες οἶον,
ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα,
ἴδμεν δ', εὔτ' ἐθέλωμεν, ἀληθέα γηρύσασθαι.

Прежде всего обратились ко мне со словами такими

Дщери великого Зевса-царя, олимпийские Музы:

«Эй, пастухи полевые, — несчастные, брюхо сплошное!

Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду.

Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем!» (Th. 22–28, пер. В. В. Вересаева)

История посвящения беотийского пастуха Гесиода, изложенная в его поэме «Теогония», принадлежит к числу самых знаменитых во всем архаическом древнегреческом эпосе. Прозвучавшая перед инициацией известная реплика Муз ff. 27–28 «Теогонии» принадлежит еще и к числу самых загадочных, а потому — самых интерпретируемых и комментируемых; *historia quaestionis* интерпретаций этих двух стихов весьма впечатляет своим объемом [Katz, Volk 2000: 123–124]. Совершенно не претендуя на подробное изложение разнообразных мнений исследователей, обозначим представляющееся релевантным: традиционно выделяются две основные группы интерпретаций. Первую, считающуюся *opinio communis* [ibid.: 122], предлагают называть условно «дуалистической». Группа эта понимает вышеуказанное место как литературную полемику, мнение ее состоит в том, что Музы, как вдохновительницы поэтов, сообщают таким образом о двух разновидностях поэзии, одна из которых может содержать ложь, похожую на правду, другая же является исключительно правдивой. По предлагаемой логике, эпическое выражение «будущее и прошедшее» (τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα) (f. 32) понимается как синоним «правдивости» вообще. Поручение Гесиоду вещать это самое «будущее и прошедшее» рассматривается в качестве очевидного подтверждения того, что новообращенного поэта научили слагать и оглашать именно такую «правдивую» поэзию, такую же, какую оглашают и сами Музы f. 38, также «вещающие настоящее, будущее и прошедшее» (εἰρεῦσαι τά τ' ἐόντα τά τ' ἐσσόμενα πρό τ' ἐόντα). Эта эпическая формула считается более полной версией выражения f. 32, встречающего в «Илиаде», где его произносит прорицатель Калхант (Π. I. 70), очевидно вещающий «правду», и ничего, кроме правды; это считается убедительным подтверждением «правдивости» этой разновидности

поэзии [Stroh 1976: 88–89]. К этой же группе интерпретаций можно отнести и те, в которых полагают, что никакой полемики в позднейшем смысле слова тут нет, а есть таким образом оформленное Гесиодом утверждение исключительно правдивого характера собственного творчества [Roessler 1980: 296–297; Rudhart 1996: 30]. Сюда же можно отнести мнения, видящие в данном месте полемический выпад против гомеровского эпоса, от которого хочет отделить себя сам Гесиод, открывший «правдивый» жанр дидактической поэзии [Kambylis 1965: 62–63, Kannicht 1980: 20–21]. Это мнение стало чем-то вроде само собой разумеющегося *locus communis* [Verdenius 1972: 234–5; Murray 1981: 91; Puelma 1989: 75], со времен Ф. Ницше, провозгласившего в своих лекциях по истории греческой литературы 1874–1875 гг., что “Lügensang ist homerisch, Wahrsang ist hesiodisch” [Nietzsche 1995: 54].

Й. Свенбро и Г. Надь полагают, что «многолживыми» (ψεύδεα πολλὰ) поэт считает локальные версии мифов, иные, негесиодовские, «конкурирующие» теогонии и генеалогии [Svenbro 1976: 65–67, Nagy 1990: 45–47], которые поэт отвергает ради некоей «общегреческой поэзии».

«Монистическая» же точка зрения меньшинства исследователей состоит в том, что «лживость» или «правдивость» признаются характеристиками всей поэзии вообще, включая и гесиодовскую, ибо поэзия никогда не сообщит «всю правду», неизбежно смешав ее с «ложью», и склонна к вымыслу как в силу собственной природы, так и в силу связи с заведомо необъективным речевым дискурсом [Rusci 1977: 8–44]. Да и сам поэт, в силу, вероятно, той же собственной природы, часто не прочь приврать или приукрасить [West 1966: 162, Thalmann 1984: 146–149]. Иные же «монисты» полагают, что Гесиод признает «сходную с истинностью ложность» за всей только негесиодовской поэзией [Neitzel 1980: 388].

Тем не менее, и при таком изобилии мнений, остается некоторое количество вопросов, не получивших, на наш взгляд, до конца удовлетворительные ответы.

Странность и неубедительность представленной Гесиодом сцены, если ее понимать как достоверный бытовой случай свидания Муз и пастуха (пастухов?) у подошвы Геликона, заключается в следующем. Неясно, во-первых, **зачем** перед инициацией, подразумевающей, среди прочего, трансляцию нового сакрального знания, сообщать посвящаемому о возможной ложности этого знания? Во-вторых, неясно, **зачем** Музам, если традиционно рассматривать их как вдохновительниц поэтов и покровительниц различных изящных искусств, вообще говорить (λέγειν) о вопросах поэтики существующих литературных

жанров диким полевым пастухам? Какое отношение имеют «желудки» (γαστέρες) к рассуждениям о том, какой вид поэзии правдив, а какой лишь походит на правду?

Если же признать изображение эпифании (как мы полагаем) художественным приемом, использованным автором по таким-то и таким-то соображениям с такими-то и такими-то целями для примерно такой-то и такой-то аудитории, то тем более странно предположить понимание героического (sc. гомеровского) эпоса исключительно как «многих неправд», пусть даже «похожих на правды», в конце VIII – первой половине VII в. до Р. Х., со всеми оговорками и поправками на то, что гомеровские боги иногда могли и обманывать.

Утверждение ἴδμεν ... λέγειν подразумевает у Гесиода некоторый контекст, который приходится признать критически необходимым для сколько-нибудь связного понимания эпифании. В описываемой коммуникации, а иначе понимать ситуацию затруднительно, этот подразумеваемый контекст предполагает некое предшествующее общение его участников, обусловившее содержание текущего.

Мы предполагаем, что эта неожиданно появившаяся реплика «мы умеем говорить» (ἴδμεν ... λέγειν) может быть понята не только как декларация божественного произвола обманывать/не обманывать, но и как следствие каких-то контактов, подразумеваемых автором, причем контактов, в том числе речевых, имевших место быть ранее и актуальных как для адресанта, так и для адресата коммуникации, то есть и Музам, и пастухам (пастуху?), контактов, обусловивших возникновение в данном месте оппозиции правдивого и ложного.

Где, когда, при каких обстоятельствах и относительно чего (бессмертные богини) Музы могли говорить (λέγειν) (смертным) пастухам «многие неправды, похожие на правды», а также просто правду? В сфере каких высказываний в эпоху архаики, да и не только в эпоху архаики, возможны прямые вербальные сообщения из мира горнего, относительно которых критично актуальными для смертных вообще была бы истинность и (сходная с истиной) ложность? Более того, где вообще смертные могли почти непосредственно слышать бога регулярно и с минимальным количеством посредников?

Напрашивается предположение, что в разбираемом месте поэмы речь может идти о подразумеваемой Гесиодом связи реплики Муз со сферой так или иначе выраженных мантических/пророческих высказываний. Предлагаемое основывается на том, что Музы имели непосредственное отношение к сфере предсказаний.

Приведем подтверждение прямым свидетельством.

Плутарх сообщает о существовании в Дельфах святилища Муз, непосредственно связанных со стихотворной формой пророчества:

«Итак, обойдя вокруг, мы уселись у основания южной стороны храма, возле святилища Геи, и стали смотреть на воду. Боэт тотчас же заметил, что даже место здесь способствует сомнениям гостя: “Ведь здесь, неподалеку от бьющего ключа, находилось святилище Муз, откуда брали воду для возлияний и омовений (Μουσῶν γὰρ ἦν ἱερὸν ἐνταῦθα περὶ τὴν ἀναπνοὴν τοῦ νάματος, ὅθεν ἐχρῶντο πρὸς τε τὰς λοιβὰς ὕδατι τοῦτω) <...>

А Музы были здесь поставлены как помощницы в гаданиях и хранительницы источника и святилища Геи, которой, говорят, принадлежало это прорицалище, ибо вещания здесь давались в стихах и песнях (τὰς δὲ Μούσας ἰδρύσαντο παρέδρους τῆς μαντικῆς καὶ φύλακας αὐτοῦ παρὰ τὸ νᾶμα καὶ τὸ τῆς Γῆς ἱερὸν, ἧς λέγεται τὸ μαντεῖον γενέσθαι διὰ τὴν ἐν μέτροις καὶ μέλεσι χρησιμῶδιον)» (Plut. Mor. 3, 402 C–D, пер. Л. А. Фрейберг).

Таким образом, Музы были первоначальными «помощницами при гаданиях» (παρέδρους τῆς μαντικῆς) в святилище Геи в Дельфах. Эти помощницы облегчали адекватную коммуникацию: помогали понять услышанное *χρησιμῶδιον* «вещание», возможно, озвученное «в стихах и песнях» (ἐν μέτροις καὶ μέλεσι), разумеется, при этом проговаривая (λέγειν) его и, вероятно, содействуя окончательному его оформлению в стихотворную форму; эта форма, очевидно, выгодно способствовала утрате определенности и недвусмысленности понимания прорицания [Parke 1981: 100]. Отсюда предположение: слова гесиодовских Муз «умеем говорить» подразумевали примерно: «(пророчества) умеем (про)говорить (стихами)».

Приведем подтверждение примером текстуального совпадения.

«Некие Фрии на свете живут, урожденные сестры,

Девы. <...>

Если безумьем зажгутся, поевши янтарного меда,

Всею душою хотят говорить они чистую правду.

(προφρονέως ἐθέλουσιν ἀληθείην ἀγορεύειν.)

Если же сладостной пищи богов не отведают нимфы,

Тех, кто доверится им, **поведут безо всякой дороги.**

(ψεύδονται δὲ ἔπειτα δι' ἀλλήλων δονέουσαι.)»

(Hom. hymn. Herm., 552–563, пер В. В. Вересаева).

Мы видим точное соответствие выделенного *ἐθέλουσιν ἀληθεῖν ἀγορεύειν* («желают говорить правду») гесиодовскому *ἐθέλωμεν, ἀληθέα γηρύσασθαι* («хотим... возвещать правды»); *ψεύδονται* (соб. «лгут») гимна, в свою очередь, соответствует *ψεύδεα... λέγειν* («говорить... неправды») «Теогонии».

Такое соответствие вряд ли возможно признать случайным; поэтому представляется важным напомнить некоторые сведения об описываемых гимнографом существах.

В тексте это просто «девы» (*παρθέναι*), они не названы «Фриями»¹, не названы по именам и не упоминаются более нигде в гомеровском и гесиодовском корпусах. Подобно горным нимфам (Hom. *hymn.* IV *Aphr.* 259–272), они живут в определенных горах (Hom. *hymn.* III *Herm.* 555), летают туда и сюда, то собираясь вместе, то разлетаясь в стороны, что похоже на танец, традиционное занятие нимф, Муз и Харит (Hom. *hymn.* III *Herm.* 558). Они едят пищу богов (Hom. *hymn.* *Herm.* 562, IV *Aphr.* 260) и обладают способностью гадать и предсказывать будущее². Если допустить отождествление этих пчелиных дев и Фрий³, то в отношении последних можно также добавить следующее. Фрагмент Ферекида (Fr. Gr. *Hist.* 3 F 49) сообщает, что их было три, откуда выводится их название, и были они дочерьми Зевса. По Филохору, они нимфы, жившие на Парнасе, воспитательницы (*κοιροτρόφοι*) Аполлона, которого обучили искусству гаданий (Fr. Gr. *Hist.* 328 F 125). Их также три, назывались Фрии (*Φρίαι*), от них гадательные камешки также называются *θρίαί*, а гадание с их помощью *θριαῖσθαι*. По информации *Anecdota Graeca* (I, 265, 11) и *Etymologicum magnum* (s. v. *Φρίαί*), *Φρίαί* означало и гадательные камешки, и нимф, которые изобрели гадание по камешкам, они же предложили их Афине. Стефан Византийский s. v. *θρίαί* и Зенобий (Fr. Gr. *Hist.* 328 F 195) пишут, что Афина сама изобрела гадание по камешкам, но Зевс счел этот вид прорицания недостойным (богов). Гезихий s. v. *Φρίαί* пишет также, что были они первыми гадательницами (*μάντις*).

Пророчества этих пчелиных дев бывают правдивы и ложны: вкусивши божественной пищи (меда) и «придя в исступление» (*θυῶσιν*), они охотно желают говорить правду, и, соответственно, говорят ее, если же лишаются сладостной пищи богов, то говорят людям неправду. Таким образом, пчелиные девы имеют самое прямое и непосредственное отношение и к сфере собственно мантики, индуктивных предсказаний (само их имя может значить «гадательные камешки»), и к сфере интуитивных предсказаний – *придя* в энтузиастическое состояние сознания, они дают верные предсказания, не *придя* в него – дают неверные.

Очевидные соответствия и параллели между Музами и пчелиными девами/Фриями лежат на поверхности⁴, они основательно описаны в статье С. Шейнберг [Sheinberg 1979: 1–28]. Тем не менее следует отметить несколько актуальных для нашего исследования фактов: число и тех, и других, и третьих весьма часто бывает именно три [West 1966: 426], они и кормилицы, и воспитательницы [ibid.: 347], и гадательницы, и предсказательницы [Farnell 1909: 425], все имеют отношение к меду как пище богов [Roscher 1883: 25 et passim], и к меду как опьяняющему напитку, погружающему в необходимое для прорицания состояние.

Важным здесь является общеизвестная связь пчел именно с Дельфийским Оракулом⁵: например, второй храм Аполлона был построен пчелами и птицами из воска и перьев (Paus. 10.5.9; Plut. *De Pyth. Or.* 402 D; Philostr. *Vit. Apoll.* 6.10), Пифию Пиндар называет «Дельфийской пчелой» (Pyth. 4.60). Пчелы же повсеместно ассоциируются с Музами: так, например, Музы превращаются в пчел, ведя афинян в Ионию (Philostr. *Im.* 2.8.6.), Варрон называет пчел птицами Муз (De r. rust. 3.6) и проч.

Примечательно, что эти пчелиные девы приходят в состояние исступления, откушавши меда (*θυῶσιν ἐδῆδύϊαι μέλι χλωρόν*) (Hom. *hymn.* *Herm.* f. 560), который назван «сладкой пищей богов» (*θεῶν ἡδεῖαν ἐδωδήν*) (Ibid. f. 562). В Th. 83–84 Музы «льют на язык певцу сладкую росу» (*μὲν ἐπὶ γλώσσῃ γλυκερὴν χεῖουσιν ἑέρσην*), позволяющую ему произносить «медовые речи» (*μελίχια ἔπη*)⁶.

Совпадение Th. 27–28 и Hom. *hymn.* *Herm.* 561–563 выделяется многими исследователями. Отмечается также, что гимнограф, описывая практику гадания пчелиных дев, почти цитирует ff. 27–28, очевидно используя «один и тот же язык» [Sheinberg 1979: 11].

Напрашивается вопрос: почему используется этот «один и тот же язык», почему прорицания пчелиных дев гомеровского гимна и откровения Муз «Теогонии» выражены практически одними и теми же словами?

Представляется возможным предположить, что один текст оказался востребованным другим текстом на основании некоего общего семантического компонента, который связан с семантикой сферы гаданий/предсказаний: если пчелиные девы имеют непосредственное отношение к ней, то, следовательно, и относительно Муз придется признать какое-то отношение к этой же сфере. Причем последнее оказывается справедливым не только относительно Дельфийских Муз при Оракуле, о которых мы привели свидетельство Плутарха, но и относительно Муз Геликонских⁷ с их «справдами» и «неправдами, похожими на правды».

Итак, при прорицалище Геи Музы облегчали взаимодействие звеньев цепи мантической коммуникации. Описание особенностей практики гадательниц и тезок собственно гадательных камешков θριαί девопчел/Фрий практически совпадает с репликой Муз в разбираемом месте «Теогонии». Музы имеют значительное количество прямых взаимодействий и с (до)аполлоновским Дельфийским Оракулом, и с самим Аполлоном, и с его деревом лавром [Stern-Gillet 2014: 36], и с другими Оракулами, и с гадательной практикой, и с прорицательной практикой, и с пчелами, и с медом, превратившимся потом в «мед поэзии», и даже с употреблением перед пророчествованием экстатических – или считающимися таковыми – веществ.

Может ли всё вышеперечисленное, и не только оно, служить **достаточным основанием** для самого осторожного предположения, что известная загадочная реплика гесиодовских Муз в ff. 27–28 «Теогонии» понималась автором как имеющая отношение к сфере гаданий/предсказаний⁸?

Вопрос в данном случае не является совсем риторическим. Доказательным, а тем более документально доказательным, равно как и доказуемым, мы можем считать весьма ограниченный круг фактов взаимодействий и взаимовлияний архаических мифологических текстов. В большинстве случаев эти сближения и пересечения являются примерами лишь соблазнительного сходства, обнаруживая не заимствование, но взаимодействие. Именно того «доказательного “генетического” звена» [Гринцер 2012: 68], как правило, недостает, а «конкретный текст», доказывающий это «взаимодействие» (текст, а не мотив или «параллель»!), как почти всегда, отсутствует. В рассматриваемом случае, даже если ff. 561–563 Nom. hymn. Herm. не признавать таковым звеном, а считать лишь «эпическим клише», по аналогии с αὐδῆν θέσπιν Th. 31–32 и θέσπιν αὐοιδῆν Nom. hymn. Herm. 442, факт текстуально доказанного взаимодействия, на наш взгляд, имеет место быть, и не замечать его невозможно.

Выше мы отметили: «...и не только оно». Если мы предполагаем, что Гесиод подразумевал ψευδεᾶ πολλὰ как аллюзию на какие-то ответы Дельфийского Оракула, то естественным представляется обратиться рассмотрению того, чем был во времена Гесиода Дельфийский Оракул, и каковы, собственно, были его ответы на вопрошания. Разумеется, рамки статьи делают невозможным даже приблизительное конспективное изложение сложнейшего комплекса вопросов о том, чем на самом деле был Дельфийский Оракул, что в нем на самом деле происходило, какие из ответов действительно принадлежали ему [Fontenrose 1978: 7] и каково было его значение

для Древней Греции в ее разные времена. В нашем случае речь пойдет именно о представлениях, сложившихся ко времени Гесиода об Оракуле и его ответах, в том числе об амбивалентной двусмысленности, смысловой затемненности и неясности как **сущностной характеристике** жанра (значительного количества) этих ответов.

Дж. Фонтенроуз дает тематическую классификацию ответов, согласно которой оракулы могли касаться Res Divinae, Res Publicae, Res Domesticae et Prophanae [Fontenrose 1978: 25–29], причем во всех предложенных разделах имеют место быть те, что автор называет ambiguous «двусмысленный», вероятно, это такие, у которых окончательное понимание истинности какого-нибудь из предложенных вариантов поведения наступает либо сильно не сразу, либо вовсе post eventum. Другая его классификация включает ответы «исторические», «квазиисторические», «легендарные» и «вымышленные» и является классификацией по происхождению. Эти ответы, в свою очередь, распределяются по «способу выражения», их разновидности суть «простые команды», с подразделением на «санкции» и «двусмысленные команды»; «команды с условием»; «запреты и предупреждения», подразделяемые на «понятные» и «двусмысленные»; «объявления о прошлом и настоящем», подразделяемые на «общеизвестные» и «экстраординарные»; «объявления о будущем простые», подразделяемые на «не предсказательные», «понятные предсказания» и «двусмысленные предсказания»; и «предсказания с условием/с условиями», которые все могут быть обозначены как вполне «двусмысленные» [Fontenrose 1978: 13–24]. Эти «двусмысленные» ответы, о которых и шла речь, представлены в большинстве рубрик в количестве весьма значимом; семантически к ним могут быть отнесены ответы с неясным исходом, а таковы все, относящиеся к плану будущего (включая команды/команды с условием/советы/рекомендации/предписания/запреты и проч.); таких ответов оказывается вовсе не так мало.

Принято говорить если не о примерном тождестве, то о почти неразличимой близости фигуры пророка и фигуры поэта-певца в ранней греческой, и не только греческой поэзии. Понимается эта близость как близость вообще к богу, к интуитивно-божественному началу поэтического вдохновения, «меду поэзии» и подобным вещам. Но, если оставить вдохновение в стороне, то стоит отметить, что из 581 ответа, которые подлинно произведены Дельфийским Оракулом или приписаны ему, 175 написаны гекзаметром, и многие другие являются прозаическим парафразом стихов. Например, из восьми стихов PW № 1 семь входящих туда семантически законченных

высказываний повторяются почти дословно у Гомера и Гесиода, и только три полустихия не имеют эпических аналогов [McLeod 1961: 318]; развернутые списки этих соответствий приведены в работе У. Маклеода [ibid.: 318, 321].

Соответствия эти по большей части суть знакомые «эпические поэтические формулы», естественные в устной эпической традиции.

Совпадать могли не только поэтические формулы, но и целые стихи: так, последний стих ответа Оракула Главку PW № 35 полностью совпадает с f. 285 «Opera et Dies», и это не единственный пример (взаимо)влияния на этом уровне: «Труды и Дни» имеют значительное количество стихов, гномических по характеру и «очень близких по форме и стилю Дельфийским оракулам» [Parke, Wormell 1956: xxxiii]. Цитаты из Гесиода встречаются в ответах Оракула; обратные заимствования были вполне возможны, конечно, если говорить о Corpus Hesiodeum в целом⁹.

При всех трудностях определения аутентичности ответов Оракула, 72 со всей определенностью можно считать подлинными; таковой массив дает основания исследователям предположить существование чуть ли не «штатной должности» специалиста-сказителя/сказителей при службе Дельфийского Оракула [McLeod 1961: 319]. И, как ни решать вопрос о поэтических компетенциях непосредственно Пифии, традиционно считается, что в состав служб при ней были включены версификаторы, переключивавшие произнесенные ею ответы гекзаметрами (Strab. 9. 3. 5, Plut. De Pyth. 407 B). Ответы Оракула, бесспорно, принадлежали устной поэзии, естественно связанной с существовавшей устной поэтической эпической традицией. Неизбежно возникающие вопросы о хронологическом приоритете, например Гесиода или Оракула, в изобретении таких «формул» предлагается разрешить введением термина «Фокейская поэтическая школа», которая также принимала участие в выработке, так сказать, общего арсенала средств эпической поэзии, при этом отмечается ее большая близость школе беотийской, нежели ионической. И, конечно, нельзя не отметить позицию Виламовица, поддерживавшего идею о близких связях Дельфийского Оракула и эпических поэтов [Wilamowitz-Moellendorff 1955: 2, 39].

Прямых свидетельств о контактах Гесиода и Дельфийского Оракула нет. Но даже если поэт и не посещал Оракул в соседней Фокиде, то не будет сильной натяжкой предположить, что Гесиод пользовался большим массивом его ответов, получая его из своих беотийских источников: значительное количество пословиц, рекомендаций, запретов, наконец, советов и прочего гномического материала «литературы мудрости» в поэме

«Труды и Дни» вполне может рассматриваться косвенным свидетельством таких контактов [Parke, Wormell 1956: xxxii–xxxiii].

Теперь мы можем, наконец, осторожно обобщить наши предположения: в ff. 27–28 имеет место аллюзия на озвучивание Музами «вещаний»-ответов Дельфийского Оракула, которые могут быть правдивыми (ἀληθέα γηρύσασθαι), то есть сбываться, а могут быть по виду равновероятно и правдивыми, и ложными: ψεύδεα ... ἐτύμοισιν ὁμοῖα. Истинность самых разных видов ответов Оракула – команды/команды с условием/совета/рекомендации/предписания/ запрета, и далее, до загадок и пословиц, равно как и заведомая абсурдность таковых, прояснится **для смертных**, как и было сказано выше, лишь со временем, иногда с немалым временем (например, пророчество про «три урожая» Гераклидов и их (не)понимание дорянами), а иногда и вообще post eventum. До этого прояснения «месседж» может быть «неправильно понят» и, соответственно, повлечь за собой неправильный вариант поведения вопрошающего/вопрошающих, то есть, в конечном результате, оказаться **для них** ложным (ψεύδεα). Таким образом, добавление к f. 27 «умеем говорить многие неправды, похожие на правды» (ἴδμεν ψεύδεα πολλὰ λέγειν ἐτύμοισιν ὁμοῖα), важнейшего пояснения «**для смертных**»¹⁰, полностью проясняет ситуацию: ведь, боги, как правило [Stern-Gillet 2014: 40], не могут лгать вопрошающим их смертным [Almqvist 2021: 41; Naerebout, Beerden 2013: 141], а вот смертные вполне могут неправильно понимать предоставленную «сверху» информацию.

Боги, видимо, в зависимости от уровня благочестия вопрошания¹¹, а может быть, и гомерического смеха ради, могут сообщить диким пастухам информацию, допускающую в том числе и взаимоисключающие толкования. Эти пастухи, под которыми, как мы отмечали, могут подразумеваться и вообще смертные [Collins 1999: 254], не в состоянии отличить одно понимание «божественной правды» пророчества от полностью ему противоположного и вовремя понять, какое из них «настоящее». В некотором будущем одно из этих пониманий перестанет быть правдой и сделается **для этих смертных** ложью в силу ограниченности их собственной природы, а также иных горизонтов понимания и планирования. Пророчество, которое может быть понято с точностью до наоборот, естественно, может и сбыться с точностью до наоборот, причем при отсутствии каких-либо грамматических возражений к его тексту: греческий язык располагает для этого более чем богатыми возможностями. Самый знаменитый пример – ответ Дельфийского Оракула Крезу, что тот, «перейдя реку Галис, разрушит великое царство».

В этом, вероятно, и состоит «насмешка неба над землей», «многие неправды» (*ψεύδεα πολλὰ*) гесиодовских Муз, «похожие на правды» (*ἐτύμοισιν ὁμοῖα*), а то и точно совпадающие с ними, но ими не являющиеся: всё-таки Крез в известной истории Геродота разрушил совсем не то царство, какое хотел.

Примечания

¹ Отождествление девопчел и Фрий давно стало общим местом, оно основано на допущении чтения *θριαί* вм. *Σερναί*, которое дает лучшая рукопись (р. Moskvensis), Готфридом Германом в его издании гомеровских гимнов 1806 г.

² Представляется важным, что горная нимфа Дафнида была первой пророчицей оракула Геи в Дельфах (Paus.10.5.5), а *νυμφόλεπτος* есть человек, одержимый нимфами и потому способный предсказывать будущее [Kambylis 1965:43–44].

³ Contra С. Шейнберг [Sheinberg 1979: passim].

⁴ Подробнее см. указанную работу S. Scheinberg. По источникам к *Thriae*, см. Fr. Gr. Hist. 3 F 49 и 328 F 195.

⁵ По примеру Дж. Фонтенроуза, мы пишем Оракул с заглавной буквы, если речь идет об учреждении, и со строчной – если речь идет о его ответах.

⁶ Греки считали, что мед получался из собранной пчелами росы (Verg. Georg. IV, 1).

⁷ Не углубляясь в подробности непростого вопроса об устройстве мифологического комплекса «гесиодовские Музы», считаем важным отметить, что Музы Геликонские Th. 1, или Музы «1-го проэмия», и Музы Олимпийские Th. 75, или Музы «2-го проэмия», весьма отличаются друг от друга [Marquardt 1982: 1–12].

⁸ Как тут не вспомнить знаменитое If it looks like a duck, swims like a duck, and quacks like a duck, then it probably is a duck.

⁹ Г. Парк и Д. Уормелл говорят в данном месте о «Гесиоде и его школе» [Parke, Wormell 1956: xxxiii].

¹⁰ Добавления, естественно подразумеваемого для адресата обращения «полевые пастухи» (*ποιμένες ἄγραυλοι*), понимаемого как в конкретно-множественном, так и в обобщенном смысле «род человеческий».

¹¹ Так, Е. В. Приходько отмечает: уровень прозрачности ответов оракула обратно пропорционален отношению «вопросений» к плану будущего, а также степени отдаленности этого будущего [Приходько 2023: 21].

Список литературы

Гринцер Н. П. Что сравнивать и зачем сравнивать? Комментарий к статье Иэна Разерфорда // Мировое древо. 2012. № 19. С. 63–70.

Приходько Е. В. Представления древних эллинов о будущем в зеркале мантического искусства // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 19–26. doi 10.15393/uchz.art.2023.883.

Almqvist O. Beyond Oracular Ambiguity: Divination, Lies and Ontology in Early Greek Literature // Social Analysis: The International Journal of Anthropology. 2021. Vol. 65. № 2. P. 41–61.

Anecdota Graeca. – Immanuelis Bekkeri. Anecdota Graeca. Vol. I. Berolini: apud G. C. Naucium. 1814. 494 p.

Collins D. Hesiod and the divine voices of Musae // Arethusa. 1999. Vol. 32. № 3. P. 241–262.

Etymologicum Magnum. – Friderici Sylburgii. Etymologicum Magnum. Lipsiae: apud Io. Aug. Gottl. Weidel, MDCCCXVI. 570 p.

Farnell L. R. The Cults of the Greek States. Vol. V. Oxford: at the Clarendon Press. 1909. 618 p.

Fontenrose J. The Delphic Oracle. Its Responses and Operations. Berkely – Los Angeles – London: University of California Press, 1978. 494 p.

Fr. Gr. Hist. – Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin, 1923–1958.

Kambylis A. Die Dichterweihe und ihre Symbolik: Untersuchungen zu Hesiodos, Kallimachos, Properz und Ennius. Heidelberg: Winter, 1965. 218 S.

Kannicht R. Der alte Streit zwischen Philosophie und Dichtung: Zwei Vorlesungen über Grundzüge der griechischen Literaturauffassung // Antike und Universalgeschichte. 1980. № 23/6. S. 6–36.

Katz J., Volk K. 'Mere Bellies?': A New Look at Theogony 26–8 // JHS. 2000. № 120. P. 122–131.

Marquardt P. The two faces of Hesiod's Muse / Illinois Classical Studies. 1982. Vol. 7. № 1. P. 1–12.

McLeod W. Oral Bards at Delphi // Translations and Proceedings of the American Philological Association. 1961. Vol. 92. P. 317–325.

Murray P. Poetic inspiration in early Greece // JHS. 1981. Vol. 101. P. 87–100.

Nagy G. Greek mythology and poetics. Ithaca and London: Cornell University Press, 1990. 388 p.

Naerebout F., Beerden K. "Gods Cannot Tell Lies": Riddling and Ancient Greek Divination // The Muse at Play: Riddles and Word-play in Greek and Latin Poetry. Ed. by Jan Kwapisz, Mikołaj Szyman-ski, David Petrain. Berlin: Walter de Gruyter, 2013. P. 121–147.

Neitzel H. Hesiod und die Lügenden Musen: Zur Interpretation von Theogonie 27 f. // Hermes 1980. Bd. 108. H. 3. S. 387–401.

Nietzsche F. Werke. Kritische Gesamtausgabe. Berlin: Walter de Gruyter, 1995. 397 p.

Parke H. Apollo and the Muses, or prophecy in Greek verse // Hermathena. 1981. № 130/131. P. 91–112.

Parke H. W., Wormell D. E. The Delphic oracle. Vol. II. Oxford: at the Clarendon Press, 1956. xxxvi+271 p.

Puelma M. Der Dichter und die Wahrheit in der griechischen Poetik von Homer bis Aristoteles // Museum Helveticum. 1989. Vol. 46, № 2. S. 65–100.

Pucci P. Hesiod and the language of poetry. Baltimore, 1977. P. vii+147.

Roessler W. Die Entdeckung der Funktionalität in der Antike // Poetica. 1980. № 12. P. 283–319.

Roscher W. Nektar und Ambrosia. Leipzig: Teubner, 1883. 115 S.

Rudhart J. Le preambule de la Theogonie: la vocation du poete, le langage des Muses // Cahiers de philologie. 1996. № 17. P. 25–39.

Scheinberg S. The Bee Maidens of the Homeric Hymn to Hermes // Harvard Studies in Class. Philology. 1979. Vol. 3. P. 1–28.

Stern-Gillet S. Hesiod's Proem and Plato's Ion // The Classical Quarterly. 2014. Vol. 64, № 1. P. 25–42.

Stroh W. Hesiods lügende Musen // Studien zum Antiken Epos / Hrsg. H. Görgemanns, E. A. Schmidt. Mesenheim am Glan, 1976. S. 85–112.

Svenbro J. La parole et la marbre: aux origins de la poetique greque. Lund: Les Belles Lettres, 1976. 268 p.

Thalmann W. Furor poeticus. Poetic Inspiration in Conventions of Form and Thought in Early Greek Epic Poetry. Baltimore, 1984. 247 p.

Verdenius W. J. Notes on the Proem of Hesiod's "Theogony" // Mnemosyne, Fourth Series. 1972. Vol. 25. Fasc. 3. P. 225–260.

West M. L. Commentary // Hesiod. Theogony. Oxford: at the Clarendon Press, 1966. P. 150–437.

Wilamowitz-Moellendorf U. von. Der Glaube der Hellenen. Berlin: De Gruyter, 1955. Vol. 2. 632 p.

References

Grintser N. P. Chto sravnivat' i zachem sravnivat'? Kommentariy k stat'e Iena Razerforda [What to compare and why to compare?]. *Mirovye drevo* [Arbor Mundi], 2012, issue 19, pp. 63–70. (In Russ.)

Prikhod'ko E. V. Predstavleniya drevnikh ellinov o budushchem v zerkale manticheskogo iskusstva [Ancient Greeks' perceptions of the future in the mirror of divination]. *Uchenye Zapiski Petrozavodskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2023, vol. 45, issue 3, pp. 19–26. doi 10.15393/uchz.art.2023.883. (In Russ.)

Almqvist O. Beyond oracular ambiguity: Divination, lies and ontology in early Greek literature. *Social Analysis: the International Journal of Anthropology*, 2021, vol. 65, issue 2, pp. 41–61. (In Eng.)

Anecdota Graeca. – Immanuelis Bekkeri. *Anecdota Graeca* [Greek Anecdotes]. Vol. I. Berolini, apud G. C. Naucium. 1814. 494 p. (In Ancient Greek and Latin)

Collins D. Hesiod and the divine voices of Muses. *Arethusa*, 1999, vol. 32, issue 3, pp. 241–262. (In Eng.)

Etymologicum Magnum. – Friderici Sylburgii. *Etymologicum Magnum*. Lipsiae, apud Io. Aug. Gottl. Weidel, MDCCCXVI. 570 p. (In Ancient Greek and Latin)

Farnell L. R. *The Cults of the Greek States*. Oxford, at the Clarendon Press, 1909, vol. V. 618 p. (In Eng.)

Fontenrose J. *The Delphic Oracle. Its Responses and Operations*. Berkely – Los Angeles – London, University of California Press, 1978. 494 p. (In Eng.)

Fr. Gr. Hist. – Jacoby F. *Die Fragmente der griechischen Historiker* [Fragments of the Greek Historians]. Berlin, 1923–1958. (In Ancient Greek and Latin)

Kambylis A. *Die Dichterweihe und ihre Symbolik. Untersuchungen zu Hesiodos, Kallimachos, Propertius und Ennius* [Initiation into Poets and Its Symbolism. Studies on Hesiod, Callimachus, Propertius, and Ennius]. Heidelberg, Winter, 1965. 218 p. (In Ger.)

Kannicht, R. Der alte Streit zwischen Philosophie und Dichtung: Zwei Vorlesungen über Grundzüge der griechischen Literaturauffassung [The Old Dispute Between Philosophy and Poetry: Two Lectures about the Basic Features of Greek Conception of Literature]. *Antike und Universalgeschichte* [Antiquity and Universal History], 1980, issue 23/6, pp. 6–36. (In Ger.)

Katz J., Volk K. 'Mere Bellies?': A New Look at Theogony 26–8. *JHS*, 2000, issue 120, pp. 122–131. (In Eng.)

Marquardt P. The two faces of Hesiod's Muse. *Illinois Classical Studies*, 1982, vol. 7, issue 1, pp. 1–12. (In Eng.)

McLeod W. Oral Bards at Delphi. *Translations and Proceedings of the American Philological Association*, 1961, vol. 92, pp. 317–325. (In Eng.)

Murray P. Poetic inspiration in early Greece. *JHS*, 1981, vol. 101, pp. 87–100. (In Eng.)

Nagy G. *Greek Mythology and Poetics*. Ithaca and London, Cornell University Press, 1990. 388 p. (In Eng.)

Naerebout F., Beerden K. 'Gods Cannot Tell Lies': Riddling and Ancient Greek divination. *The Muse at Play: Riddles and Word-Play in Greek and Latin Poetry*. Ed. by Jan Kwapisz, Mikołaj Szyman-ski, David Petrain. Berlin, Walter de Gruyter, 2013, pp. 121–147. (In Eng.)

Neitzel H. Hesiodos und die Lügenden Musen Zur Interpretation von Theogonie 27 f. [Hesiod and lying Muses: Toward interpretation of Theogony 27], *Hermes*, 1980, vol. 108, issue 3, pp. 387–401. (In Ger.)

Nietzsche F. *Werke. Kritische Gesamtausgabe* [Works. Critical Complete Edition]. Berlin, Walter de Gruyter, 1995. 397 p. (In Ger.)

- Parke H. Apollo and the Muses, or prophecy in Greek verse. *Hermathena*, 1981, 130/131, pp. 91-112. (In Eng.)
- Parke H. W. and Wormell D. E. *The Delphic Oracle*. Oxford, at the Clarendon Press, 1956, vol. II. xxxvi+271 p. (In Eng.)
- Puelma M. Der Dichter und die Wahrheit in der griechischen Poetik von Homer bis Aristoteles [The poet and the truth in the Greek poetry from Homer to Aristotle]. *Museum Helveticum*, 1989, vol. 46, issue 2, pp. 65-100. (In Ger.)
- Pucci P. *Hesiod and the Language of Poetry*. Baltimore, 1977. vii+147 p. (In Eng.)
- Roessler W. Die Entdeckung der Funktionalität in der Antike [The discovery of functionality in antiquity], *Poetica*, 1980, issue 12, pp. 283-319. (In Ger.)
- Roscher W. H. *Nektar und Ambrosia* [Nectar and Ambrosia]. Leipzig, Teubner, 1883. 115 p. (In Ger.)
- Rudhart J. Le preambule de la Theogonie: la vocation du poete, le language des Muses [The Proemion to the Theogony: The vocation of the Poet, the language of Muses]. *Cachiers de philologie*, 1996, issue 17, pp. 25-39. (In Fr.)
- Scheinberg S. The bee maidens of the Homeric Hymn to Hermes. *Harvard Studies in Class. Philology*, 1979, vol. 3, pp. 1-28. (In Eng.)
- Stern-Gillet S. Hesiod's 'Proem' and Plato's 'Ion'. *The Classical Quarterly*, 2014, vol. 64, issue 1, pp. 25-42. (In Eng.)
- Stroh W. Hesiods lügende Musen [Hesiod's lying Muses]. *Studien zum Antiken Epos. Festschrift F. Dirlmeyer und V. Pöschl* [Studies on Antique Epic]. Ed. by H. Görgemanns, E. A. Schmidt. Mesenheim am Glan, 1976, pp. 85-112. (In Ger.)
- Svenbro J. *La parole et la marbre: aux origines de la poetique greque* [The Word and the Marble: At the Origins of Greek Poetry]. Lund, Les Belles Lettres, 1976. 268 p. (In Fr.)
- Thalmann W. *Furor poeticus. Poetic Inspiration in Conventions of Form and Thought in Early Greek Epic Poetry*. Baltimore, 1984. 247 p. (In Eng.)
- Verdenius W. J. Notes on the problem of Hesiod's 'Theogony'. *Mnemosyne*, 1972, fourth series, vol. 25, fasc. 3, pp. 225-260. (In Eng.)
- West M. L. Commentary. In: Hesiod. *Theogony*. Oxford, at the Clarendon Press, 1966, pp.150-437. (In Eng.)
- Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Der Glaube der Hellenen* [The Faith of the Hellenes]. Berlin, De Gruyter, 1955, vol. 2. 632 p. (In Ger.)

Hesiod's 'Theogony' 27-28: an Attempt at a New Interpretation

Dmitry P. Shilovskiy

Senior Lecturer in the Department of Latin Language and Basics of Terminology

Russian University of Medicine

4, Dolgorukovskaya st., Moscow, 127006, Russia. Schilowskij@yandex.ru

SPIN-code: 5401-0439

ORCID: <https://orcid.org/0009-0001-2048-3201>

ResearcherID: MDT-0489-2025

Submitted 21 Feb 2025

Revised 06 Mar 2025

Accepted 19 Jun 2025

For citation

Shilovskiy D. P. Hesiodi Theogoniae 27-28: popytka novoy interpretatsii [Hesiod's 'Theogony' 27-28: an Attempt at a New Interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 56–65. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-56-65. EDN DPKOWI (In Russ.)

Abstract. A new interpretation of verses 27-28 of the proem to Hesiod's poem *Theogony* is proposed. The mysterious 'many lies that look like the truths', along with the actual 'truths' that Hesiod's Muses are able to tell, have brought to life a considerable number of interpretations, which in itself indicates the lack of a proper understanding. This passage receives a satisfactory explanation if we assume that in the famous remark of the goddesses about 'many lies' the author meant ambiguous answers given by the Delphic Oracle, which could be interpreted by mortals in various ways, including erroneously. The hypothesis is confirmed, inter alia, by Plutarch's testimony to the direct relationship of the Muses to the Oracle's activities as they were his 'assistants in future-telling'. Remarkably, the famous phrase of the Muses coincides almost

verbatim with the text of the Homeric hymn to Hermes, where three bee maidens, who taught the god the art of divination, could also 'tell the truth' or 'lie' when predicting the future, with 'tell the truth' meaning making true predictions, while 'lie' referring to making false predictions, depending on whether they taste the divine honey or not. The proposed understanding is supported by a significant number of unambiguous correspondences between various passages in *Theogony* and *Works and Days* by Hesiod and the poetic responses of the Delphic Oracle. The author of the article comes to a conclusion about a common field of epic poetry, which included, on the one hand, the works of epic poets and, on the other hand, the activities of the Oracle, whose hexametric answers are directly related to the oral epic poetic tradition. This also gives some reason to deem it highly likely that the Boeotian poet familiarized himself with the corpus of poetic responses of the Oracle, which existed in one form or another.

Key words: Hesiod; Theogony; prooemium; Muses; Delphi; Oracle; questionings; answers; oral epic tradition.

УДК 81'42

doi 10.17072/2073-6681-2025-3-66-79

<https://elibrary.ru/oruvvgq>

EDN ORUVGQ

Мультимодальный/поликодовый текст как фактор эффективности сообщения в социальных сетях

Шляхова Светлана Сергеевна

**д. филол. н., профессор, зав. кафедрой иностранных языков
и связей с общественностью**

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. shlyahova@mail.ru

SPIN-код: 9276-9307

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5636-4837>

ResearcherID: AAA-7598-2021

Scopus Author ID: 55934110900

Мелконян Мария Арменовна

студент гуманитарного факультета

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
614990, Россия, г. Пермь, Комсомольский просп., 29. melkonyanmari-19@mail.ru

Статья поступила в редакцию 04.06.2025

Одобрена после рецензирования 17.08.2025

Принята к публикации 22.08.2025

Информация для цитирования

Шляхова С. С., Мелконян М. А. Мультимодальный/поликодовый текст как фактор эффективности сообщения в социальных сетях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 66–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-66-79. EDN ORUVGQ

Аннотация. Статья посвящена анализу эффективности поликодового/мультимодального текста в цифровых бизнес-коммуникациях. Особое внимание уделяется роли вербального компонента в мультимодальном сообщении. Новизна работы заключается в изучении нового материала (бизнес-коммуникации), наукометрическом анализе и анализе эффективности (ER) поликодового/мультимодального текста. Материалом исследования явился 221 поликодовый/мультимодальный текст, функционирующий в социальных сетях малого бизнеса. Методы сбора материала – сплошной выборки и наблюдения. Методы анализа материала – наукометрический анализ, контент-анализ, количественный анализ, веб-аналитика (ER, коэффициент вовлеченности), элементы дискурсивного и мультимодального анализа. Наукометрический анализ показывает, что в российском научном дискурсе доминируют термины *креолизованный* и *поликодовый* текст, которые не могут считаться синонимичными термину *мультимодальный*. В ходе исследования определена эффективность поликодового/мультимодального текста в корреляции с форматом контента, модусами, видом контента, медиатопикой. Установлено, что эффективность поликодового/мультимодального текста связана не только с разнообразием форматов, видов контента и медиатопики, но и с условиями взаимодействия читателя-зрителя с текстом. Необходимо выявление корреляции и закономерностей навигации в виртуальном пространстве текста, генерирования и конструирования смыслов текста в социокультурном контексте, проектирования способа и траектории чтения. Полученные в ходе исследования данные снова возвращают к дискуссии о значимости вербальных и невербальных кодов в передаче информации.

Ключевые слова: мультимодальный текст; поликодовый текст; мультиграмотность; мультимодальный анализ; ER (коэффициент вовлеченности); модус; медиатопика.

Введение

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена необходимостью выявления эффективности мультимодального/поликодового текста в цифровых коммуникациях, которые сегодня доминируют во взаимодействии с целевыми аудиториями во всех видах виртуального общения. В исследовании мультимодального/поликодового текста можно выделить несколько вопросов, которые активно разрабатываются в теории мультимодальности: терминология, модус, мультиграмотность, мультимодальная семиотика, мультимодальный анализ и др.

Терминология. Несмотря на давнюю постановку в отечественной лингвистике [Ейгер, Юхт

1974; Сорокин, Тарасов 1990 и др.], проблема смешанного (мультимодального, поликодового, креолизованного, контаминированного, изовербального, полисемического, лингвовизуального, видеовербального, визуального и др.) текста остается дискуссионной. На сегодня не существует общепринятого термина для феномена смешанного текста [Новоспасская, Дугалич 2022], а термины *мультимодальность* и *поликодовость* часто употребляются как синонимы. Наукометрические данные показывают, что в российском научном дискурсе активное исследование мультимодального/поликодового текста начинается около десяти лет назад и доминируют термины *креолизованный* и *поликодовый* текст (рис. 1).

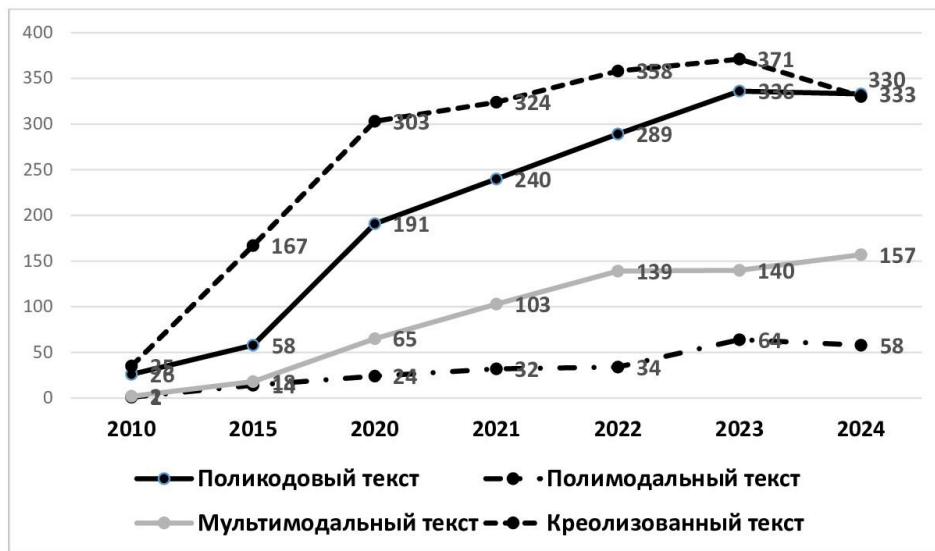

Рис. 1. Количество статей по запросу в РИНЦ (27.05.2025)

Fig. 1. The number of articles on request in the RSCI (27 May 2025)

Термины *поликодовый* (два и более кода в кодировании информации) и *мультимодальный* (две и более модальности в восприятии и декодировании текста) принципиальны при учете фактора восприятия текста, что и определяет возможность эффективности понимания и усвоения информации. Поликодовость не равна мультимодальности, поскольку поликодовый текст может быть мономодальным (комиксы, газетный рекламный модуль, постер, упаковка и пр.).

В западной лингвистике наряду с терминами *combined* и *creolized* наиболее частотным является термин *multimodal* [Machin 2007; Kress 2012; Bazalgette, Buckingham 2013 и др.].

Таким образом, сегодня «теория поликодового текста представляет собой многоаспектное сложившееся поле исследований, не вызывающее разночтений в объекте исследования», однако отсутствует единая номенклатура терминов,

удовлетворяющих современному уровню понимания поликодового текста [Новоспасская, Дугалич 2022: 307].

Мультимодальная семиотика. Модус. Очевидно, что традиционный линейный текст и мультимодальный медиатекст кардинально отличаются. Если в вербальном линейном тексте читателю задается вектор и последовательность восприятия информации, то в мультимодальном тексте читатель-зритель самостоятельно определяет путь считывания информации, выбирая между вербальными, графическими, аудио, видео и другими элементами в нелинейном дизайне мультимодального текста [Кресс 2016].

Мультимодальный подход предполагает, что информация распространяется через все коммуникативные модусы (многочисленные семиотические системы), которые передают содержание

в неразрывном единстве. «Вклад каждого элемента в отдельности, каждого знака в каждом модуле обеспечивает лишь часть смысла целого, т. е. вклад каждого модуля в общий смысл лишь частичен, парциален» [Кресс 2016: 87].

Традиционно в поликодовом тексте выделяются *вербальный* и *невербальный* модули. Вопросы решающего значения вербальной и невербальной структуры в понимании и передаче смыслов в мультимодальном/поликодовом тексте порождают множество дискуссий, которые существуют в оппозиции «приоритет невербального – приоритет вербального». Необходимы дополнительные исследования.

Группа ученых New London Group выделяет *лингвистический, аудиальный, пространственный, жестовый* и *визуальный* модули как ресурсы, которые позволяют планировать значения [The New London Group 1996]. На основании комбинации модулей делаются попытки типологии мультимодальных текстов: *вербально-аудиальные, вербально-визуальные, вербально-аудио-визуальные, вербально-аудио-тактильные, вербально-аудио-визуально-обонятельные* и *вербально-аудио-визуально-обонятельно-тактильные* [Bul, Antonova 2024].

Мультимодальность/поликодовость текста не означает вторичности (неважности) вербального модуля, однако меняется его роль в кодировании и декодировании сообщения.

Мультиграмотность. Медиаграмотность. В западном дискурсе проблема мультимодальности активно исследуется в контексте новой грамотности – мультиграмотности. Мультиграмотность – сложный феномен, включающий традиционную (чтение и письмо), цифровую, визуальную, семиотическую и другие виды мультиграмотности [The New London Group 1996; Trimbur, Cope, Kalantzis 2007; Serafini 2012; Álvarez 2016 и др.].

Глобальный стандарт *цифровой грамотности* (2019) включает набор технических, когнитивных, метакогнитивных и социально-эмоциональных компетенций в восьми областях (цифровые идентичность, пользователь, оборудование, грамотность, коммуникация, эмоциональный интеллект, безопасность, защита), состоящих из 24 компетенций [Worlds first global standard for digital-literacy... 2019].

Визуальная грамотность включает визуальное восприятие (способность видеть и наблюдать визуальные элементы), визуальную интерпретацию (декодирование смысла визуального), визуальную коммуникацию (эффективные кодирование и передача информации при помощи визуальных средств) и визуальный анализ (критическая оценка и понимание визуальных сообще-

ний) [Metros 2008; Mitchell 2008; Чабан 2022; Интерпретация... 2024].

В российском научном дискурсе пристальным объектом исследования является медиаграмотность, которая связывается с понятиями *медиазнания, медиаобразование, медиакомпетентность, медиапотребление, медиапродукт, медиаконтент* и др. Однако до сих пор нет однозначного определения; существующие дефиниции не охватывают все аспекты медиаграмотности; отсутствует единство содержательной стороны вопроса; границы между медиакомпетентностью, медиаобразованием и медиаграмотностью размыты [Назметдинова, Куличев, Столярова 2024].

Одной из задач мультимодального/поликодового текста является не просто передача информации, а кодирование ее в возможно наглядном, простом, эмоциональном, эстетическом и других форматах. В результате мы имеем парадоксальную ситуацию: стремление к облегчению усвоения информации привело к необходимости формирования новой грамотности и нового читателя-зрителя, обладающего целым спектром новых знаний, умений и навыков, помимо традиционных чтения и письма.

Предлагаются различные модели мультиграмотного читателя-зрителя, мультимодального/поликодового текста.

Модель читателя-зрителя Р. Freebody и А. Luke включает функции: (1) дешифровщика семиотических кодов, (2) участника коммуникации с текстом, (3) пользователя текста, (4) аналитика/исследователя текста [Freebody, Luke 1990].

F. Serafini в модели читателя-зрителя выделяет функции: (1) навигатора в когнитивном и в виртуальном пространстве текста, (2) интерпретатора/переводчика смыслов текста, (3) дизайнера/проектировщика способа и траектории чтения, (4) дознавателя/аналитика смысла в социально опосредованном контексте [Serafini 2012].

Таким образом, чтение эволюционирует от простой модели декодирования печатных текстов до модели конструирования смысла и анализа мультимодального/поликодового текста.

Мультимодальный анализ. Развитие теории мультимодального/поликодового текста привело к пониманию того, что традиционный дискурсивный анализ, во главе которого стоит лингвистический модуль, не учитывает другие модули текста. Следовательно, общий смысл текста, распределенный между всеми модулями, остается вне поля зрения исследователя [McKay 2006: 599].

Наиболее естественным путем мультимодального анализа представляется программное

обеспечение, например MMA Video или ELAN. В настоящее время доступ к этим программным продуктам проблематичен.

Мультимодальный анализ видео (MMA Video) – интерактивный программный пакет для аннотирования и анализа видео, включающий в том числе образцы анализа и готовые шаблоны для изучения языковых, графических и аудиоресурсов в видео. Функция визуализации используется для изучения относительного времени в зависимости от комбинаций мультимодальных вариантов на основе аннотации и анализа видео.

ELAN (EUDICO Linguistic Annotator) – инструмент для аннотирования и использования мультимедийных записей, который позволяет создавать, редактировать, визуализировать и искать аннотации к видео- и аудиоданным. ELAN специально разработан для анализа языка жестов, но может быть использован всеми, кто работает с мультимедийными материалами.

Российская практика показывает, что ELAN «дает информацию, которая не может быть охвачена и обобщена в силу ее переизбыточности, отсутствия возможности учесть и охватить в анализе все представленные такими инструментами элементы, а главное – определенной “ненужности” этих данных для получения необходимых выводов» [Загидуллина 2023].

Обзор российских исследований мультимодального/поликодового текста позволяет установить общую логику протокола мультимодального анализа: (1) выделение элементов (базовых единиц, аспектов и т. п.); (2) фиксирование элементов и их аннотирование; (3) извлечение смыслов [Загидуллина 2023: 94].

В западных исследованиях протокол мультимодального анализа включает определение: (1) условий образования и функционирования текста; (2) семиотических единиц (заголовки, абзацы, шрифт, цвет, рисунки пробелы и др.); (3) модусов базовых единиц и их функций навигации на странице (структура навигации и доступа, визуальное единство, возможность комментариев, формат контента, читабельность, юзабилити и др.); (4) межсемиотических связей и отношений в формировании понятийных, межличностных и текстовых смыслов [Álvarez 2016].

Однако практика мультимодального анализа показывает следующее: (1) авторы избегают давать четкое определение метода; (2) метод применяется к неограниченно широкому кругу медиафеноменов; (3) протокол применения метода отсутствует либо применяется фрагментарно [Загидуллина 2023].

Мультимодальный анализ частотен в исследовании проблем мультиграмотности. Тенденция фрагментарности мультимодального анализа от-

мечается, например, в учебнике «Введение в мультимодальный анализ», в котором критически представлен лишь визуальный язык: цвет, типографика, обрамление, композиция, текстура, диаграммы и пр., от упаковки товаров и макетов веб-сайтов до рекламы фильмов и общественных пространств [Introduction... 2020].

Таким образом, процедура мультимодального анализа пока остается в поле субъективных интерпретаций исследователя, так как отсутствует утвержденный протокол и релевантное прикладное программное обеспечение.

В настоящее время научная проблема мультимодальности заключается не только в том, чтобы сформировать мультиграмотного читателя-зрителя, но и в том, чтобы воспитать мультиграмотного производителя мультимодального текста.

Цель статьи – анализ эффективности поликодового/мультимодального текста в цифровых бизнес-коммуникациях. Особое внимание уделяется роли вербального компонента в мультимодальном сообщении.

Новизна исследования заключается в использовании нового материала (бизнес-коммуникации), наукометрическом анализе и анализе эффективности мультимодального текста.

1. Материал исследования

Материал исследования – 221 поликодовый/мультимодальный текст, опубликованный пермскими барами (*Парадная, Совесть, Liberty, Настойчивость, Smoky Dog, Curtiss, Kavinsky, Sabotage, Намана, Gatsby's bar & grill, Дом Культуры, 13/69, Name, Второй этаж, Speak-Easy, Археология, Mai Tai*) в западной социальной сети¹ с 10.09.2024 по 10.10.2024.

2. Методы исследования

Метод сбора материала – сплошная выборка текстов из социальных бизнес-сетей, которые отбирались при помощи поисковой системы «Яндекс.Карты» с использованием фильтров *бар* и *высокий рейтинг*. Выбор в качестве материала исследования данных с сайтов баров обусловлен не только теоретической, но и практической значимостью исследования мультимодального/поликодового текста: успешность малого бизнеса в условиях высокой конкуренции во многом зависит от эффективности коммуникации предприятия со своими целевыми аудиториями.

Методы анализа материала – контент-анализ, количественный анализ, веб-аналитика. Веб-аналитика от Google Analytics используется для сбора и анализа данных по ER (англ. Engagement Rate) – коэффициенту вовлеченности, показывающему активность пользователей во взаимодей-

ствии с контентом (лайки, комментарии, репосты и пр.). Методами исследования явились элементы дискурсивного и мультимодального анализа компонентов текста: анализ формата, модуса, вида контента, медиатопики, эффективность (ER).

3. Результаты исследования

Формат и модус поликодового/мультимодального текста. В нашем материале выделено несколько форматов медиатекстов (таблица): (1) поликодовый текст – фото (визуальный модус);

«карусель» фото (визуальный, пространственный модус); фото с вербальными комментариями (вербальный, визуальный модусы); (2) поликодовый мультимодальный текст – видео; «карусель» фото, сопровождаемая музыкой (вербальный, аудиальный, пространственный, визуальный модусы).

Наиболее частотными форматами поликодового/мультимодального текста в социальных сетях являются вербальный текст (67,4 %), видео (46,6 %), фото (33,5 %), наименее частотным – формат «карусель» фото (19,9 %) (рис. 2).

Формат и модусы поликодового/мультимодального текста

The format and modes of polycode/multimodal text

Формат текста	Модусы коммуникации	Поликодовость/мультимодальность текста
Фото	визуальный	поликодовый
«Карусель» фото	пространственный / визуальный	поликодовый
Фото + вербальный текст	пространственный / вербальный / визуальный	мультимодальный поликодовый
«Карусель» фото + музыка	пространственный / визуальный / аудиальный	мультимодальный поликодовый
Видео	пространственный / визуальный / аудиальный / вербальный	мультимодальный поликодовый
Вербальный текст	вербальный	поликодовый

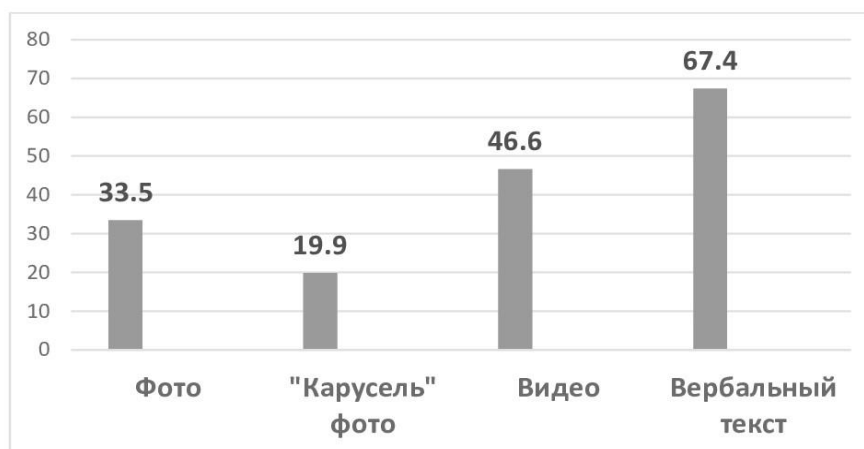

Рис. 2. Формат поликодового/мультимодального текста (%)

Fig. 2. Polycode/multimodal text format (%)

Видеоформат оказался в 85 % случаев эффективнее, чем фото, и в 56 % случаев эффективнее, чем «карусель». Наименьшую эффективность показал формат фото. В современной цифровой коммуникации фото уступает видео.

Продуктовые фото с блюдами и напитками, несмотря на профессиональное качество съемки, имеют наименьшие показатели эффективности. Так, ER у публикаций с коктейлями в профиле бара «Совесть» в два раза ниже средних показателей – 0,6 % при среднем ER 1,2 %; в профиле

бара Smoky Dog – вовлеченность 0,8 % на постах с блюдами при среднем ER 1,1 %.

Формат «карусель» фото часто используется с музыкой, что повышает охват за счет показа в разделе Reels (короткие вертикальные видео 15–90 с). В нашем материале этот формат показывает наибольшую активность по сравнению с форматом фото, но меньшую активность по сравнению с видео.

Формат вербального текста в поликодовом/мультимодальном тексте в социальных сетях

составляет 67,4 %, что является самым высоким показателем среди форматов. Однако среди модусов вербальный модус занимает лишь третью позицию после визуального и пространственного модусов.

Анализ актуальности модусов по отношению ко всем форматам исследуемых поликодовых/ мультимодальных текстов показал: визуальный модус составляет 83,3 %; пространственный – 66,7 %; вербальный – 50 %; аудиальный – 33,3 % (рис. 3).

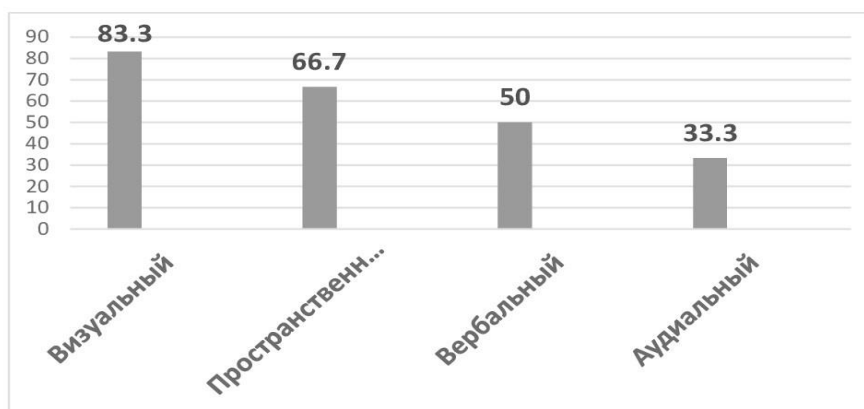

Рис. 3. Модусы поликодового/мультимодального текста (%)

Fig. 3. Modes of polycode/multimodal text (%)

Можно предположить, что несмотря на актуальность вербального модуса в поликодовом/мультимодальном тексте, его значимость в передаче смыслов текста несколько меньше, чем у визуального и пространственного модуса. Однако этот тезис требует дополнительного изучения. Исследования показывают, что интерпретация визуальных объектов мотивирована вербальным комментарием: он тематизирует и контекстуализирует визуальную рецепцию и интерпретацию исходного сообщения [Белоедова, Кожемякин, Тяжлов 2020: 445].

В ходе анализа было выявлено, что в 67,4 % случаев медиатекст содержит вербальный текст

(рис. 2). Отсутствие текста не влияет на эффективность сообщения при условии качественного видеоконтента. В формате фото наличие качественного вербального текста является решающим фактором успеха. Если фото сопровождается интересной для целевой аудитории информацией, то это положительно влияет на эффективность сообщения.

Однако при формальном отсутствии вербального текста он в том или ином виде присутствует во всех форматах исследуемых медиапродуктов (рис. 4, 5), доходя в целом по всему корпусу исследуемых текстов до 100 %.

Рис. 4. Вербальный текст в формате видео

Fig. 4. Verbal text in video format

Рис. 5. Вербальный текст в формате фото

Fig. 5. Verbal text in photo format

Вид контента. Типовыми видами контента в социальных сетях являются *информационный* (факты, цифры, данные о товаре, новинки отрасли, история компании, но без рекламы); *развлекательный* (не несет никакой смысловой нагрузки, но эффективен для привлечения внимания); *пользовательский* (создается клиентами компании: видео, отзывы, обзоры и пр.); *продающий* (скидки, акции, коммерческие предложения и пр.); *вирусный* (мем, пранк, видео с животными и пр.); *вовлекающий* (стимулирует аудиторию совершить действие: участвовать в конкурсе, выполнить задание, сделать репост, оставить

комментарий, участвовать во флешмобе, подписаться на рассылку или чат-бот контент и др.) контент [Лужнова, Курбанов 2023: 4].

Наиболее частотными видами контента в исследуемых текстах являются продающий (42,5 %) и информационный (39,8 %); наименее частотными – пользовательский, вирусный и вовлекающий (1,8 % и 0,5 % соответственно) (рис. 6). Наиболее эффективным оказывается развлекательный контент – 44 % (адаптированные тренды), в 37 % случаев – информационный (креативные анонсы мероприятий), в 18,5 % случаев – продающий.

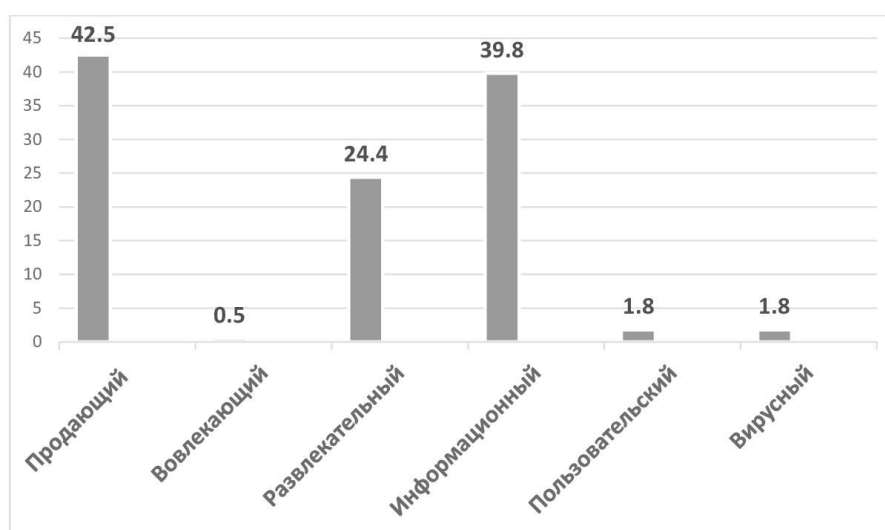

Рис. 6. Вид контента в поликодовом/мультимодальном тексте (%)

Fig. 6. Type of content in polycode/multimodal text (%)

Профили, в которых используется исключительно один вид или формат контента, показали наименьшую эффективность. Так, бар Curtiss использует только формат «каруселей» с продающим видом контента с ER 0,8 %. У бара Kavinsky, который всегда публикует в социальных сетях видеоформат с развлекательным контентом, ER составляет 0,6 %. Бары Gatsby's bar & grill и Name: публикуют только формат фото с информационным контентом, их ER составляют 0,7 % и 0,5 % соответственно.

Медиатопика. Медиатопика (устойчивые тематические структуры) является важным параметром типологического описания медиатекста, поскольку позволяет выделить его тематическую доминанту. Медиатопика естественным образом организует медиаконтент, который упорядочивает динамичную картину мира с помощью устойчивой системы медиатопиков [Добросклонская 2008: 43].

Медиареальность при целенаправленной организации медиатопиков в коммуникациях дает

возможность моделировать сознание и потребности целевой аудитории.

Наиболее частотными медиатопиками в анализируемых социальных сетях являются: *мероприятия* (42 %) – анонсы мероприятий, афиши, программа мероприятий, фото и видео по завершении мероприятия; *продукт* (25,8 %) – новинки в меню и коктейльной карте, вкусовые характе-

ристики, авторские рецепты и т. п.; *тренд* (14 %) – повтор вирусных видео, аудио, сюжетов роликов и т. п. Кроме того, представлены медиатопики *новость* (5,9 %), *атмосфера* (5,4 %), *коллаборация* (3,2 %), *мем* (1,8 %) и *акция* (1,4 %). Меньше всего репрезентированы медиатопики *гости*, *интерьер*, *мерч*, *вакансии*, *подборки*, *отзывы*, *реклама* (менее 1 %) (рис. 7).

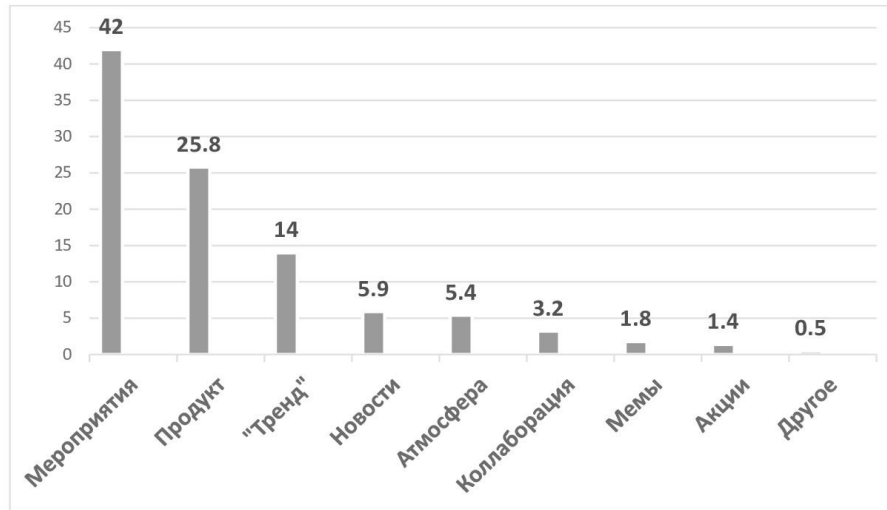

Рис. 7. Медиатопика поликодового/мультимодального текста (%)

Fig. 7. Mediatopics of polycode/multimodal text (%)

Контент-анализ показал, что конкретные медиатопики в соцсетях могут быть эффективными, однако могут иметь и низкие показатели эффективности. Следовательно, при создании контента важно учитывать комплекс критериев: формат, вид и качество контента, а медиа-

топика зависит от поведенческих характеристик конкретной целевой аудитории. Так, самая популярная тематика в социальных сетях пермских баров – *мероприятие* – вызывает наибольшую вовлеченность аудитории при использовании видеоформата (рис. 8).

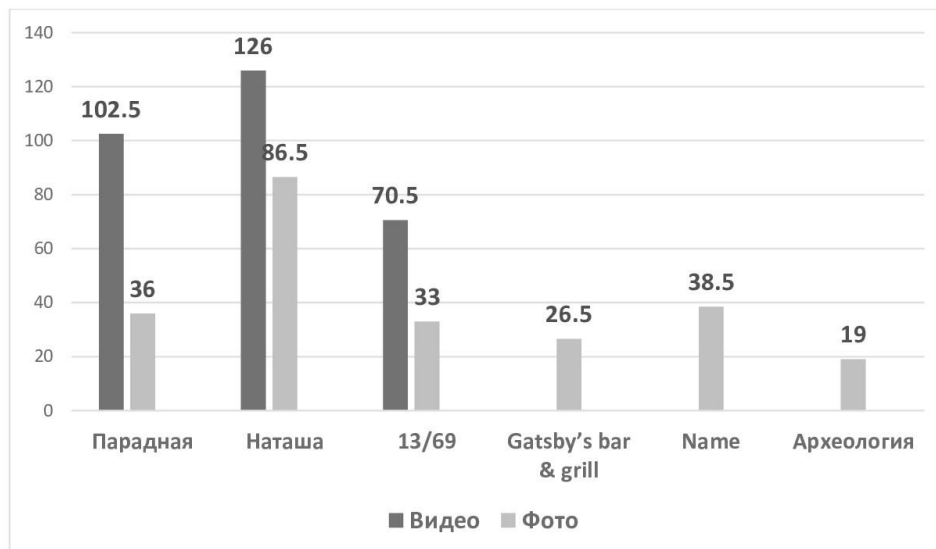

Рис. 8. Формат медиатопики *мероприятие* и вовлеченность аудитории (среднее количество лайков)

Fig. 8. The format of the event media topic and audience engagement (average number of likes)

Среднее количество лайков у видеоформата с топикой *мероприятие* (99,7 %) в 2,5 раза больше, чем у фото (39,9 %).

Статичные медиатопики *фотоафиша мероприятий* (ER = 0,5...0,8 %) и *продукт* (ER = 0,6...0,8 %) показали наименьшую эффективность, несмотря на профессиональный дизайн. Так, в ленте баров лайков у фото продукта: «Настойчивость» – от 2 до 10; Speak Easy – от 38 до 39; «Совесть» – от 31 до 37; «Археология» – от 11 до 23.

Медиатопика *коллаборации* в 83 % случаев собирает наибольшие показатели ER: бар «Парадная» – 21 900 просмотров, 371 лайк; бар Smoky Dog – 24 900 просмотров, 267 лайков; бар «Дом культуры» – просмотров от 8900 до 9790, лайков от 131 до 153. Увеличенная активность в конкретной социальной сети положительно влияет на алгоритмы исследуемой соцсети и продвигает контент в рекомендации. Среднее количество лайков у видеоформата с топикой *коллаборации* (230,5) в 2,3 раза больше, чем у видеоформата с топикой *мероприятие* (99,7).

Использование медиатопики *тренд* является эффективным при соблюдении нескольких критериев: они должны чередоваться с другими темами и видами контента, а также быть адаптированы под конкретную нишу. Полное копирование тренда недопустимо. Так, в ленте бара Kavinsky основная медиатопика – *тренд*, которая набирает от 575 до 1080 просмотров с количеством лайков от 7 до 37 (ER = 0,6 %).

4. Обсуждение

Предпринятое исследование показывает особую роль вербального модуля в поликодовом/мультиmodalном тексте: 67,4 % текстов содержат вербальный текст; процент мультиmodalных текстов (видео, «карусель» фото + музыка), включающих вербальные элементы, составляет около 100 %.

В исследованиях мультиmodalности как самостоятельный выделяется лингвистический модуль [The New London Group 1996; Bul, Antonova 2024], хотя он может быть включен в визуальный или аудиальный модуль. Вероятно, следует говорить об особых функциях вербального кода в мультиmodalном/поликодовом тексте.

Отсутствие собственно вербального текста не влияет на эффективность сообщения в том случае, если имеется качественный видеоконтент, который, в свою очередь, содержит элементы вербального текста. Формат фото показывает низкий ER (0,6–0,8 %). Эффективность формата фото повышается при условии качественного вербального текста.

Таким образом, вербальный модуль по-прежнему остается *modus operandi* коммуникации в поликодовом/мультиmodalном тексте. Дискуссия о значимости вербальных/невербальных кодов как основных носителей смысла в коммуникации, на наш взгляд, далека от завершения.

Формат «карусель» фото позволяет включать в сообщение до 20 фото/видео и считается вторым по эффективности типом контента после формата Reels. Однако наш материал показывает, что «карусели» фото без дополнительного модуля (например, аудиального) демонстрируют низкий ER.

Снижение ER в формате фото без вербального текста и «карусели» фото без музыки может быть обусловлено несколькими причинами. С одной стороны, дополнительные модули являются навигатором движения в когнитивном и в виртуальном пространстве поликодового/мультиmodalного текста, следовательно, их отсутствие затрудняет навигацию читателя-зрителя. С другой стороны, это может быть обусловлено низкой мультиграмотностью читателя-зрителя, который пока не владеет визуальной и семиотической грамотностью, включающей восприятие, интерпретацию, коммуникацию и анализ визуальных и семиотических единиц поликодового/мультиmodalного текста.

При этом видеоформат в 85 % случаев эффективнее, чем фото, и в 56 % случаев эффективнее, чем «карусель». В то же время профили, в которых используется исключительно один вид контента или формат (только фото, «карусель» фото или видео) текста, показали наименьшую эффективность (ER = 0,5...0,8 %).

Можно считать, что читатель-зритель находится на начальном этапе эволюции чтения от простой модели декодирования вербальных текстов до сложной модели конструирования и анализа смысла, проектирования способа и траектории чтения мультиmodalного/поликодового текста. «Чтение переосмысливается как социальная практика, которая включает в себя конструирование смысла в социально опосредованном контексте, властные отношения, присущие любой конкретной ситуации, а также идентичность читателей и доступные им способы социального участия» [Serafini 2012: 159].

Так, анализ использования хештега #PrayForParis в медиаматериалах (видео, фото, аудио и другие гипертекстовые элементы) показывает, что французский социум стремится к разделению на проарабски настроенных граждан и их оппонентов, как это случилось в период террористических атак в Париже в 2015 г., а также отражает сохранившуюся память французов об этих событиях девятилетней давности [Алексеев 2025: 11].

Наши исследования подтверждают также теорию о «баннерной слепоте» (англ. banner blindness), при которой баннерная реклама игнорируется пользователями даже тогда, когда содержит необходимую им информацию. Пользователи научились игнорировать контент, который похож на рекламу, близок к рекламе или появляется в местах, традиционно предназначенных для рекламы. Чтобы рекламу можно было проигнорировать, она не обязательно должна появляться в верхней части страницы или на правой боковой панели. Сегодня реклама может появляться в любом месте веб-страницы, и пользователи знают об этом. Поэтому они стараются не тратить время на рекламу, даже если она появляется в разделах с контентом [Pernice 2018]. Согласно нашему исследованию, формат фото продукта с ценой и призывом к покупке оказывается неэффективным, так как набирает в среднем в 1,5–2 раза меньше реакций аудитории.

5. Выводы

В результате исследования в нашем материале выделены две группы медиатекстов: поликодовый текст (фото, «карусель» фото, фото с вербальными комментариями) и поликодовый мультимодальный текст (видео; «карусель» фото, сопровождаемое музыкой). Эффективность контента (ER) компонентов поликодового/мультимодального текста устанавливалась на основе следующих семиотических единиц: формат контента, модус, вид контента, медиатопика.

Доминирующими форматами поликодового/мультимодального текста являются вербальный текст (67,4 %), видео (46,6 %), фото (33,5 %); наиболее эффективный – видеоформат. Визуальный модус составляет 83,3 % всех форматов поликодового/мультимодального текста; пространственный модус – 66,7 %; вербальный – 50 %; аудиальный – 33,3 %. Полученные данные снова возвращают к дискуссии о значимости вербальных и невербальных кодов в передаче информации.

Доминирующими видами контента являются продающий (42,5 %) и информационный (39,8 %); наиболее эффективными – развлекательный (44 %) и информационный (37 %). Наиболее частотные медиатопики – *мероприятия* (42 %) и *продукт* (25,8 %); наиболее эффективные – *мероприятия* и *коллаборация*. При этом низкочастотная медиатопика *коллаборация* (3,2 %) в 83 % случаев собирает наибольшие показатели ER.

Следовательно, эффективность поликодового/мультимодального текста связана не только с разнообразием форматов, видов контента и медиатопики, но и с условиями взаимодействия читателя-зрителя с текстом. Необходимо установление корреляции и закономерностей навигации в виртуаль-

ном пространстве текста, генерирования и конструирования смыслов текста в социокультурном контексте, проектирования способа и траектории чтения.

Для выявления этих закономерностей необходимы разработка протокола мультимодального анализа и соответствующее прикладное программное обеспечение, что и составляет перспективы исследования цифровой мультимодальности. Однако полученные данные имеют прикладное значение для выстраивания эффективных коммуникаций в социальных сетях бизнес-сообществ.

Примечание

¹ В марте 2022 г. Роскомнадзор заблокировал Instagram¹ и Facebook² (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещённой на территории РФ) на территории России. Однако это не ограничивает использование продуктов компании Meta физическими и юридическими лицами, не принимающими участие в запрещённой законом деятельности. Многие предприятия малого бизнеса продолжают коммуникацию в данных соцсетях.

Список литературы

Алексеев А. В. Инструментарий исследования протестных социально-политических кампаний (на примере движения Pray For Paris) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 1. С. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-5-13.

Белоедова А. В. Кожемякин Е. А., Тяжлов Я. И. Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход // Медиалингвистика. 2020. №7 (4). С. 445–461. doi 10.21638/spbu22.2020.406.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта: Наука, 2008. 263 с.

Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1974. Ч. 1. С. 103–109.

Загидуллина М. В. Современное состояние мультимодального анализа: к вопросу о перспективах метода // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2023. Т. 9, № 1. С. 84–99. doi 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-7.

¹ Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

² Продукт компании Meta (признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ решением Тверского районного суда г. Москвы от 21.03.2022 по делу N 02-2473/2022 – М-1527/2022).

Интерпретация визуальной грамотности: Полное руководство по навыкам, 2024. URL: <https://rolecatcher.com/ru/skills/hard-skills/information-skills/conducting-studies-investigations-and-examinations/interpret-visual-literacy/> (дата обращения: 25.05.2025).

Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Политическая наука. 2016. № 3. С. 77–100.

Лужнова Н. В., Курбанов Ш. М. Типы контента и принципы создания контент-плана для продвижения коммерческого аккаунта в социальных сетях // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. № 8(74). С. 104–109.

Назметдинова И. С., Куличев К. М., Столярова С. С. Понятия «медиаграмотность» и «медиаобразование» в отечественной и зарубежной науке // Проблемы современного педагогического образования: сб. науч. тр. Ялта: РИО ГПА, 2024. Вып. 85, ч. 3. С. 236–239.

Новоспасская Н. В., Дугалич Н. М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20, № 3. С. 298–311. doi 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311.

Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высш. шк., 1990. С. 180–186.

Чабан М. А. Теоретическое обоснование термина «визуальная грамотность» в условиях цифровизации общества // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 218–222. doi 10.18500/1819-7671-2022-22-2-218-222.

Álvarez J. Meaning Making and Communication in the Multi-modal Age: Ideas for Language Teachers // Colomb. Appl. Linguist. J. 2016. № 18(1). P. 98–115. doi 10.14483/calj.v18n1.8403.

Bazalgette C., Buckingham D. Literacy, media and multimodality: a critical response // Literacy. 2013. Vol. 47. № 2. P. 95–102.

Bul I. V., Antonova K. N. On the issue of classification of multimodal texts of a new order // Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Диалог поколений: Изучаем. Обучаем. Учимся» (23–24 апреля 2024 г.): в 2 ч. / под общ. ред. В. В. Кирилловой. СПб.: ВШТЭ СПбГУПТД, 2024. Ч. 2. С. 59–62.

Freebody P., Luke A. Literacies programs: Debates and demands in cultural context // Prospect: Australian Journal of TESOL, 1990. № 5(7). P. 7–16.

Introduction to Multimodal Analysis. Second Edition by Per Ledin and David Machin. Bloomsbury Academic, 2020. 256 p.

Kress G. Multimodal discourse analysis // The Routledge Handbook of Discourse Analysis Routledge. 2012. P. 35–50. doi 10.4324/9780203809068.

Machin D. Introduction to Multimodal Analysis. London: Bloomsbury Academic, 2007. 224 p.

McKay S. Media and language: Overview // Encyclopedia of language and linguistics / ed. by Yu. I. Alexandrov et al. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006. Vol. 8. P. 597–602.

Metros S. E. The educator's role in preparing visually literate learners // Theory into Practice. 2008. Vol. 47. P. 102–109.

Mitchell W. J. T. Visual literacy or literary visuality // Visual literacy / ed. by J. Elkins. New York: Routledge, 2008. Vol. 39. № 1. P. 11–14.

Pernice K. Banner Blindness Revisited: Users Dodge Ads on Mobile and Desktop. 2018. URL: <https://www.nngroup.com/articles/banner-blindness-old-and-new-findings/> (дата обращения: 25.05.2025).

Serafini F. Expanding the four resources model: reading visual and multi-modal texts // Pedagogies. An International Journal. 2012. Vol. 7. № 2. P. 150–164. doi 10.1080/1554480X.2012.656347

The New London Group. A Pedagogy of Multiliteracies: Designing Social Futures // Harvard Educational Review. 1996. Vol. 66. № 1. P. 60–92.

Trimbur J. Multiliteracies: Literacy Learning and the Design of Social Futures: Review // College Composition and Communication. 2001. Vol. 52. № 4. P. 659–662. doi 10.2307/358703.

World's first global standard for digital-literacy and skills launched by the coalition for digital intelligence. 2019 // DQ Institute. URL: <https://www.dqinstitute.org/news-post/worlds-first-global-standard-for-digital-literacy-and-skills-launched-by-the-coalition-for-digital-intelligence/> (дата обращения: 25.05.2025).

References

Alekseev A. V. Instrumentariy issledovaniya protestnykh sotsial'no-politicheskikh kampaniy (na primere dvizheniya Pray for Paris) [Tools for studying protest socio-political campaigns (a case study of the Pray for Paris Movement)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 1, pp. 5–13. doi 10.17072/2073-6681-2025-1-5-13. (In Russ.)

Belodova A. V., Kozhemyakin E. A., Tyazhlov Y. I. Vliyanie verbal'nogo kommentariya na interpretatsiyu vizual'nogo mediasoobshcheniya: multimedial'nyy podkhod [Impact of verbal comment on interpretation of visual message: Multimodal approach]. *Media Linguistics*, 2020, vol. 7 (4), pp. 445–461. doi 10.21638/spbu22.2020.406. (In Russ.)

- Dobrosklonskaia T. G. *Medialingvistika: sistemnyy podkhod k izucheniyu yazyka SMI* [Medialinguistics: A Systemic Approach to the Study of the Language of the Media.]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2008. 263 p. (In Russ.)
- Yeiger G. V., Yukht V. L. K postroeniyu tipologii tekstov [On the construction of a typology of texts]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf. pri MGPIIYa im. M. Toreza* [Text Linguistics: Proceedings of the Scientific Conference at the Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute of Foreign Languages]. Moscow, 1974, pt. 1, pp. 103-109. (In Russ.)
- Zagidullina M. V. Sovremennoe sostoyanie mul'timodal'nogo analiza: k voprosu o perspektivakh metoda [The current state of multimodal analysis: on the question of the prospects of the method]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], 2023, vol. 9, issue 1, pp. 84-99. doi 10.18413/2408-932X-2023-9-1-0-7. (In Russ.)
- Interpretatsiya vizual'noy gramotnosti: Polnoe rukovodstvo po navykam* [Interpreting visual literacy: A complete guide to skills], 2024. Available at: <https://rolecatcher.com/ru/skills/hard-skills/information-skills/conducting-studies-investigations-and-examinations/interpret-visual-literacy/> (accessed 25 May 2025). (In Russ.)
- Kress G. Sotsial'naya semiotika i vyzovy mul'timodal'nosti [Social semiotic and the challenge of multimodality]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 2016, issue 3, pp. 77-100. (In Russ.)
- Luzhnova N. V., Kurbanov S. M. Tipy kontenta i printsipy sozdaniya kontent-plana dlya prodvizheniya kommercheskogo akkaunta v sotsial'nykh setyakh [Types of content and principles of creating a content plan for promoting a commercial account on social media]. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative Economy: Prospects for the Development and Improvement], 2023, vol. 8 (74), pp. 104-109. (In Russ.)
- Nazmetdinova I. S., Kulichev K. M., Stolyarova S. S. Ponyatiya 'mediagramotnost' i 'media-obrazovanie' v otechestvennoy i zarubezhnoy nauke [The concepts of 'media literacy' and 'media education' in domestic and foreign science]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya: sbornik nauchnykh trudov* [Issues of Modern Pedagogical Education: Collection of Scientific Works]. Yalta, RIO GPA Publ., 2024, issue 85, pt. 3, pp. 236-239. (In Russ.)
- Novospasskaya N. V., Dugalich N. M. Terminosistema teorii polikodovykh tekstov [Terminological system of the polycode text theory]. *Rusistika* [Russian Language Studies], 2022, vol. 20, issue 3, pp. 298-311. doi 10.22363/2618-8163-2022-20-3-298-311. (In Russ.)
- Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. Kreolizovannyye teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizatsiya rechevogo vozdeystviya* [The Optimization of Speech Impact]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, pp. 180-186. (In Russ.)
- Chaban M. A. Teoreticheskoe obosnovanie termina 'vizual'naya gramotnost' v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva [Theoretical substantiation of the term 'visual literacy' in the context of the digitalization of society]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 2022, vol. 22, issue 2, pp. 218-222. doi 10.18500/1819-7671-2022-22-2-218-222. (In Russ.)
- Álvarez J. Meaning making and communication in the multi-modal age: Ideas for language teachers. *Colombian Applied Linguistics Journal*, 2016, issue 18 (1), pp. 98-115. doi 10.14483/calj.v18n1.8403. (In Eng.)
- Bazalgette C., Buckingham D. Literacy, media and multimodality: A critical response. *Literacy*, 2013, vol. 47, issue 2, pp. 95-102. (In Eng.)
- Bul I. V., Antonova K. N. On the issue of classification of multimodal texts of a new order. *Materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem 'Dialog pokoleniy: Izuchaem. Obuchaem. Uchimsya' (23-24 aprelya 2024 g.)* [Proceedings of the V All-Russian Research and Practice Conference with International Participation 'Dialogue of Generations: Learn. Teach. Study' (April 20-21, 2024)]: in 2 pts. Ed. by V. V. Kirillova. St. Petersburg, HSTE SPbSUITD Press, 2024, pt. 2, pp. 59-62. (In Eng.)
- Freebody P., Luke A. Literacies programs: Debates and demands in cultural context. *Prospect: Australian Journal of TESOL*, 1990, issue 5 (7), pp. 7-16. (In Eng.)
- Introduction to Multimodal Analysis*. 2nd ed. by Per Ledin and David Machin. Bloomsbury Academic, 2020. 256 p. (In Eng.)
- Kress G. Multimodal discourse analysis. *The Routledge Handbook of Discourse Analysis* Routledge, 2011, pp. 35-50. doi 10.4324/9780203809068 (accessed 25 May 2025). (In Eng.)
- Machin D. *Introduction to Multimodal Analysis*. London, Bloomsbury Academic, 2007. 224 p. (In Eng.)
- McKay S. Media and language: Overview. *Encyclopedia of Language and Linguistics*. Ed. by Yu. I. Alexandrov et al. 2nd ed. Oxford, Elsevier, 2006, vol. 8, pp. 597-602. (In Eng.)

Metros S. E. The educator's role in preparing visually literate learners. *Theory into Practice*, 2008, vol. 47, pp. 102-109. (In Eng.)

Mitchell W. J. T. Visual literacy or literary visualcy. Ed. by J. Elkins. *Visual Literacy*. New York, Routledge, 2008, vol. 39, issue 1, pp. 11-14. (In Eng.)

Pernice K. Banner blindness revisited: Users dodge ads on mobile and desktop, 2018. Available at: <https://www.nngroup.com/articles/banner-blindness-old-and-new-findings/> (accessed 25 May 2025). (In Eng.)

Serafini F. Expanding the four resources model: reading visual and multi-modal texts. *Pedagogies. An International Journal*, 2012, vol. 7, issue 2, pp. 150-164. doi 10.1080/1554480X.2012.656347. (In Eng.)

The New London Group. A pedagogy of multiliteracies: Designing social futures. *Harvard Educational Review*, 1996, vol. 66, issue 1, pp. 60-92. (In Eng.)

Trimbur J. Multiliteracies: Literacy Learning and the Design of Social Futures. *College Composition and Communication*, 2001, vol. 52, no 4, pp. 659-662. doi 10.2307/358703. (In Eng.)

World's first global standard for digital-literacy and skills launched by the coalition for digital intelligence, 2019. *DQ Institute*. Available at: <https://www.dqinstitute.org/news-post/worlds-first-global-standard-for-digital-literacy-and-skills-launched-by-the-coalition-for-digital-intelligence/> (accessed 25 May 2025). (In Eng.)

Multimodal/Polycode Text as an Effectiveness Factor for Information Delivery on Social Media

Svetlana S. Shlyakhova

Head of the Department of Foreign Languages and Public Relations

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russia. shlyakhova@mail.ru

SPIN-code: 9276-9307

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5636-4837>

ResearcherID: AAA-7598-2021

Scopus Author ID: 55934110900

Maria A. Melkonyan

Student at the Faculty of Humanities

Perm National Research Polytechnic University

29, Komsomolsky prospekt, Perm, 614990, Russia. melkonyanmari-19@mail.ru

Submitted 04 Jun 2025

Revised 17 Aug 2025

Accepted 22 Aug 2025

For citation

Shlyakhova S. S., Melkonyan M. A. Mul'timodal'nyy/polikodovyy tekst kak faktor effektivnosti soobshcheniya v sotsial'nykh setyakh [Multimodal/Polycode Text as an Effectiveness Factor for Information Delivery on Social Media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 66–79. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-66-79. EDN ORUVGQ (In Russ.)

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the effectiveness of polycode/multimodal texts in digital business communication. Particular attention is given to the role of the verbal component in multimodal messages. The study is novel in that it deals with new material (business communication), provides scientometric analysis, and evaluates the effectiveness (ER) of polycode/multimodal texts. The research material consists of 221 polycode/multimodal texts used in social media communications of small businesses. The methods utilized for material collection are continuous sampling and observation. The methods of analysis include scientometric analysis, content analysis, quantitative analysis, web analytics (ER, engagement rate), elements of discourse analysis and multimodal analysis. Scientometric analysis shows that Russian academic discourse mainly employs the terms *creolized* text and *polycode* text, which cannot be considered

synonymous with the term *multimodal*. The study confirms the effectiveness of polycode/multimodal texts in correlation with the content format, modes, content type, and media topics. It has been established that the effectiveness of polycode/multimodal text is related not only to the variety of formats, types of content, and media topics but also to the conditions of the reader-viewer interaction with the text. It is necessary to establish correlations and patterns in the navigation within the virtual space of a text, in the creation and construction of text meanings in a sociocultural context, and in the design of reading methods and trajectories. The data obtained brings us back to the discussion about the importance of verbal and non-verbal codes in the transmission of information.

Key words: multimodal text; polycode text; multi-literacy; multimodal analysis; ER (engagement rate); modus; media topics.

ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

УДК 821.161.1.09"18"
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-80-89
<https://elibrary.ru/frveet>

EDN FRVEET

Реальное и ирреальное в изображении дачи в прозе А. П. Чехова

Андреева Валерия Геннадьевна

д. филол. н., ведущий научный сотрудник

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а. lanfra87@mail.ru

ведущий научный сотрудник

Костромской государственной университет
156005, Россия, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

SPIN-код: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Статья поступила в редакцию 19.05.2025

Одобрена после рецензирования 22.06.2025

Принята к публикации 09.07.2025

Информация для цитирования

Андреева В. Г. Реальное и ирреальное в изображении дачи в прозе А. П. Чехова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 80–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-80-89. EDN FRVEET

Аннотация. Автор статьи обращается к анализу образа дачи в прозе А. П. Чехова и представляет разницу в изображении дачного топоса в рассказах писателя, отмечает главные функции образа дачи в организации произведений, их хронотопов. Материалом исследования стали рассказы «Зеленая Коса (Маленький роман)» (1882) и «Новая дача» (1899), иллюстрирующие два разных восприятия дачи, два взгляда на дачу. Автор статьи обращается также к образу усадьбы в рассказах «Верочка» (1887) и «Именины» (1888), подчеркивая, что для полного понимания роли реального и нереального в противопоставлении разных видов дачной жизни Чехов использовал и свой усадебный опыт. Методология работы основывается на сравнительно-сопоставительном методе, биографическом методе, методе герменевтического и целостного анализа. В статье доказывается, что топосы имения и дачи у Чехова в произведениях конца 1880–1890-х гг. периодически сближаются. В его рассказах и повестях конца XIX в. представлен мотив оскудения, разрушения усадебной жизни, выцветания и измельчания дачного существования. Но писатель демонстрирует, что содержание усадебной и дачной жизни могло бы быть иным, гораздо более ярким и деятельным. Чехов продолжал надеяться на возрождение настоящей усадебной и дачной жизни в будущем, в связи с этим ему необходимо было сохранить и транслировать лучшие образцы. Поэтому в творчестве Чехова *реальное* в изображении усадеб и дач соседствует с *ирреальным* и противопоставляется ему. В статье рассмотрены две ситуации: когда образы дач и усадеб не просто упоминаются в произведениях как места действия, а выполняют одну из основных функций в изображении бытия героев, наглядно определяют их жизнь, при этом непосредственно являясь объектом рассмотрения, и когда они встроены в повествование о судьбах персона-

жей, их удачах и несчастиях. В последнем случае анализ поведенческих характеристик героев и осмысление случившегося с ними будет неполным без оценки роли дачи или усадьбы в их жизни. В итоге размышлений автор статьи приходит к выводу, что в контексте творчества Чехова «Зеленая Коса» и «Новая дача» составляют условную парную антитезу, иллюстрирующую, что писатель постепенно всё более разочаровывался в возможности скорого изменения дачной жизни.

Ключевые слова: А. П. Чехов; дача; усадьба; дачный топос; усадебный топос; реальное; ирреальное; хронотоп; оскудение центра; сознание героя.

В творчестве А. П. Чехова, которое относится к последней четверти XIX – началу XX в., очень хорошо освещены многие экономические и общественные процессы, характерные для России указанного периода. И нередко для того, чтобы целостно осмыслить произведения писателя, понять основы поведенческих характеристик и поступков его героев, необходимо учитывать место действия рассказов и повестей, атмосферу, в которой оказываются персонажи, ее влияние на них, близость окружающей обстановки к действительности или, наоборот, относительную ее условность.

В статье мы обратимся к образу дачи в прозе А. П. Чехова и представим разницу в изображении дачного топоса, отметим главные функции образа дачи, ключевую ее роль в организации рассказов, их хронотопов. Материалом исследования в статье послужили в основном два произведения А. П. Чехова: «Зеленая Коса (Маленький роман)» (1882) и «Новая дача» (1899), написанные с достаточно большим интервалом во времени (17 лет) и иллюстрирующие два разных восприятия дачи, две полюсных точки зрения на дачную жизнь. Кроме того, в работе, помимо образа дачи, мы обращаемся и к образу усадьбы в некоторых других произведениях А. П. Чехова («Верочка» (1887); «Именины» (1888)) в связи с тем, что для полного понимания роли реального и нереального в противопоставлении дачной жизни Чехов много привлекал и свой собственный усадебный опыт. Для иллюстрации нравственного оскудения хозяев усадеб, несостоятельности перенесения усадебных идеалов в дачную жизнь Чехов активно использовал в своих рассказах и повестях категории реального и ирреального. В задачи статьи входит осмысление специфики использования данных категорий, позволивших Чехову в изображении хронотопов усадьбы и дачи показать завершение значительного периода русской жизни с ее уходящими формами.

Методология исследования основывается на сравнительно-сопоставительном методе (имеется в виду сравнение и сопоставление хронотопов рассказов), биографическом методе (в работе используются факты из биографии писателя, дается указание на много объясняющую жизненную основу рассматриваемых рассказов Чехова),

методе герменевтического и целостного анализа (применяются для глубинного осмысления категорий «реальное» и «ирреальное» в ходе изучения образа дачи).

В конце XIX в. усадьба начинает приобретать несколько иное значение, сближаясь в своих функциях с дачей. Помимо потомственных и родовых усадеб разного типа у Чехова нередко идет речь о мелкопоместных или небольших усадьбах, которые используются старыми или новыми хозяевами только в летний период или вообще сдаются ими наподобие дач. М. В. Скороходов очень точно отмечает, что «в конце XIX – начале XX в. наблюдается такое явление, как совмещение на одной территории традиционной русской усадьбы и дачи. Это происходит по следующей причине: владельцы усадеб сдают часть своих помещений (например, флигели или отдельные этажи, комнаты главного дома) дачникам. В результате появляется не встречавшийся ранее феномен – пересечение в рамках одного пространства двух вариантов летнего времяпрепровождения» [Скороходов 2020: 47].

Наши рассуждения об образе дачи у Чехова необходимо начать с некоторых уточнений об отношении самого писателя к усадьбе и даче, об их своеобразном и отчасти вынужденном сближении Чеховым, связанном с обстоятельствами жизни писателя и историческими условиями.

С. Ловелл отмечает, что Чехов, во многом как представитель новой интеллигенции, разделял предпочтение усадьбы перед дачей, характерное для многих образованных людей того времени [Lovell 2002: 71]. Дело в том, что усадьба воспринималась как дом и земля (участок), требующие от владельцев постоянного присмотра, ухода. Даже если речь шла о съеме усадьбы (как правило, долгосрочном) или приобретении ее, подразумевались соответствующие усилия владельцев или жильцов в уходе за имуществом, садом, прилегающими территориями. А дача понималась как временное пристанище, место проведения летнего отдыха, организации досуга во время выездов из города (на лето или на выходные). «Для людей из окружения Чехова дача определялась не столько размером или конструкцией дома, или планировкой его территории, сколько тем, как она использовалась его жильцами», – продолжает С. Ловелл. Исследова-

тель подчеркивает, что усадьба самого Чехова, превращенная предыдущим владельцем фактически в дачу, была возвращена писателем и его близкими в статус усадьбы, однако продолжала соотноситься с дачей и самим Чеховым, и его современниками: «Например, усадьба Мелихово стала более “дачной” после периода проживания ее предыдущего владельца, театрального художника Н. П. Сорохтина, который установил излишне затейливое резное крыльцо и пренебрег землей. Семья Чеховых вернула Мелихово к его функции усадьбы, посадив деревья, проведя некосметический ремонт и очень серьезно отнесясь к своей роли как владельцев-управляющих (хозяев). Но даже в этом случае их образ жизни сохранял что-то от дачи, поскольку они принимали постоянный поток гостей из Москвы, и Мелихово стало центром неформального общения, которое уже тогда оказалось синонимом дачи» [ibid.: 72].

А. П. Кузичева убедительно показала, какие трудности пришлось пережить Чехову и его близким при восстановлении Мелихово и его поддержании в должном виде: «Даже без надежды на доход имение требовало внимания. Большие угодья вынуждали заниматься, как говорил Чехов, “покосами, попасами, прогонами и выгонами”, в которых он ничего не понимал» [Кузичева 2011: 185]. В пореформенных условиях (после отмены крепостного права) усадьбы и имения в течение почти двух десятилетий продолжали жить по-старому, помещики по-прежнему использовали труд крестьян, постепенно начиная привлекать вольнонаемный труд. В ситуации оскудения центра, в последние десятилетия XIX в., процесс дворянского обнищания достигает своего размаха, усадьбы (особенно мелкопоместные) продаются и перепродаются, их благоустройство становится непосредственной задачей конкретных хозяев, которые часто сталкивались с проблемой отсутствия рабочих рук, невозможности найти людей для проведения качественных восстановительных работ в доме и тем более грамотных земледельческих работ. А. П. Кузичева отметила, что приобретенное Мелихово доставило писателю много проблем: «Уже с первых дней в письмах прорывалось признание, что такое имение обременительно со всех точек зрения. Надо бы поменьше и где-нибудь в теплых краях, в гоголевских местах. Чехов не предполагал заниматься сенокосом, молотью, уборкой картофеля, озимыми. Он менял скорее место жительства, чем образ жизни. А получалось наоборот. И он почувствовал это сразу» [там же: 179].

Топосы имения и дачи у Чехова в произведениях конца 1880–1890-х гг. периодически

сближаются, особенно применительно к центральным губерниям России, поскольку речь идет уже, как правило, о небольших владениях. Примечательно, что в маленькой пародии 1880 г. «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.» Чехов отмечает в числе других предметов, явлений и героев «Подмосковную дачу и заложенное имение на юге» (Чехов 1974–1983, т. 1: 17). На самом деле, если в далеких губерниях еще сохранялись обустроенные и процветающие имения, то применительно к центру России речь шла уже о домах с участками на одну семью и т. п.

В рассказах и повестях Чехова конца XIX в. представлен мотив оскудения, разрушения усадебной жизни, выпадения и измельчания дачного существования. Но Чехов мастерски показывает, что содержание усадебной и дачной жизни могло бы быть иным, гораздо более ярким и деятельным (или было когда-то таким). Как справедливо отметила П. Рузвельт, «начиная с Пушкина, мотовство дворян и дурное управление имением становятся литературными стереотипами, которые подготавливают канву для изображения упадка и гибели дворянской усадебной культуры у Антона Чехова» [Рузвельт 2008: 342]. Чехов констатирует проблемы действительной жизни, при этом предлагая читателю иные образы, представляя своеобразные полюса. В ситуации, когда «культурные функции “дворянского гнезда” все больше стала принимать на себя именно дача» [Щукин 2007: 370], Чехов показал, что процесс передачи этих культурных функций, к сожалению, не может происходить без потерь, прежде всего в силу общественных настроений и тенденций конца XIX – начала XX в. По всей видимости, писатель продолжал надеяться на возрождение настоящей усадебной и дачной жизни в будущем, в связи с этим ему необходимо было сохранить и транслировать лучшие образцы. Именно поэтому в творчестве Чехова *реальное* в изображении усадеб и дач соседствует с *ирреальным* и противопоставляется ему. Интересно также, что в некоторых рассказах Чехова в основании этих антитез реального и ирреального находятся личные впечатления, переживания или воспоминания автора.

Образы дач и усадеб в произведениях, во-первых, могут выполнять одну из основных функций в изображении бытия героев, *очень наглядно определять и формировать* их жизнь, при этом непосредственно являясь объектом рассмотрения, во-вторых, они могут быть «незаметно» встроены в повествование о судьбах персонажей, их удачах и несчастиях. В последнем случае анализ поведенческих характеристик героев и осмысление случившегося с ними будет неполным *без оценки роли дачи или усадьбы в их жизни*.

Приведем сначала примеры второй ситуации. Обратимся к рассказу Чехова «Верочка», который был опубликован в «Новом времени» 21 февраля 1887 г. Комментаторы рассказа в полном собрании сочинений писателя отмечают связь описанной истории с реальными событиями и людьми: «М. П. Чехов утверждал, что “описанный в “Верочке” сад при лунном свете с переползающими через него ключьями тумана – это сад в Бабкине”». «“Городок” – очевидно, Воскресенск, находившийся в пяти верстах от Бабкина. Детали одежды героя воскрешают в памяти облик Чехова той поры... Молодая компания в рассказе напоминает компанию, образовавшуюся вокруг П. А. Архангельского, заведовавшего Чикинской больницей» (Чехов 1974–1983, т. 6: 636–637). Рассказ Чехова на первых порах не был понят критикой, рецензенты сосредоточивали внимание на сюжете и героях, не оценивая место действия рассказа и степень реальности и условности представленного. Обсуждалось поведение главного героя, Ивана Алексеевича Огнева, его неумелое обращение с Верочкой, причины его сухости и бесчувственности. По нашему мнению, важно не то, были ли женщины до Верочки у Огнева (об этом рассуждали критики), – предельно значима обстановка, в которой оказывается герой, влияние ее на Верочку и Огнева. Перед нами даже не две, а три разных «среды», реальности, которые в совокупности образуют сложный хронотоп рассказа.

Первая реальность показана автором в начале и в финале рассказа, это скучная и серая действительность, с мелкими рабочими делами и заботами, в которой живет Огнев. С другой, поэтической и упоительной реальностью далекого и счастливого лета ее связывают вещи героя, которые он ранее носил и которые теперь валяются в пыли под кроватью, и, конечно, воспоминания. В рассказе именно память Огнева воскрешает лучшие мгновения. Т. Ю. Ильюхина отметила, что «свойства памяти, оформление ею границ настоящего и прошлого, способность человека удерживать реальность и забывать – и есть сюжет произведения» [Ильюхина 2019: 76]. Исследовательница подчеркивает, что «герой остро чувствует скорость превращения настоящего в прошлое», «ощущает саму границу перехода настоящего в прошлое» [там же: 78]. Однако у внимательного читателя рассказа возникает резонный вопрос: как тонко чувствующий время и всё происходящее герой мог так странно вести себя в отношении с Верой? Т. Ю. Ильюхина полагает, что в рассказе «простой выход за калитку сада у дома, в котором он бывал едва ли не каждый день пребывания в N-ском уезде», как раз ощущается героем как слом настоящего и прошлого [там

же: 78]. Отвечая на наш же вопрос, отметим, что *прошлое, воспоминание* об усадебной жизни для Огнева, в свою очередь, также делится на *реальное* и *ирреальное*. Реальное в воспоминаниях – это не один вечер, а всё-таки продолжительное и наполненное событиями лето, на протяжении которого главный герой бывал почти каждый день у Кузнецовых, «привык как к родным, к старику, к его дочери, к прислуге, изучил до тонкостей весь дом, уютную террасу, изгибы аллеи, силуэты деревьев над кухней и баней...» (Чехов 1974–1983, т. 6: 70). Ирреальное в воспоминаниях – это вечер в саду Кузнецовых и объяснение с Верой Гавриловной. Не случайно в рассказе речь идет сразу о нескольких дверях, отделяющих миры друг от друга: сначала о стеклянной двери, из которой Огнев выходит на террасу, а далее – о калитке из сада, выводящей героев на дорогу, идущую к лесу.

Усадебное прошлое, помощь добрых людей, их гостеприимство видятся интеллигентному Огневу редкостью, но всё же они вписываются в реальную жизнь. Парадокс этого героя в том, что он, гибкий и думающий, способен понять и себя самого, и женщину, но *не способен любить*. Можно предположить, что в вечер объяснения с Верой самой природой и жизнью для Огнева были созданы особые *нереальные условия, возможные только вдалеке от города, в усадьбе, должны повлиять на героя*: «...ключья тумана, похожие на привидения, тихо, но заметно для глаза, ходили друг за дружкой поперек аллеи. Луна стояла высоко над садом, а ниже ее куда-то на восток неслись прозрачные туманные пятна. Весь мир, казалось, состоял только из черных силуэтов и бродивших белых теней, а Огнев, наблюдавший туман в лунный августовский вечер чуть ли не первый раз в жизни, думал, что он видит не природу, а декорацию, где неумелые пиротехники, желая осветить сад белым бенгальским огнем, засели под кусты и вместе со светом напустили в воздух и белого дыма» (там же: 71). Такие условия даны Огневу, чтобы он смог подняться над самим собой, *выйти на новую ступень чувств и ощущения жизни*. Примечательно, что в первые моменты приезда в имение Огнев был ближе к прозрению: «Господи, – удивлялся тогда Огнев, – неужели тут всегда дышат таким воздухом, или это так пахнет только сегодня, ради моего приезда?» (там же: 74).

Д. Рейфилд отметил, что Чехов в «Верочке» устанавливает модель сада как неудавшегося доверия для неудавшихся любовников, модель, которая сохраняется в его творчестве на протяжении примерно пятнадцати лет [Rayfield 1989: 534]. По нашему мнению, также принципиально, что усадебный сад в рассказе предстает как ме-

сто воплощения загадочного, волшебного и *средство* для перехода героя, которого, к сожалению, не происходит. Можно сказать, что всё лето для Огнева было подготовкой к одному вечеру ключевой проверки.

В рассказе «Именины», опубликованном впервые в «Северном вестнике» за 1888 г. и далее неоднократно переделываемом Чеховым, для понимания героев и происходящего также важно учитывать сближение и расхождение реального и ирреального. Последнее, как и в рассказе «Вечерочка», представлено очень эпизодически и мимолетно, в рассказе оно так же, как и в жизни, неуловимо. В «Именинах» показана ситуация, в которой счастье убегает, мечты прогоняются реальностью с ее шумом и обыденностью. Чехов демонстрирует, что счастье на даче или в усадьбе оказывается несбыточным, если у обитателей ее нет настоящей мечты, связанной с преображением жизни, и пути к этой мечте. Т. М. До Егито, рассматривая хронотоп уездной усадьбы, передает важность мистического мира, возникающего при неудачных родах Ольги Михайловны, когда ребенок умирает: «Наступает кризисная точка, в которой созданный хронотоп “трещит по швам” и рушится. На его месте возникает иной, мистический. Открытие царских врат – это еще один райский образ – портала в Царствие Небесное, куда, очевидно, отправляется душа так и не рожденного, обреченного маленького человечка» [До Егито 2020: 33]. Автор статьи видит проблему в том, что герои рассказа, «будучи детьми прогресса и вкусив горькие плоды секуляризации, в день именин не способны почувствовать праздник, увидеть его небесную проекцию» [там же].

По нашему мнению, дело в рассказе Чехова не столько даже в религиозных мотивах, сколько в неспособности главной героини, которая планировала быть матерью, сосредоточиться на том настоящем и ирреальном (по сравнению с обыденной действительностью) переживании и ощущении, которое предлагала ей жизнь и которое Ольга Михайловна могла бы сохранить. В «Именинах» ирреальное (которое должно было стать реальностью при правильном поведении героев) приоткрывается читателю в самом начале рассказа. Примечательно, что и в этом произведении к «новому», более высокому уровню ощущения жизни героиня приближается в саду, в одиночестве бродя по аллеям и тропинкам: «Она привыкла к тому, что эти мысли приходили к ней, когда она с большой аллеи сворачивала влево на узкую тропинку; тут в густой тени слив и вишен сухие ветки царапали ей плечи и шею, паутина садилась на лицо, а в мыслях вырастал образ маленького человечка неопределенного пола, с не-

ясными чертами, и начинало казаться, что не паутина ласково щекочет лицо и шею, а этот человек...» (Чехов 1974–1983, т. 7: 167).

Как мы видим по двум упомянутым нами рассказам Чехова, реальное и ирреальное в усадебной жизни не случайно противопоставлялись писателем: Чехов был убежден, что для сохранения содержания жизни и его реализации в новых условиях нужны были *особенные усилия героев*, понимание не просто эволюции и динамики действительного, но осознание ими сложного духовного роста, который обуславливает ценность личности.

Теперь перейдем к образам дач, играющим в рассказах важную роль, определяющим и формирующим хронотоп. В отличие от усадебного топоса, в котором логично совмещались реальность и представления, желания, мечты, в рассказах, где основным местом действия является дача, реальное и ирреальное не сочетаются в одном произведении, а составляют основу каждого художественного мира: как мы уже отметили, причиной этому стали новые жизненные условия и понимание Чеховым образа новой дачи.

В свете рассматриваемой нами темы символично, что «Зеленая Коса» (1882) имеет подзаголовок «Маленький роман». Он был опубликован в «Литературном приложении к журналу “Москва”» в 1882 г. Вновь сделаем акцент на связи произведения с жизнью писателя. В комментариях к рассказу отмечено, что среди персонажей «Маленького романа» присутствуют реальные лица, что Чехов сохранил их подлинные имена. Художник Чехов – это Н. П. Чехов (1858–1889). Поручик-артиллерист Егоров – это Е. П. Егоров, который был близким приятелем братьев Чеховых. Студент-медик Коробов – это Н. И. Коробов (1860–1919) (Чехов 1974–1983, т. 1: 583). Более того, повествователь рассказа персонифицирован, сделан участником событий: можно подумать, что этот факт привносит элемент реального в произведение. Однако на деле получается совсем наоборот, уже первое предложение «маленького романа» переводит нас в план исключительно субъективного. По стилю оно больше напоминает воспоминания, строчку из мемуаров: «На берегу Черного моря, на местечке, которое в моем дневнике и в дневниках моих героев и героинь значится “Зеленой Косой”, стоит прелестная дача» (там же: 159). Интересно, что далее автор предлагает читателям две точки зрения на дачу – архитектора и поэта. Они могли бы быть реальностью и ирреальностью в рассказе, если бы первая позиция оказалась сразу отброшена. В «Зеленой Косе» изображается южная дача на окраинах Российской империи глазами поэта, видящего и ценящего прекрасное: «Эта

дача стоит на горе; вокруг дачи густой-прегустой сад с аллеями, фонтанчиками, оранжереями, а внизу, под горой – суровое голубое море... Воздух, сквозь который то и дело пробегает влажный кокетливый ветерок, всевозможные птичьи голоса, вечно ясное небо, прозрачная вода – чудное местечко!» (там же: 159). Автор дает читателю понять, что предлагаемое место, и, более того, описание летней жизни приезжающих гостей, – это *не типичное* для русской дачи конца XIX в. состояние. Типичное будет изображено в «Новой даче» (1899), а тут дана идиллия. «Рассказ повествующего “я” окрашен лирической теплотой, симпатией к героям, легкой ностальгией по идиллическому миру Зеленой косы, рассказчик здесь слит с изображаемым. Не только особенности дачной жизни – беззаботные приключения и увлечения, но и повествовательная манера придают этой истории особый идиллический колорит», – пишет И. В. Алехина [Алехина 2015: 104].

Несмотря на тот факт, что история с Олей и молодым князем Чайхидзевым в своей глупости и неоригинальности, с натянутостью и странностью поведения героев более похожа на анекдот, именно она, скорее всего, могла бы отчасти связать изображение жизни хозяев и гостей дачи с реальностью. На самом деле, в «Зеленой косе» мы как бы улавливаем условные сигналы нереального мира, всё несколько раз перевернуто, чтобы читатель не отличил – перед нами как будто многократное отражение: «...отставной поручик Егоров вертелся пред глазами, а Чайхидзе с каждым годом в ее глазах становился всё глупее и глупее...» (Чехов 1974–1983, т. 1: 164).

Небольшая, но оригинальная дача несколько раз сравнивается Чеховым со средневековым замком. Внутренние столкновения и сопоставления в этом произведении нельзя воспринимать всерьез, темные краски и события не могут коснуться «Зеленой Косы» уже потому, что с самого начала это радостный и упоительный рассказ о даче, ее обитателях и гостях. А. Н. Лапова подчеркивает принцип каламбурности, принцип неточности в описании дачи и героев, отмечая, что «поэтическое восприятие омрачается прозой жизни», обосновывая появление строгой и капризной хозяйки-княгини, как ее характеризует автор [Лапова 2011: 414]. Продолжая свою мысль, исследователь пишет: «Тем не менее, Зеленая коса для дачников представляется земным раем, главной особенностью которого является его музыкальность (плеск моря и шепот деревьев, сопрано Ольги, теноры и басы дачников и т. д.)» [там же]. На наш взгляд, в данном случае необходима поправка: «тем не менее» нужно заменить на «тем более», поняв, что образ княги-

ни-хозяйки – лишь элемент занимательного рассказа: строгость и капризы хозяйки не доставляли постояльцам неудобства, они стали свойством этой «нереальной» дачной жизни, которое придавало ей своеобразие.

Несмотря на тот факт, что сад теперь уже не был так необходим Чехову, как в тех рассказах, где автором сталкивалось реальное и ирреальное, писатель и тут отправляет влюбленных в беседку на природе. Локация была призвана усилить и подчеркнуть идиллию объяснения пьяного Егорова и взволнованной его «тяжелым», «предсмертным» состоянием Оли. А. Н. Лапова, с нашей точки зрения, верно объясняет появление садовых сцен реализацией древнего сюжета: «Сюжетная история строится на обыгрывании архетипического сюжета и оппозиции живое/мертвое. Розыгрыш Ольги превращается в настоящее театральное представление, в котором каждый играет свою роль. Рассказчик становится проводником, ведущим ее в глубину сада как будто в потусторонний мир, в мир мертвых...» [там же: 417].

Чехов намеренно играет с читателем, показывая, как Егоров боится, что Оля почувствует исходящий от него водочный запах, а княгиня в это время выходит из себя и нюхает спирт. В рассказе немало сказочного и идиллического, тон его сразу дает читателю понимание того, что в этом ирреальном или идиллическом мире не может случиться ничего плохого. К. С. Оверина пишет, что «все “страшные” происшествия не имеют для героев особенных последствий. Любая серьезная ситуация описывается повествователем так, что кажется нелепой и комичной. В этом мире не существует трагедий: герои и повествователь в своем восприятии действительности легко переключаются между жанровыми установками, обеспечивающими им гармоничное видение мира. <...> Ничто здесь не имеет решительных последствий, релевантных для героев (или, по крайней мере, для рассказчика), все несчастья могут быть обратимы, равновесие и гармония всегда восстанавливаются» [Оверина 2014: 141]. Примечательно, что Чехов закольцовывает «счастье» героев, которые отдыхают на прелестной даче каждое лето, причем если сам отпуск длится с мая по сентябрь, то в остальное время о нем вспоминают, а письма с напоминаниями о новом сезоне от княгини и Оли герои получают уже в марте.

Совершенно иное впечатление производит рассказ «Новая дача», который был опубликован в «Русских ведомостях» за 1899 г. В этом небольшом рассказе повторяются столкновения народа с инженером и его семьей, переселившись на вновь построенную усадьбу, которую

они называли Новая дача. В начале статьи мы отмечали сближение понятий «усадьба» и «дача» применительно к концу XIX в., в рассматриваемом рассказе Чехов намеренно подчеркивает их близость. Исследователи констатируют, что рассказ имеет и биографический подтекст. В комментариях к рассказу высказано предположение о том, что «одним из толчков к написанию рассказа послужило письмо к Чехову пианистки А. А. Похлебиной» о том, что она никак не может полюбить дикий и невежественный народ (Чехов 1974–1983, т. 10: 416). Все исследователи также сходятся во мнении, что в рассказе отражен опыт общения Чехова с мелиховскими мужиками. А. П. Кузичева отметила, что тяжелые впечатления мелиховской жизни не забывались Чеховым: «Мелиховская жизнь, кажется, не уходила из сознания. Когда-то увиденное “жалкой весной” 1895 года – дряхлая мать била палкой старого сына, залезшего в пруд, – всплыло в эпизоде из рассказа “Новая дача”: отец и сын, оба пьяные, с бессмысленными глазами, бьют друг друга палками» [Кузичева 2011: 351].

Чехов систематично и последовательно насыщает рассказ удручающими обывательскими подробностями, далекими от иллюзий, максимально приземленными и соотносимыми с русской действительностью конца XIX в. В произведении передана не просто ограниченность мужиков – показаны многие пороки, субъективный смысл, вкладываемый народом в причинение неудобств инженеру и его семье. Перед нами социально обусловленный тип агрессии. Зависть, неспособность понять светлые движения души инженера и его жены перетекают в открытую злость, ненависть и противостояние. Залогом непридуманности, реальности рассказа о Новой даче и интеллигентах, вынужденных сбегать от жизни с народом, являются несколько различных и явно увиденных Чеховым в жизни и воплощенных в рассказе типов народного извращенного сознания. О. А. Богданова отметила, что в основе рассказа лежит «глубинный конфликт семьи приезжего инженера с местными крестьянами» [Богданова 2019: 145]. На самом деле, *глубинный конфликт* вряд ли можно придумать полностью, истинно драматические конфликты всегда имеют под собой реальную основу. О. А. Богданова отмечает интересное наблюдение за домом инженера, который по мере движения рассказа превращается в крепость: «И хотя милой Елене Ивановне нравилось в Обручанове все: и река, и лес, и деревня, – она была вынуждена жить на своей даче как в осажденной крепости и в конце концов продать ее и уехать. Не случайно в рассказе нет ни одного упоминания о раскрытом в их доме окне» [там же]. Чехов пока-

зывает самого инженера и членов его семьи как людей деятельных и порядочных, настроенных на взаимодействие с народом. Ю. В. Доманский, рассуждая о номинациях «имение» и «усадьба» в пьесе Чехова «Вишневый сад», отмечает, что «почти во всех контекстах употребления слова “имение” в репликах в “Вишневом саде”, в тринадцати случаях из четырнадцати (исключение – реплика Лопухина, где тот излагает проект спасения имения через сдачу участков в аренду под дачи) речь идет о продаже и покупке имения, что реализуется даже на сугубо лексическом уровне через присутствие в ближайших контекстах слов “продавать”, “продано”, “купить”, “продается”, “продадут”, “купил”, “покупка”» [Доманский 2021: 50]. Обратим внимание на тот факт, что инженер *продает* Новую дачу вынужденно, что он приложил немало усилий для того, чтобы перенести усадебные традиции на дачу. Однако писатель демонстрирует, что огромный разрыв между разными классами, народная неграмотность, неспособность правительства вмешаться в общественно-экономические процессы рубежа веков привели к тому, что хозяевами дач становились не люди, для которых дача могла стать домом, местом семейной памяти, а преимущественно любители легкого отдыха на природе. Реальность в «Новой даче» не радует и демонстрирует общее нравственное оскудение.

Таким образом, в контексте творчества Чехова «Зеленую Косу» и «Новую дачу» можно противопоставить, увидеть в этих рассказах парную антитезу, иллюстрирующую, что писатель постепенно всё более разочаровывался в возможности скорого изменения дачной жизни – наполнения ее настоящими и светлыми красками, содержанием. В большинстве других рассказов Чехова, связанных с дачами («Дачница» (1884), «Дачники» (1885), «На Даче» (1886)), писатель сосредоточивает внимание на обитателях дач, их характерах, искренности, бытовых моментах, однако именно в «Зеленой косе» и «Новой даче» Чехов останавливается на проблемах усадебной и дачной форм уходящей и грядущей русской жизни. Категории *реальное* и *ирреальное* у Чехова позволяют сделать вывод о том, что при изображении усадеб в рассказах 1880-х гг. писатель еще надеялся на возможное грядущее возрождение усадебной культуры, пусть и в каких-то других формах. Показывая заблуждающихся и ошибающихся героев, Чехов совмещал в рассказах упущенные мечты, фантазии, задачи героев, возможные сценарии их жизни и реальное положение вещей, оказывающееся безрадостным, отмечая, что всё зависит от выбора героя и степени осознанности его поступков. Несмотря на тот факт, что дача стала наследницей усадебной

культуры, Чехов показал невозможность сохранения и передачи прежних образцов жизни во многом за счет категорий *реальное* и *ирреальное*. Чехов демонстрирует, что счастливая жизнь на даче становится редким исключением, она ирреальна, в условиях рубежа веков она оказывается возможной лишь на далекой абстрактной Зеленой Косе, а не в центре России. Реальность же такова, что в новых условиях дача оказывается не хранилищем усадебного наследия, а местом временного пребывания, летнего отдыха, с которым никак не связываются семейные ценности и традиции.

Список источников

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1974–1983.

Список литературы

Алехина И. В. Эволюция повествования в рассказах А. П. Чехова «Зеленая коса», «Живой товар», «Цветы запоздалые» // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук. М.: Ин-т стратегических исследований, 2015. С. 104–110.

Богданова О. А. Усадьба и дача в русской литературе XIX–XXI вв.: топика, динамика, мифология: Монография / отв. ред. Е. Е. Дмитриева. М.: ИМЛИ РАН, 2019. 288 с. doi 10.22455/978-5-9208-0604-8.

До Егито Т. М. Хронотоп уездной усадьбы в рассказе А. П. Чехова «Именины» // Феномен русской литературной усадьбы: от Чехова до Сорокина. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 28–35. doi 10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35.

Доманский Ю. В. «Имение Раневской» и «усадьба Гаева»: к вопросу о номинациях места действия «Вишневого сада» А. П. Чехова // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования / сост., отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 43–52.

Ильюхина Т. Ю. О психологии памяти в рассказе А. П. Чехова «Верочка» // Вопросы русской литературы. 2019. № 1(47/104). С. 75–82.

Кузичева А. П. Чехов. Жизнь «отдельного человека». СПб.: Балтийские сезоны, 2011. 878 с.

Лапова А. Н. «Дачный роман» в прозе А. П. Чехова («Зеленая Коса») // Культура и текст. 2011. № 12. С. 413–419.

Оверина К. С. «Зеленая коса» и «Драма на охоте» А. П. Чехова: особенности композиции и повествовательной структуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8-1(38). С. 139–142.

Рувельт П. Жизнь в русской усадьбе: опыт социальной и культурной истории. СПб.: Коло, 2008. 520 с.

Скороходов М. В. Помещичья усадьба в русской литературе конца XIX – первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е. В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с. doi 10.22455/978-5-9208-0636-9.

Щукин В. Г. Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 608 с.

Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia // Slavic Review. 2002. Vol. 61, № 1. P. 66–87.

Rayfield D. Orchards and Gardens in Chekhov // The Slavonic and East European Review. 1989. Vol. 67, № 4. P. 530–545.

References

Alekhina I. V. 'Evolutsiya povestvovaniya v rasskazakh A. P. Chekhova 'Zelenaya kosa', 'Zhivoy tovar', 'Tsvey zapozdalye' [Evolution of the narrative in the stories of A. P. Chekhov 'The Green Spit', 'A Living Chattel', 'Late Flowers']. *Sovremennye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Modern Problems of the Humanities and Natural Sciences]. Moscow, Institute of Strategic Studies Publ., 2015, pp. 104–110. (In Russ.)

Bogdanova O. A. *Usad'ba i dacha v russkoy literature XIX–XXI vv.: topika, dinamika, mifologiya* [A Manor and Dacha in the Russian Literature of the 19th–21st Centuries: Topics, Dynamics, Mythology]: a monograph. Ed. by E. E. Dmitrieva. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 288 p. doi 10.22455/978-5-9208-0604-8. (In Russ.)

Do Egito T. M. Khronotop uездной usad'by v ras-skaze A. P. Chekhova 'Imeniny' [The chronotope of the county estate in A. P. Chekhov's story 'The Name Day Party']. *Fenomen russkoy literaturnoy usad'by: ot Chekhova do Sorokina* [The Phenomenon of the Russian Literary Estate: From Chekhov to Sorokin]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 28–35. doi 10.22455/978-5-9208-0627-7-28-35. (In Russ.)

Domanskiy Yu. V. 'Imenie Ranevskoy' i 'usad'ba Gaeva': k voprosu o nominatsiyakh mesta deystviya 'Vishnevogo sada' A. P. Chekhova [Ranevskaya's estate' and 'Gayev's homestead': on the issue of nominations of location in 'The Cherry Orchard' by Anton Chekhov]. *Usad'ba real'naya — usad'ba literaturnaya: vektory tvorcheskogo preobrazheniya* [Estate Real – Estate Literary: Vectors of Creative Transformation]. Comp. and ed. by O. A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2021, pp. 43–52. (In Russ.)

Il'yukhina T. Yu. O psikhologii pamyati v ras-skaze A. P. Chekhova 'Verochka'. [On the psychology of memory in A. P. Chekhov's story 'Verochka']. *Voprosy russkoy literatury* [Issues of Russian Literature], 2019, issue 1 (47/104), pp. 75–82. (In Russ.)

Kuzicheva A. P. *Chekhov. Zhizn' 'otdel'nogo che-loveka'* [Chekhov. The Life of a 'Separate Man']. St.

Petersburg, Baltiyskie sezony Publ., 2011. 878 p. (In Russ.)

Lapova A. N. 'Dachnyy roman' v proze A. P. Chekhova ('Zelenaya Kosa') ['Dacha Novel' in A. P. Chekhov's Prose ('The Green Spit')]. *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2011, issue 12, pp. 413-419. (In Russ.)

Overina K. S. 'Zelenaya kosa' i 'Drama na okhote' A. P. Chekhova: osobennosti kompozitsii i povestvovatel'noy struktury ['Green Spit' and 'Hunting Drama' by A. P. Chekhov: Features of composition and narrative structure]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2014, issue 8-1 (38), pp. 139-142. (In Russ.)

Roosevelt P. *Zhizn' v russkoy usad'be: opyt sotsial'noy i kul'turnoy istorii* [Life on the Russian Country Estate: A Social and Cultural History]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2008. 520 p. (In Russ.)

Skorokhodov M. V. *Pomeshchich'ya usad'ba v russkoy literature kontsa XIX – pervoy treti XX v.: mezhdistsiplinarnyy podkhod* [The Landowner's Estate in the Russian Literature of the Late 19th – First Third of the 20th Century: An Interdisciplinary Approach]. Ed. by E. V. Glukhova. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 272 p. doi 10.22455/978-5-9208-0636-9. (In Russ.)

Shchukin V. G. *Rossiyskiy geniy prosveshcheniya. Issledovaniya v oblasti mifopoetiki i istorii idey* [The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 608 p. (In Russ.)

Lovell S. Between Arcadia and Suburbia: Dachas in Late Imperial Russia. *Slavic Review*, 2002, vol. 61, issue 1, pp. 66-87. (In Eng.)

Rayfield D. Orchards and gardens in Chekhov. *The Slavonic and East European Review*, 1989, vol. 67, issue 4, pp. 530-545. (In Eng.)

The Real and the Unreal in the Depiction of the Dacha in the Prose of Anton Chekhov

Valeria G. Andreeva

Leading Researcher

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia. lanfra87@mail.ru

Leading Researcher

Kostroma State University

17, Dzerzhinskogo st., Kostroma, 156005, Russia

SPIN-code: 8349-0805

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

ResearcherID: Z-4774-2019

Submitted 19 May 2025

Revised 22 Jun 2025

Accepted 09 Jul 2025

For citation

Andreeva V. G. Real'noe i irreal'noe v izobrazhenii dachi v proze A. P. Chekhova [The Real and the Unreal in the Depiction of the Dacha in the Prose of Anton Chekhov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 80–89. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-80-89. EDN FRVEET (In Russ.)

Abstract. The article discusses the image of the dacha in the prose of Anton Chekhov. It demonstrates differences in the depiction of the dacha topos in the writer's stories, notes the main functions of the dacha image in the organization of his works, their chronotopes. The material for the study is the stories *The Green Spit (a little novel)* (1882) and *The New Dacha* (1899), illustrating two different perceptions of the dacha. The article also deals with the image of the estate in the stories *Verochka* (1887) and *The Name Day Party* (1888), emphasizing that for a full understanding of the role of the real and the unreal when contrasting different types of the dacha life, Chekhov used his own estate-life experience. The methodology of the study is based on the comparative-contrastive method, the biographical method, the method of hermeneutic and holistic analysis. The article proves that the topoi of the estate and the dacha in Chekhov's works of the late 1880s – 1890s periodically converge. Chekhov's stories and novellas of the late 19th century present the

motif of impoverishment, destruction of the estate life, fading and disintegration of the dacha existence. But the writer demonstrates that the content of the estate and dacha life could be different, much more vivid and active. Chekhov continued to hope for the revival of the estate and dacha life in the future, so he aimed to preserve and convey the best examples. Therefore, in Chekhov's works *the real* in the depiction of estates and dachas coexists with *the unreal* and is opposed to the latter. The article examines two situations: when the images of dachas and estates play one of the main functions in the depiction of the heroes' existence, clearly determine their lives, while directly being the object of consideration; when these images are built into the narrative about the fates of the characters, their success and misfortunes. In the latter case, the analysis of the behavioral characteristics of the heroes and the comprehension of what happened to them would be incomplete without assessing the role of the dacha or estate in their lives. The author of the article comes to the conclusion that in the context of Chekhov's oeuvre, *The Green Spit* and *The New Dacha* constitute a paired antithesis, illustrating that the writer gradually became more and more disappointed at the impossibility of quick changes in the dacha life.

Key words: Anton Chekhov; dacha; estate; dacha topos; estate topos; real; unreal; chronotope; impoverishment of the center; hero's consciousness.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-90-97
<https://elibrary.ru/fwoync>

EDN FWOYNC

Интермедиальность в романе Донны Тартт «Щегол»

Владимирова Наталия Георгиевна

д. филол. н., профессор-консультант Института образования и гуманитарных наук

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д.14. natvl_942@mail.ru

SPIN-код: 5979-3240

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7422-4651>

Михейкина Алина Андреевна

к. филол. н., доцент Института образования и гуманитарных наук

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта

236041, Россия, г. Калининград, ул. А. Невского, д.14. alinamiheikina@yandex.ru

SPIN-код: 9837-0489

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4857-0649>

Статья поступила в редакцию 05.04.2025

Одобрена после рецензирования 06.07.2025

Принята к публикации 24.07.2025

Информация для цитирования

Владимирова Н. Г., Михейкина А. А. Интермедиальность в романе Донны Тартт «Щегол» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 90–97. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-90-97. EDN FWOYNC

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию интермедиальных элементов в романе Донны Тартт «Щегол». Анализ художественного текста предваряется рассмотрением подходов к изучению феномена интермедиальности и проблемы синтеза искусств со стороны специалистов, принадлежащим к разным областям знания. Несмотря на традиционный взгляд на «монокодовую» природу различных видов искусств, ученые отмечали примеры их взаимного влияния на протяжении истории, что имеет значимость и в теории интермедиальности. В рамках предложенного анализа текста романа Донны Тартт наибольшее внимание было уделено вербальной репрезентации живописного кода, тогда как ранее акцентировались кинематографические особенности текста в процессе его экранизации. Так, в качестве интермедиальных элементов выделяются образы живописных полотен, которые включаются в текст. Кроме того, отмечается и собственная живописность стиля автора, использующая элементы цвета и света, а также символику полотен для углубления семантического уровня произведения. Подобный творческий метод служит для усиления эстетического и психологического эффектов. Наибольшее внимание уделяется значению картины Карела Фабрициуса «Щегол», которая связана с разными уровнями романа. Благодаря этому полотну актуализируются такие мотивы, как судьба, рок и значимость искусства, в связи с картиной организуется взаимодействие между персонажами, а также происходит развитие сюжета произведения. Факты, приведенные выше, позволяют говорить о сюжетообразующей и смыслообразующей значимости интермедиальных элементов в тексте. В результате анализа сделан вывод о том, что интермедиальность определяет поэтику и обнаруживается на разных уровнях романа Донны Тартт «Щегол».

Ключевые слова: интермедиальность; полисемантика; живописный код; поэтика; живописность литературы.

Присутствие интермедиальных элементов в художественных произведениях представляется одной из характерных черт современной литературы. Однако взаимодействие различных видов искусств наблюдалось не только в текстах XX–XXI вв. Оно берет начало в «синкретизме» первобытных образцов художественного освоения мира [Веселовский 1989], что дало ученым основание для критического отношения к идеям о существовании искусств, использующих лишь один присущий им код. Ю. М. Лотман подчеркивал, что «зашифрованность многими кодами есть закон для подавляющего числа текстов культуры» [Лотман 1992: 143].

Исследователи отмечают тенденцию к сближению искусств в различные исторические эпохи. Например, М. В. Алпатов подробно рассматривает архитектуру и живопись во времена Ренессанса как опыт синтеза, определяющего художественное мышление того периода [Алпатов 1936]. И. В. Кириенко и О. В. Перич подчеркивают, что эпоху барокко определяет связь искусства с другими сферами человеческой деятельности, например с риторикой и медициной. Примечательной чертой барочной культуры выступает и «появление синтетических жанров» [Кириенко, Перич 2021: 188–189]. Взаимодействие кодов литературы и живописи рассматривалось и в эпоху романтизма. Ученые делают акцент на активном развитии идеи синтеза искусств, их взаимном проникновении: «У романтиков часто встречаются замечания о музыкальности стиха, о певучести линий рисунка, о живописности музыки и цветовых аккордах в живописи, о картинности поэтических описаний и т. п.» [Никифорова 2015: 72]. Наиболее часто теоретики в эпоху романтизма обращались к музыке, обнаруживая ее присутствие во всех видах искусства и других сферах. Тем не менее использование и функционирование различных художественных языков в рамках одного текста, а также эксперименты с перекодировкой стали определяющими характеристиками литературы XX–XXI вв. (см.: [Владимирова 2016: 115]).

Феномен интермедиальности в литературе, связанный с функционированием разных языков искусства в тексте одного произведения, привлек большое внимание литературоведов, культурологов, специалистов по семиотике, философов. Это явление получило осмысление в многочисленных исследованиях [Суханова 2015; Хаминава, Зильберман 2014].

Рассматривая сущность феномена интермедиальности, И. Раевски подчеркивает тот факт, что «исследования взаимного перехода искусств

имеют давнюю традицию» [Rajewsky 2005: 44], благодаря этому делается следующий вывод: «аспекты, которые обычно рассматриваются как “интермедиальность”, не являются принципиально новыми» [ibid.: 44]. В работе исследовательницы также приводится тезис: проблемное поле, связанное с осмыслением вышеупомянутого феномена, расширяется.

С. Петерссон с соавторами утверждают, что разнообразие «в понимании интермедиальности позволяет каждому отдельному исследователю уточнить её сущность в соответствии с конкретными требованиями, методами и изучаемыми вопросами» [Petersson et al. 2018: 1–2]. При этом наиболее успешной тактикой исследования концепции интермедиальности, по мнению ученых, является «объединение разных перспектив, добавление конкретных методов и материалов, а также эстетический и медиаисторический подходы» [ibid.: 2].

Л. Лувель пишет, что термин «интермедиальность» позволяет сделать акцент на «медиуме, его материальности как искусства» [Louvel 2018: 39]. В работе анализируются как репрезентативные черты, так и вариации взаимодействия различных средств выражения, принципиальные для изучения интермедиальной поэтики в литературе.

И. А. Суханова высказала важную мысль о разграничении парциального и миметического видов интермедиальности, основанных на аналогичных формах интертекстуальности, выделенных В. П. Москвиным. Парциальная интермедиальность сопряжена с вербализацией в художественном тексте «элемента картины, скульптуры, фрески, иконы и т. д.» [Суханова 2015: 119], в то время как миметическая интермедиальность связана с ситуациями, в которых «словесный текст имитирует <...> приемы построения образов произведения изобразительного искусства» [там же: 120]. Приведенное утверждение позволяет говорить о разных векторах актуализации интермедиального кода в литературе.

Роман Донны Тартт «Щегол» (“The Goldfinch”, 2013) представляется нам одним из образцов прозы, где интермедиальный код присутствует на всех уровнях и в разнообразных формах поэтики произведения. Эта особенность привлекла внимание ряда ученых. Так, Н. В. Столбова и В. Н. Железняк предлагают философский обзор «новой реальности», создающейся благодаря влиянию картины на разные уровни романа Д. Тартт [Столбова, Железняк 2017: 74–81]. Отчасти схожий вектор мысли представлен в работе Е. Н. Ищенко и М. К. Поповой, которые рассматривают экзистенциальные

смыслы, а также раскрывают темы отношений искусства и общества, искусства и личности [Ищенко, Попова 2016: 66–73]. Кроме того, был изучен и кинематографический код романа. Так, В. О. Прохорова исследует аллюзии на кино в тексте Д. Тартт [Прохорова 2020: 166–171], что имеет ценность для выявления многочисленных семантических слоев, присутствующих в произведении.

Однако живописный код в романе как структурообразующее начало не получил детального исследования. Элементы живописи в тексте романа фигурируют как предмет изображения. В такой функции выступает картина Франса Хальса «Урок анатомии», а название романа (одна из сильных позиций текста) отсылает читателя к занимающему центральное место в повествовании шедевр Карела Фабрициуса, голландского художника XVII в. Поэтика произведения определяется как включением в него описаний художественных артефактов, так и живописностью стиля Донны Тартт.

Изображение «Щегол» Карела Фабрициуса является в начале повествования, когда Тео и его мама Одри по воле случая оказываются в Метрополитен-музее на выставке голландской живописи. Эпизод отличается семантической наполненностью, которая создается благодаря как последовательному описанию картин, представленных на выставке, так и происходящим на ней событиям.

Живописные шедевры, которые включены в текст Донны Тартт, жанрово разнообразны, они создают эффект наполненности внешне эклектического пространства: «...сначала я подумал, что мы оказались не в том зале. Стены подсвечивались теплой, тусклой дымкой роскоши, типичной мягкостью старины. Но затем все это распалось на ясность, цвет и чистый северный свет, гигантские и миниатюрные портреты, интерьеры, натюрморты...»¹ [Tartt 2013: 28]. Живописные артефакты, являясь интермедийным предметом описания, выполняют функцию организации пространства в тексте романа. Примечателен и тот факт, что экспонаты представляются как живой элемент былых времен, создавая эффект схождения настоящего и будущего в одной точке пространства.

Картины, на которых акцентируется внимание героев на выставке, обогащают символический уровень романа. В качестве примера можно привести «Натюрморт с тремя плодами мушмулы и бабочкой» Адриана Коорта. Описание позволяет идентифицировать это произведение, поскольку нарратор отмечает наиболее узнаваемые детали: «белая бабочка на темном фоне, парящая над красными фруктами» [ibid.: 136]. Гранат, плоды которого присутствуют на картине, часто встречается в мировом искусстве. Благодаря «сквоз-

ному характеру» образа упомянутого плода его символика и семантика постоянно обогащались. В религиозных текстах и сюжетах этот фрукт мог быть символом грехопадения, мироздания, смерти и вечной жизни. На наш взгляд, ценным является замечание Э. Ф. Шафранской и ее коллег о корреляции образа граната с «эсхатологическими мотивами», например, таким как «означение грядущей катастрофы» [Шафранская, Гарипова, Кешфидинов 2024: 195].

Другим важным элементом на вышеупомянутом полотне представляется бабочка. Как и гранат, это образ, имеющий полисемантический характер. С ним традиционно коррелирует семантика души, вспомним, что греческое слово *psykhē* обозначало и «душу», и «бабочку» [Hanks, Hardcastle, Hodges 2019]. Кроме того, он вбирает в себя и семантику смерти и воскресения [Генерозова 2017], которые связывались с бабочкой в разные исторические периоды.

Вербальное воспроизведение небольшого натюрморта А. Кроота придает описанию окружающей обстановки предметность. Одновременно символика живописного и литературного кодов сближается, знаменуя те события, которые непосредственно влияют на всех действующих лиц, пришедших на выставку.

Символы конца актуализируются и включением других натюрмортов, не специфицированных, однако ассоциативно отсылающих к множеству произведений. Упоминание дичи на картинах содержит намек на полотна Франса Снейдерса, прославившегося благодаря изображению натюрмортов с животными.

Элемент барочной художественной символики связан и с «Портретом молодого человека с черепом» Франса Хальса: «Мы провели некоторое время перед изображением юноши, держащего череп, работы Хальса» [Tartt 2013: 144]. Примечательно, что первая глава романа повторяет название вышеупомянутой работы, вследствие чего парциальный интермедийный элемент получает актуализацию как на структурном, так и на сюжетном уровне. Значение быстротечности и бренности жизни, связанное с этой картиной, становится лейтмотивом всей главы.

Многочисленным мрачным полотнам противопоставляется небольшая картина Карела Фабрициуса «Щегол»: «Это было прямое и деловое маленькое существо, и в нем не было ничего сентиментального <...> его яркость, настороженность, компактность <...> заставили меня вспомнить детские фотографии моей матери, которые я когда-то видел» [ibid: 161–162]. Маленький персонаж полотна описывается живо, составляя антитезу большей части изображаемых в эпизоде работ. Так, темным и черным оттенкам противо-

поставляется «чистый и прозрачный дневной свет» [ibid.: 160]. Следующая цитата Одри также способствует усилению оформившейся оппозиции: «Невероятно завораживающая картина, такая простая. По-настоящему нежная, будто манит постоять поближе, правда? Куча мертвых фазанов, а здесь – миниатюрное живое существо» [ibid.: 168–169]. Примечательно, что образ золотой птицы полисемантичен в мировой культуре. Например, щегол – олицетворение защиты, любви, радости и преданности, а в греческой мифологии – аполлонического начала – чистоты и свободы. Несомненно, в словарях символов также присутствует ряд значений, связанных с христианской символикой (см.: [Тресиддер]), однако изучение этого романа в подобном ключе, на наш взгляд, требует отдельного исследования.

Значение этого художественного артефакта подключает интермедиаальный (живописный) код и определяет особенности поэтики света (и цвета) в тексте. В частности, речь идет о противопоставлении света и тьмы, приобретающем характер сквозной оппозиции в романе, находящей воплощение как в рамках интермедиальных элементов, так и на уровне описаний пейзажей и интерьеров, внешних и внутренних характеристик героев и т. д.

Примечательной представляется и семантика места, где происходит трагическое знакомство Тео с картиной «Щегол». Пространственный топос музея приобретает в романе особенное значение.

Семантика музея осмыслялась рядом философов, музееведов, культурологов на протяжении истории существования подобных учреждений культуры и искусства. А. Н. Белаш, рассматривая разные подходы, делает вывод о том, что «музейный топос» понимается «как пространство верификации и репрезентации художественных произведений, а также места реализации разнообразных стратегий взаимодействия художника и зрителя» [Белаш 2018: 13].

Музей, который изображает Донна Тартт, выполняет аналогичные функции в тексте романа. На выставке Тео не только знакомится с образцами нидерландской живописи, но и обретает некую связь с художниками. Например, своеобразное «сближение» с Карелом Фабрициусом происходит и в результате вынужденной «кражи» картины, и определяется обстоятельствами (воспроизведение эпизода, где изображается взрыв). Элемент собственной биографии художника усиливается, повторяясь в жизни протагониста романа (К. Фабрициус погиб в 1654 г. при взрыве пороховых складов в Делфте). Во время этого события были уничтожены практически все картины художника, что сообщает уникаль-

ную ценность уцелевшему полотну, а большая часть города – разрушена.

Взрыв в Метрополитен-музее аналогично приводит к драматическим последствиям. Тео, которому чудом удалось уцелеть в этом катастрофическом происшествии, теряет мать и весь свой мир: «...мне казалось, что смотрю на солоноватые обломки судна, освещенные таким ярким, таким тоскливым и пустым светом, что я едва мог вспомнить, был ли мир вообще когда-либо жив» [Tartt 2013: 581–582]. Размышления о прошлом во внутренних монологах главного героя часто маркируют психологический и фактический перелом в его жизни. Можно высказать предположение о том, что музей становится и местом, где происходит метафорический обряд инициации, предполагающий уход от старого «я».

Живописный код актуализируется не только в связи с вербальным воспроизведением полотен художников, но и вследствие аллюзивной корреляции с их биографией. В романе сам герой напрямую говорит об этой трагической параллели, читая о Фабрициусе: «...короткие библиотечные записи постоянно притягивали меня упоминанием элемента случайности: наши не связанные друг с другом катастрофы сходятся в одной и той же невидимой точке...» [ibid.: 1913]. Благодаря этому происходит расширение смыслового пространства текста, и он приобретает символическую проекцию. Интермедиаальный элемент служит для актуализации мотивов судьбы и рока. Смыслообразующая функция интермедиаальности подчеркивается в ряде исследований; например, А. Н. Набиуллина отмечает, что использование кодов разных искусств в произведении вводит в текст «дополнительные смыслы и мотивы» [Набиуллина 2023: 451].

После событий в музее внутренняя жизнь Тео была связана с картиной «Щегол». На протяжении всего повествования страх и чувство вины из-за вынужденной «кражи» предмета искусства не покидают героя: «Даже заперев дверь, я не решался развернуть бумагу, опасаясь, что они поднимутся наверх, но все же желание взглянуть на нее было непреодолимым...» [Tartt 2013: 1406]. По мере развития сюжета панические настроения Теодора усугубляются. Он часто читает новости об исчезнувших предметах искусства, усиливая собственные переживания: «Я был так напуган, увидев неожиданные слова “Интерпол” и “разыскивается”, что запаниковал и полностью отключил компьютер» [ibid.: 1904–1905]. Однако протагонист не может расстаться с картиной, во многом из-за ассоциации этого произведения с самым близким для него человеком и своеобразной связи с его предыдущей

жизнью. Уже в первом упоминании «Щегла» присутствует сравнение с мамой главного героя.

Интермедиальные включения в рамках литературного произведения обладают значительным потенциалом для придания дополнительных черт персонажам. В. О. Чуланцова, характеризуя семантическую ценность детали в художественном тексте, пишет: «Музыка и живопись привносят свои “детали” и приемы в литературу, расширяя <...> ее возможности» [Чуланцова 2009: 142]. В романе Донны Тартт живописный код используется и для психологизации. Примечательно, что с миниатюрным пернатым героем картины сравнивается и антиквар Велти на фотографии: «Маленький, с носиком, словно клювик, похожий на птицу мальчик улыбается, сидя за пианино...» [Tartt 2013: 4793]. Антиквар становится и связующим звеном между Теодором и полотном Фабрициуса. В частности, благодаря тому, что он буквально заставляет юношу забрать «Щегла» из музея: «Забери картину...» [ibid.: 236]. Это действие не только является причиной мук совести у главного героя, но и получает значение импульса, влияющего на развитие полного перипетий сюжета. Необходимо отметить, что событие, произошедшее в завязке, сравнимо с кульминацией по силе эмоционального накала, что позволяет нам наблюдать встречу троих героев, чья судьба очень тесно связана с полотном «Щегол».

Одри Декер говорит, что «это была первая картина, в которую она по-настоящему влюбилась» [ibid.: 158]. Для Велти Блэквелла полотно Фабрициуса также было частицей жизни – зная изображение золотой птицы с детства, он повел племянницу на выставку из-за этого произведения: «Думаешь, какую картину он хотел показать [Пиппе]?» [ibid.: 4802]. В свою очередь, несмотря на то что Тео не знал о «Щегле» до выставки, он также привязывается к картине, ссылаясь на нее как на «свою», думая или говоря о ней.

Шедевр Карела Фабрициуса представляет собой интермедиальный элемент, который не только служит для обогащения семантического уровня произведения, но и связывает персонажей друг с другом. С одной стороны, благодаря «Щеглу» они оказываются в рамках одного пространства, вследствие чего их судьбы переплетаются. С другой стороны, через отношение к картине раскрываются некоторые черты их характеров, а также поднимается тема искусства и предметов, становящихся судьбоносными в жизни людей.

Таким образом, живописное полотно и образ щегла становятся полифункциональным интермедиально-живописным смысловым и художественным центром романа, формируя поэтологический симбиоз биографических, событийных, образных и художественно-выразительных черт произведе-

ния, его художественной многоплановости и стилистической уникальности. Парциальные и интермедиальные включения получают актуализацию на смысловом, структурном и сюжетном уровнях. Образ щегла символизируется, сообщая символическую проекцию роману как художественному целому. Для читателя значимой является связанная с ним семантика места: музейный топос как пространство репрезентации искусства и одновременно пространство взаимодействия зрителя и художника, а в системе произведения – читателя и текста. Возникающее интермедиальное взаимодействие с образцами нидерландской живописи не только способствует смыслообразованию художественного целого романа, но и аллюзивно коррелирует с биографией его персонажей, создавая богатство художественных проекций индивидуализированного образа в мир искусства, а также смысловые, поэтологические связи персонажа с художественным целым произведения.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты в переводе авторов статьи.

Список литературы

Алпатов М. В. Проблема синтеза в искусстве Ренессанса. 1936 // ТЕХНЕ. URL: <https://tehne.com/event/arhivsyachina/m-v-alpatov-problema-sinteza-v-iskusstve-renessansa-1936> (дата обращения: 18.03.2025).

Белаш А. Н. Музей как «другое пространство» культуры // Музей. Памятник. Наследие. 2018. Вып. 1(3). С. 12–22.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. 405 с.

Владимирова Н. Г. Интертекстуальность. Интермедиальность. Интердискурсивность. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2016. 170 с.

Генерозова Е. Бабочка // Arzamas. 2017. URL: <https://arzamas.academy/micro/animal/1> (дата обращения: 24.03.2025).

Иценко Е. Н., Попова М. К. Экфрасис как структурообразующий элемент художественного мира и маркер современного отношения общества к искусству в романе Д. Тартт «Щегол» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2016. № 2. С. 66–73.

Кириенко И. В., Перич О. В. Синтез искусств в художественной картине мира эпохи барокко // Университетский научный журнал. 2021. № 61. С. 184–193.

Лотман Ю. М. Текст и полиглотизм культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 142–148.

Набиуллина А. Н. Интермедальность как составляющая транзитивной картины мира в современной русскоязычной прозе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, вып. 2. С. 488–452.

Никифорова А. С. Идея синтеза искусств в культуре немецкого романтизма (от И. Г. Гердера до Р. Вагнера) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 3. С. 68–82.

Прохорова В. О. Интермедальность как стратегия создания художественного мира в романе Донны Тартт «Щегол» // Американистика на Дальнем Востоке. 2020. Вып. 6. С. 166–171.

Столбова Н. В., Железняк В. Н. Опыт искусства в романе Д. Тартт «Щегол» // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Культура. История. Философия. Право. 2017. № 4. С. 74–81. doi 10.15593/perm.kipf/2017.4.09

Суханова И. А. О парциальной и миметической интермедальности // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2015. № 2. С. 119–123.

Тресиддер Дж. Щегол // Словарь символов. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/22.htm (дата обращения: 22.07.2025).

Хамина А. А., Зильберман Н. Н. Теория интермедальности в контексте современной гуманитарной науки // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 389. С. 38–45.

Чуканцова В. О. Интермедальный анализ в системе исследования художественных текстов: преимущества и недостатки // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 108. С. 140–145.

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Кешифидинов Ш. Р. «Мир – это гранат»: межкультурная символика райского плода // Журнал фронтирных исследований. Т. 9, № 2(34). 2024. С. 188–201. doi 10.46539/jfs.v9i2.568

Hanks P., Hardcastle K., Hodges F. A Dictionary of First Names. 2019. URL: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198610601.001.0001/acref-9780198610601-e-2631> (дата обращения: 24.04.2025).

Louvel L. The Pictorial Third: An Essay into Intermedial Criticism. Routledge, 2018. 243 p.

Petersson S. et al. The Power of the In-Between: Intermediality as a Tool for Aesthetic Analysis and Critical Reflection / S. Petersson, C. Johansson, M. Holdar, S. Callahan. Stockholm: Stockholm University Press, 2018. 427 p.

Rajewsky I. O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality // Intermédialités / Intermediality. 2005. № 6. P. 43–64.

Tartt D. The Goldfinch. Little, Brown and Company, 2013. 4934 p.

References

Alpatov M. V. Problema sinteza v iskusstve Renessansa. 1936 [The Problem of Synthesis in Renaissance Art. 1936]. *TEHNE*. Available at: <https://tehne.com/event/arhivsyachina/m-v-alpatov-problema-sinteza-v-iskusstve-renessansa-1936> (accessed 18 Mar 2025). (In Russ.)

Belash A. N. Muzei kak 'drugoe prostranstvo' kul'tury [Museum as an 'other space' of culture]. *Muzej-pamyatnik-nasledie* [Museum-Monument-Heritage], 2018, issue 1 (3), pp. 12–22. (In Russ.)

Veselovskiy A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989. 405 p. (In Russ.)

Vladimirova N. G. *Intertekstual'nost'. Intermedial'nost'. Interdiskursivnost'* [Intertextuality. Intermediality. Interdiscursivity]. Veliky Novgorod, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University Press, 2016. 170 p. (In Russ.)

Generozova E. Babochka [Butterfly]. *Arzamas*, 2017. Available at: <https://arzamas.academy/micro/animal/1> (accessed 24 Mar 2025). (In Russ.)

Ishchenko E. N., Popova M. K. Ekfrasis kak strukturoobrazuyushchiy element khudozhestvennogo mira i marker sovremennogo otnosheniya obshchestva k iskusstvu v romane D. Tartt 'Shchegol' [Ekphrasis as a structural element of the world of art and a marker of modern society's attitude to it in the novel by D. Tartt 'The Goldfinch']. *Vestnik Baltiyskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya* [IKBFU's Vestnik. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2016, issue 2, pp. 66–73. (In Russ.)

Kirienko I. V., Perich O. V. Sintez iskusstv v khudozhestvennoy kartine mira epokhi barokko [The Synthesis of Arts in the Artistic Worldview Within the Baroque Period]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal* [Humanities and Science University Journal], 2021, issue 61, pp. 184–193. (In Russ.)

Lotman Yu. M. Tekst i poliglotizm kul'tury [Text and Cultural Polyglotism]. In: Lotman Yu. M. *Izbrannye stat'i* [Selected Articles]: in 3 vols. Tallinn, Aleksandra Publ., 1992, vol. 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture], pp. 142–148. (In Russ.)

Nabiullina A. N. Intermedial'nost' kak sostavlyayushaya tranzitivnoy kartiny mira v sovremennoy russkoyazychnoy proze [Intermediality as a component of the transitive worldview in contemporary Russian-language prose]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], 2023, vol. 16, issue 2, pp. 488–452. (In Russ.)

Nikiforova A. S. Ideya sinteza iskusstv v kul'ture

nemetskogo romantizma (ot I. G. Gerdera do R. Vagnera) [The idea of synthesis of the arts in the culture of German romanticism (from J. G. Herder to R. Wagner)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy], 2015, issue 3, pp. 68-82. (In Russ.)

Prokhorova V. O. Intermedial'nost' kak strategiya sozdaniya khudozhestvennogo mira v romane Donny Tartt 'Shchegol' [Intermediality as a strategy for creating an artistic world in Donna Tartt's novel 'The Goldfinch']. *Amerikanistika na Dal'nem Vostoke* [American Studies in the Far East]: Yearly Bulletin, 2020, issue 6, pp. 166-171. (In Russ.)

Stolbova N. V., Zheleznyak V. N. Opyt iskusstva v romane D. Tartt 'Shchegol' [The experience of art in the D. Tartt's novel 'Goldfinch']. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo*. [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law], 2017, issue 4, pp. 74-81. doi 10.15593/perm.kipf/2017.4.09. (In Russ.)

Sukhanova I. A. O partial'noy i mimeticheskoy intermedial'nosti [On partial and mimetic intermediality]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 2015, issue 2, pp. 119-123. (In Russ.)

Tresidder J. Shchegol [Goldfinch]. *Slovar' simvolov* [The Complete Dictionary of Symbols]. Available at: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/22.htm (accessed 22 July 2025).

Khaminova A. A., Zil'berman N. N. Teoriya intermedial'nosti v kontekste sovremennoy gumanitarnoy nauki [The theory of intermediality in the context of modern humanities]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2014, issue 389, pp. 38-45. (In Russ.)

Chukantsova V. O. Intermedial'nyy analiz v sisteme issledovaniya khudozhestvennykh tekstov: premushhestva i nedostatki [Intermediality in the system of approaches to the study of literary texts: advantages and disadvantages]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 2009, pp. 140-145. (In Russ.)

Shafranskaya E. F., Garipova G. T., Keshfidinov Sh. R. 'Mir – eto granat': mezhekul'turnaya simbolika rayskogo ploda ['The world as a pomegranate': Intercultural symbolism of the fruit of paradise]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniy* [Journal of Frontier Studies], 2024, vol. 9, issue 2 (34), pp. 188-201. doi: 10.46539/jfs.v9i2.568. (In Russ.)

Hanks P., Hardcastle K., Hodges F. *A Dictionary of First Names*, 2019. Available at: <https://www.oxfordreference.com/display/10.1093/acref/9780198610601.001.0001/acref-9780198610601-e-2631> (accessed 24 Apr 2025). (In Eng.)

Louvel L. *The Pictorial Third: An Essay into Intermedial Criticism*. Routledge, 2018. 243 p. (In Eng.)

Petersson S., Johansson C., Holdar M., and Calahan S. *The Power of the In-Between: Intermediality as a Tool for Aesthetic Analysis and Critical Reflection*. Stockholm: Stockholm University Press, 2018. 427 p. (In Eng.)

Rajewsky I. O. Intermediality, Intertextuality, and Remediation: A Literary Perspective on Intermediality. *Intermedialités / Intermediality*, 2005, issue 6, pp. 43-64. (In Eng.)

Tartt D. *The Goldfinch*. Little, Brown and Company, 2013. 4934 p. (In Eng.)

Intermediality in Donna Tartt's Novel 'The Goldfinch'

Natalia G. Vladimirova

Consulting Professor at the Institute of Education and Humanities

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. natvl_942@mail.ru

SPIN-code: 5979-3240

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7422-4651>

Alina A. Mikheikina

Associate Professor at the Institute of Education and Humanities

Immanuel Kant Baltic Federal University

14, Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia. alinamikeikina@yandex.ru

SPIN-code: 9837-0489

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4857-0649>

Submitted 05 Apr 2025

Revised 06 Jul 2025

Accepted 24 Jul 2025

For citation

Vladimirova N. G., Mikheikina A. A. Intermedial'nost' v romane Donny Tartt «Shchegol» [Intermediality in Donna Tartt's Novel 'The Goldfinch']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 90–97. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-90-97. EDN FWOYNC (In Russ.)

Abstract. The article is dedicated to the study of intermedial elements in Donna Tartt's novel *The Goldfinch*. The analysis of the literary text is preceded by a consideration of approaches to the phenomenon of intermediality and the problem of synthesis of arts as viewed by specialists who belong to the diverse fields of the humanities. The researchers mentioned in the paper have noted examples of the mutual influence of different artistic codes throughout history, despite the traditional view of the 'monocode' nature of individual art forms. This aspect is significant in the theory of intermediality. Within the framework of the proposed analysis of Donna Tartt's novel, the greatest attention was paid to the verbal representation of the pictorial code, whereas previously the cinematic features of the text in the process of its film adaptation were emphasized in studies. The paper explores the images of paintings included in the text regarding them as intermedial elements. In addition, the author's own picturesque style is noted, which uses elements of color and light as well as the symbolism of the paintings to deepen the semantic level of the work. This creative method serves to enhance the aesthetic and psychological effects. A particular focus is on the significance of the painting by Carel Fabritius *The Goldfinch*, which is connected with different levels of the novel. By virtue of this canvas, such motifs as fate, destiny, and the importance of art are brought to the fore. In addition, in connection with the painting, links between characters are organized, and the plot of the work develops and thickens. The facts offered above allow us to talk about the plot-forming and meaning-forming significance of intermedial elements in the text. The analysis leads to a conclusion that intermediality determines the poetics and is found at different levels of Donna Tartt's novel *The Goldfinch*.

Key words: intermediality; polysemantics; pictorial code; poetics; pictoriality of literature.

УДК 821.581.0
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-98-106
<https://elibrary.ru/glssqz>

EDN GLSSQZ

Городское конфуцианство и деревенский даосизм: «клубок противоречий» в творчестве Линь Юйтана

Дышенов Александр Валерьевич

аспирант, преподаватель кафедры филологии стран Дальнего Востока

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова
670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а. mr.graf3@gmail.com

SPIN-код: 3314-1003

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0053-3184>

Статья поступила в редакцию 10.10.2024

Одобрена после рецензирования 28.04.2025

Принята к публикации 21.05.2025

Информация для цитирования

Дышенов А. В. Городское конфуцианство и деревенский даосизм: «клубок противоречий» в творчестве Линь Юйтана // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 98–106. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-98-106. EDN GLSSQZ

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей восприятия философий Конфуция и Лао-цзы через призму концептов «город» и «деревня» одним из самых вестернизированных писателей Китая XX в. – Линь Юйтаном – на основании его тезиса: «Конфуцианство – больше городская философия, а даосизм – деревенская». Им отмечается следующая разность учений: в «вертикальной» плоскости – стремление конфуцианства к разделению мира (эксклюзивный тип мышления) с параллельным утверждением особенной роли человека (антропоцентризм), в то время как в даосизме – стремление к цельному видению мира (инклюзивный тип мышления) и слиянию человека с природой; в «горизонтальной» же плоскости – на уровне «межчеловеческого» – направленность на коллективное у конфуцианства и на индивидуализм у даосизма. Применительно к литературе, по мысли Линь Юйтана, именно подобное мировоззрение может служить принципом в контексте ее разделения на «городскую» и «деревенскую», а не присутствие в произведении художественных образов или тематики «город – деревня», языковых средств и т. д.

В статье поднимается вопрос об уникальной черте личности и творчества Линь Юйтана – явлении «клубка противоречий», по причине которого не представляется возможным сказать что-либо определенное касательно философских основ его мировоззрения: конфуцианец он или даос? Например, в современном линьсюэ (линьюйтановедении) распространено мнение о даосских «предпочтениях» писателя. Не исключено, что таким образом автор хотел высказать свою точку зрения о герменевтических проблемах толкования канонов древних учений, испытывающих на себе влияние не только мировоззренческих особенностей исследователей, но и объективной исторической действительности.

Ключевые слова: китайская литература; Линь Юйтан; конфуцианство; даосизм; городская литература; деревенская литература.

Введение

«Город и деревня» – важная тема для каждого человека, способная раскрыть его сокровенные мысли об «идеальном» месте для жизни. Обычно

город ассоциируется с успешным, культурно богатым, экономически обеспеченным, цивилизационно развитым пространством, где привлекает величие зданий, чистота мощенных улиц, ком-

мунальные удобства; будучи местом концентрации людей, город открывает обилие возможностей для развития индивида. Жизнь в деревне с такого ракурса видится чрезвычайно ограниченной, со множеством лишений культурного, финансового, санитарного плана, когда мир замыкается до небольшого участка земли и узкого человеческого сообщества. Однако можно найти и преимущества деревенского быта как места сближения человека с настоящей, большой природой, где дышится чистым и свежим воздухом, глаз радуется естественной красоте лесов и полей, натуральные продукты питания открывают другое восприятие пищи, а взаимодействие с землей и животными научает иному ощущению бытия. При таком подходе очевидными становятся недостатки «города»: загазованный воздух, не всегда здоровая еда, хронический дефицит времени, повсеместное многолюдство и т. д. Подобное видение города и деревни находит свое отражение в культурной жизни человека, применительно к литературе – в ее разделении на «городскую» и «деревенскую».

Возникает ряд вопросов относительно принципов такого рода разделения: обязательно ли оно связано с наличием больших зданий, цивилизованностью, количеством людей, существуют ли иные факторы, влияющие на определение «города» или «деревни»? Допустимо ли обозначенные различия считать лишь признаками, или так называемыми «акциденциями», города и деревни? Если да, то в чем может заключаться их отличие на уровне «сущности», что делает их таковыми, кроме географической локации, жизненного инструментария и человеческого окружения? Что делает литературу «городской» или «деревенской»? Например, о «деревенской» прозе пишется: «В основе отнесения произведений к данному кругу литературы лежит не только тематический принцип, поскольку тема деревенской жизни не всегда является единственной в произведениях даже самых известных писателей данного литературного направления, а также то, что не все произведения о деревне относили к деревенской прозе» [Шагбанова, Бобкова 2016: 62].

Интересную точку зрения представил китайский писатель XX в. Линь Юйтан (1895–1976), говоря: «Конфуцианство – по сути больше городская философия, а даосизм – деревенская» (Линь Юйтан 2010: 118); словно «город» и «деревня» являются лишь неким отражением философских систем. Установить правомочность данного сравнения, исходя из этого выявить разницу между «городской» литературой и «деревенской», доказать наличие проблемы «клубка противоречий» в определении предпочтений Линь Юйтана по отношению к учениям Конфуция и

Лао-цзы – **цель** настоящего исследования; оно проведено на материале работ писателя: «Китайцы. Моя страна и мой народ», «Мудрость Конфуция», «Мудрость Лао-цзы», «От язычника к христианину».

В основу **методологии исследования** положен комплексный подход, соединяющий биографический метод для изучения жизни и творчества писателя, а также историко-литературный и герменевтический подходы для анализа особенности восприятия Линь Юйтаном учений Конфуция и Лао-цзы в призме концептов «города» и «деревни».

Мнение писателя, дающее надежду на решение проблемы «...идеология и социальные системы Китая и Запада принципиально несовместимы» [Дикарев, Фань Сюэсун 2023: 117], сегодня особенно ценно, ведь не исключено, что разница цивилизаций проходит на стыке философий конфуцианства и даосизма.

Линь Юйтан и «городское» конфуцианство

Восприятие писателем конфуцианства далеко от революционного, например, когда «мощная идеологическая война была объявлена Конфуцию в начале 70-х гг. и известна в истории под названием кампании “критики Линь Бяо и Конфуция”» [Ветлужская 2015: 910]; его метод носит реформационный характер, в стремлении к возврату в «начальное» с секуляризацией конфуцианских «святых»: «Я ничего не принимаю как должное и должен лишить Конфуция и конфуцианство тех некоторых понятий и убеждений, которыми они были окрашены» (Линь Юйтан 1959: 68). При этом он всё же заботливо предостерегает читателя о субъективности своих взглядов: «Если я сейчас пишу о сокровищницах конфуцианской философии, я осознаю, что до меня это делали тысячи китайских ученых, тем не менее, я могу писать только о своем собственном восприятии и понимании, а также о своих оценках и интерпретациях» (там же).

Автор пытается придать больше естественности образу Учителя и оригинальности его учения; так, исследователь Лю Ихуа пишет: «Конфуцианство, на которое обращает внимание Линь Юйтан, было классической мыслью Конфуция и его учеников до-циньского периода; по его мнению, их мысли были истоком, настоящим конфуцианством; ханьское и сунское конфуцианство уже имело много примеси иного, и особенно по отношению к псевдо-даосскому конфуцианству эпохи Сун Линь Юйтан проявлял много сарказма» [Лю Ихуа 2017: 98].

Обращение Линь Юйтана к биографическому методу Сент-Бева, связывающего «генетическим родством творца и его творение» [Косиков 1987:

11], приводит к поразительным выводам о премуществвах «Пятиканония» взамен «Четверокнижия», тексты которого были собраны Чжу Си в XII в. и со временем стали «основой классического конфуцианского образования» [Конфуцианское «Четверокнижие» 2004: 11]. Хотя писатель не призывает к пересмотру канона, избранный им метод так или иначе говорит: пусть не написанные лично Конфуцием, но отобранные, отредактированные, утвержденные им книги «Ши цзин», «Шу цзин» и др. могут оказаться более авторитетными в познании учения, нежели отдельные цитаты Учителя Куна, зафиксированные в «Лунь юй», «Мэн-цзы» и т. д.

В толковании Линь Юйтана конфуцианство – строго философское учение, сосредоточенное на «...проблеме человека и проблеме общества. Конфуций, по существу, был педагогом, заинтересованным в социальных реформах посредством совершенствования личности, а также он был социальным философом» (Линь Юйтан 1959: 76). Учитель Кун сливает воедино этику и политику, где персональное развитие человека (а не, допустим, правовой системы) видится единственным основанием для созидания гармоничного общества и государства.

В разные периоды истории Китая конфуцианство имело религиозный статус: совершались храмовые служения, приносились жертвы; писателем не отвергается «метафизическое» в учении, например, уже в факте *веры* в догмат о *долге* человека становится цзюнь-цзы, «благородным мужем». Поэтому автор допускает слово «религия», называя конфуцианство «религией цзюнь-цзы», с той разницей, что здесь отсутствуют традиционно религиозные притязания на устранение человеческого греха и достижение совершенства: «Конфуций не предъявлял невыполнимых требований к человеческой природе. Его занимала не проблема греха, а лишь плохие манеры, дурное воспитание и невежественное самодовольство некультурного человека. Его устраивало, если человек обладал каким-то нравственным сознанием и постоянно стремился к самосовершенствованию» (там же: 78).

Заслуживает внимания языковой аспект восприятия Линь Юйтана, явленный им в переводе конфуцианских категорий на английский язык, например *жэнь*: «Концепцию *жэнь* также трудно перевести, как и концепцию *ли*. В китайском письме этот иероглиф состоит из “два” и “человек”, обозначая отношения между людьми» (Линь Юйтан 1938: 18); мировое китаеведение в целом подтверждает подобное толкование, предлагая слова «человеколюбие», «добродетель», «уважение», «великодушие» [Юркевич 2006: 204], но Линь Юйтан вносит дополнительный оттенок,

определяя *жэнь* как “true manhood” – истинную человечность: «Когда человек действительно является самим собой. <...> Если он хранит верность своему сердцу и испытывает некоторое презрение к искусственности цивилизации» (Линь Юйтан 1938: 19). *Жэнь* – это, во-первых, про отношение к самому себе, и только потом – к другим. Будучи талантливым переводчиком и противником крайностей, он также предупреждает о выборочности данного решения: «В некоторых местах это должно быть передано просто как “добродетель”, точно так же, как *ли* в определенных ситуациях переводится как “ритуал”, “церемония” или “манеры”» (там же). Здесь открывается следующий пример его переводческого новаторства – в передаче категории *ли* как “good manners” – хорошее поведение: поступки человека, помимо соответствия порядку, должны обладать «хорошим» состоянием сердца, действия «ради галочки» не отвечают требованиям о *ли*. «Хорошее поведение» важно не только в плоскости межличностного, то есть на «горизонтальном» уровне, – оно вселенски функционально, имеет потенцию к регуляции «вертикальных» отношений между Небом и Землей. Линь Юйтан приводит слова Конфуция: «В искусстве управления *ли* стоит на первом месте. Это средство, с помощью которого мы устанавливаем формы поклонения, позволяющие правителю, с одной стороны, предстать перед духами Неба и Земли при жертвоприношениях, а с другой – средство, с помощью которого мы устанавливаем формы общения при дворе и чувство благочестия или уважения между правителями и управляемыми» (Линь Юйтан 1959: 96). Реальным воплощением *ли* стало учение о *сяо*, чаще переводимое как «сыновняя почтительность» [Мартьянов 2001: 31], однако у Линь Юйтана оно – «хорошее воспитание»: «Я не знаю, почему *сяо* переводится таким громоздким способом. *Сяо* – просто означает быть хорошим сыном или хорошей дочерью. Конфуцианство обеспечивает мотивацию жизни не для того, чтобы человек стал хорошим человеком абстрактно, а, скорее, в конкретных терминах – быть хорошим сыном, хорошим братом, хорошим дядей или хорошим дедушкой» (Линь Юйтан 1959: 100).

Таким образом, Линь Юйтан акцентирует нацеленность конфуцианства на разделения: «вертикально» – в разделении мира на Великую Триаду «небо – земля – человек», с подчеркиванием особенной роли последнего, а на уровне межличностном, «горизонтально», – в разделении общества на «общее – частное», «старшее – младшее», с обязательным насаждением культуры «шан-ся» (верхнее – нижнее) и подчинением меньшего большему.

Подобная философия задает совершенно иной характер определения литературы как «городской», когда во внимании – осознание человеком своего привилегированного положения в мире (между небом и землей), дающее позитивную мотивацию для взаимодействия с «нижним», с землей, но и призывающее жертвовать личным ради общего. Так, даже при наличии в произведении образов «деревни», сельского быта, если в нем подчеркивается антропоцентризм, исключительность человечества в духе: «Вы можете изменить мир!», и в то же время, в контексте социума, если коллективное превалирует над индивидуальным и значимость последнего воспринимается только в подчинении общине, то, по мысли Линь Юйтана, читатель имеет дело с «конфуцианской» (равно – «городской») литературой. Примером тому можно назвать творчество китайских писателей Левого крыла 1930–1940-х гг., утверждавших смысл и миссию словотворчества именно в ключе «городского конфуцианства», то есть в служении нуждам общества, как и Лу Синь, флагман данного движения, воспринимал свой «талант пера» – в первую очередь как оружие для защиты и спасения Китая.

Линь Юйтан и «деревенский» даосизм

«Конфуцианство ставит на первое место социальный статус и пристойное поведение, оно отстаивает умеренность и цивилизованность, тогда как даосизм воспеваает возврат к природе, отвергает и умеренность, и человеческое общество с его цивилизованностью», – говорит Линь Юйтан (Линь Юйтан 2010: 117), отмечая, что каким бы притягательным и полезным социуму ни было учение Конфуция, оно всё же оказывается неполноценным для нормальной жизни отдельного человека: «Можно ужасно устать от Разума; по-настоящему рациональное общество, в котором человек всегда действует в соответствии с разумом, может быть скучным для взрослого человека. <...> У человека есть чувства, а иногда и небезосновательные мечты» (Линь Юйтан 1959: 105). Конфуцианский идеал «механизированного» общества уподобляется им семейству муравьев или рою пчел, которое должно было быть-таки сбалансировано даосизмом, сыгравшим спасительную роль в сохранении «китайской специфики», автор подкрепляет это значение примером сравнения с историей развития Европы: «В одном Восток и Запад вели себя одинаково: за рационализмом последовал романтизм. В Китае реакция романтизма на конфуцианский рационализм и ритуальный этикет проявилась в форме даосизма Лао-цзы и Чжуан-цзы. Романтизм был неизбежной психологической реакцией против чистого разума. <...> К счастью

для Китая, китайцы наполовину были даосами» (Линь Юйтан 1959: 105).

Линь Юйтан подчеркивает религиозный характер даосизма, называя Чжуан-цзы «глубоким религиозным мистиком» (в то время как Конфуций – лишь педагог и философ) и утверждая центральной осью учения трансцендентное Дао: «Великий, активный принцип, стоящий за всеми явлениями, абстрактный принцип, который порождает все формы жизни и который, как великая вода, текущая повсюду, приносит пользу всем вещам и не приписывает себе никакой заслуги. Дао безмолвно, всепроникающе и описывается как “ускользающее, неуловимое”, невидимое, но всемогущее. Будучи источником всего, это также принцип, к которому в конечном итоге возвращаются все проявленные формы жизни» (там же: 120). Подобная онтология предлагает человеку модель цельного видения мира как единого Творения, со всеми видимыми и невидимыми его составляющими, даже конфуцианской Триады, – всё из Дао.

Цельное мировосприятие проявляется в *инклюзивном* способе мышления, то есть стремлении в частном видеть общее, что сильно отличается от конфуцианского *эксклюзивного* способа мышления, разделяющего общее на частное, – для Линь Юйтана последнее чрезвычайно напоминает привычки западного склада ума, выпестованного аристотелизмом, который «рождается с ножами в мозгу», пытаясь все подвергнуть анализу и расчленению: «...оружие логики было слишком острым, оно разрезало почти все, с чем соприкасалось, и оскорбляло истину, которая всегда была цельной» (там же: 105). Мир же в глазах даоса – не более чем движущиеся по кругу различные формы одного Дао, в своей противоположности они уравнивают друг друга и приходят к слиянию в конечной фазе, оказываясь крайне взаимозависимыми. Подобное мировосприятие нашло выражение в разных культурных достижениях Поднебесной, например в формировании законов китайской живописи, где «даосские космологические принципы передачи целостности единства мироздания при помощи изображения частного в виде отдельных сегментов сыграли определяющую роль» [Лебедев 2017: 199]. Нарушение данной гармонии является причиной проблем не только на уровне биологического существования человека, но даже государства и мира в целом: «По мнению Лао-цзы, человеческая глупость начинается с разрушения первоначального единства вселенной и проведения различия между добром и злом, уродством и красотой» (Линь Юйтан 1959: 123).

Предвидение целостности мира, попытка увидеть ее при помощи инклюзивного типа мышле-

ния, при этом невозможность познания в полноте вынуждают даоса признать ограниченность человека, неспособность его разума и «языка выразить Абсолют, поскольку каждый раз, когда мы пытаемся выразить словами какой-то аспект жизни или Дао, мы неизбежно разрезаем его, и разрезая, теряем понимание истины, бесконечно, невыразимого» (там же: 138), как гласят и первые строки даосской «библии»: «Дао, выраженное словами, – не есть истинное Дао» (Лао Цзы 2020: 11). Вера в тщетность человеческих аргументов ведет к малословности учителей даосизма, и далее – к значительно меньшему объему корпуса источников учения (в сравнении с конфуцианским наследием), однако противоположно лаконичности вдруг возрастает семантическая насыщенность сказанного, появляются «игры слов», магия парадоксов, чудеснейшая образность: «Если какой-либо китайский мудрец и отличался умением говорить пословицами, то это был Лао-цзы, а не Конфуций. Каким-то образом афоризмы Лао-цзы передают волнение, которого не может достичь конфуцианский банальный здравый смысл» (Линь Юйтан 1948: 4).

Негативным моментом подобного мышления, по мнению автора, является пугающая неопределенность всего, связанная с постоянной изменчивостью Дао: «Ограниченность во всех отношениях – это состояние, которое удерживает нас посередине между двух крайностей. <...> Мы плывем внутри огромной сферы, постоянно дрейфуя в неопределенности. <...> Когда мы думаем привязаться к какой-либо точке, она колеблется и покидает нас; если мы последуем за ней, она ускользнет от нашего понимания, пройдет мимо нас и исчезнет навсегда. Нам ничего не останется. Это наше естественное состояние, но оно в высшей степени противоречит нашим склонностям; поскольку мы горим желанием найти твердую почву и надежный фундамент, на котором можно построить башню, достигающую Бесконечности. Но весь наш фундамент трескается, и земля разверзается в пропасть» (Линь Юйтан 1959: 137).

Писатель называет Лао-цзы «языческим учителем кротости и смирения», проповедовавшим невмешательство, непротивление, который «предостерегал от применения силы не только потому, что не верил в нее, но и потому, что считал применение силы симптомом слабости» (там же: 126), тем не менее и он мог проявлять враждебность по отношению к доктринам конфуцианства, учениям о справедливости, ритуала и т. д. В этом плане воинственным нравом отличился другой учитель даосизма, о котором Линь Юйтан пишет: «Чжуан-цзы – мой любимый. <...> Несомненно, он был величайшим мастером прозы классического Китая; в то же время, по моему

мнению, он был величайшим и самым глубоким философом, которого произвел Китай» (там же). Разница характеров «отцов» даосизма демонстрируется на примере их отношения к воде, которая для первого была символом мягкости и добродетели поиска смиренного, а для второго – образом колоссальной, но скрытой силы в покое: «Лао-цзы улыбается, а Чжуан-цзы рычит; Лао-цзы сдержанен, Чжуан-цзы – красноречив. Они оба жалеют человеческую глупость, но Чжуан-цзы способен и на едкое остроумие» (Линь Юйтан 1959: 133).

Если в «вертикальном» отношении даосизм рассматривает весь мир и людской род проявлением Великого Дао, то на горизонтальном, «межчеловеческом» уровне, в парадигме «коллективное – частное» даосизм гуманистически утверждает важность последнего: мысли и душа индивида – вот что находится в фокусе внимания. Ну а поскольку жизнь человека имеет смысл уже по факту явления из Дао, следовательно, род его занятий и влияние на общество не могут добавить какой-либо дополнительной значимости, даруя даосу блаженное состояние покоя: «Истинно разумные отбрасывают различия и находят убежище в обычных вещах. Обычные вещи выполняют определенные функции и поэтому сохраняют целостность природы» (там же: 143).

Таким образом, исходя из понимания Линь Юйтаном даосизма, допустимо сделать вывод, что даже если художественное произведение «видимо» имеет отношение к городу, при наличии в нем даосских мотивов оно неизбежно становится частью «деревенской» литературы: через внимание к трансцендентному, сверхъестественному, религиозному или мистическому, в инклюзивном видении всего сущего, говоря же о межчеловеческом – в подчеркивании индивидуального, личного начала; на уровне языка «деревенское» будет отражаться в лаконичности, завуалированности слов и многогранности образов, чтобы читатель, следуя за красотой слога, мог лишь догадываться о мыслях и идеях автора, всегда оставаясь в дистанции от познания абсолютного. Примерами подобной литературы можно назвать традиционно даосские произведения Пу Сунлина или Су Дунпо, из современных же писателей – творчество обладателя Нобелевской премии по литературе 2012 г. Мо Яня: его работы крайне по-даосски педалируют индивидуальность «китайского духа» в масштабах людского рода, будь то в содержательной части или витиеватости манеры изложения. Как пишет востоковед С. А. Торопцев: «У него гармонично переплетаются реальность и условность, быт и традиция с ее мифологией и магией, <...> его проза окутана флером абсурдной загадочности» [Торопцев 2013: 9].

«Клубок противоречий»

Примечательно, что мировоззрению Линь Юйтана преимущественно приписывались даосские черты, в качестве подтверждения приводилось внимание писателя к женским образам, акцент на индивидуальном, любовь и тяга к природе (воспоминания детства о горах провинции Фуцзянь, о доме у горы Янмин в пригороде Тайбэя, в саду которого писатель был похоронен в 1976 г.). Исследователь Се Пэйянь пишет, что у Линь Юйтана был «путь развития, отличный от китайского народа и даже китайской интеллигенции того времени, давший ему уникальное представление о китайской культуре. Он один воспринял даосскую культуру, которая была забыта или даже отвергнута в то время, он следовал даосскому духу на протяжении всей своей жизни» [Се Пэйянь 2021: 355]. Один из пионеров континентального линьютановедения Чэнь Пинъюань отмечает: «Только благодаря тому, что он ухватился за Лао-цзы и Чжуан-цзы, Линь Юйтан наконец нашел то, в чем он так сильно нуждался – “корне” китайской культуры. Имея основанием даосизм, лишь таким образом Линь Юйтан смог встать на ноги, взглянуть на культуру Китая и Запада, объединить в одно экспрессионизм, теорию души, юмор, досуг и др., создать независимую художественно-теоретическую систему» [Чэнь Пинъюань 1986: 115].

Возможно, «даосские повадки» писателя стали одной из причин его неприятия со стороны современников, в основном «коллег по цеху» из Левого крыла, а также литературоведов, осмысливавших литературу в конфуцианском ключе – в ее социальной дидактической функции. К примеру, критика Линь Юйтана авторитетными и влиятельными Лу Синем, Го Можо, Тянь Ханем и др. часто базировалась на аргументах об «оторванности его творчества от нужд страны, игнорировании им социальных и политических проблем, страсти к изучению наследия феодального Китая и проповеди юмора с досугом вместо призыва к борьбе с несправедливостью» [Цзы Тун 2002: 327]. Литературовед Ху Фэн пишет: «Развитие личности может происходить только после получения определенных предпосылок. Неудача литературного творчества Линь Юйтана произошла именно потому, что он ориентировался на духовность свободы и досуга отдельного индивида, игнорируя социальную основу» [Ху Фэн 1935: 15]. Между тем оглушительный мировой успех книги «Китайцы. Моя страна и мой народ», отъезд с семьей в США в 1936 г. на почти 30-летний срок и переход творчества на английский язык, образование КНР в 1949 г. с сопутствующими идеологическими и культурными преобразованиями, «дружба» Линь Юйтана с Чан Кайши – всё повлияло на то, что он оказался «закрытым» для континен-

тального Китая, а изучение его творчества – под неофициальным запретом вплоть до 1979 г.

По иронии, его труды изобилуют конфуцианскими мотивами, с той разницей, что они не ограждаются Великой Китайской стеной, а по-конфуциански, с позиций антропоцентризма, эксклюзивно, говорят о человечестве в целом, о нуждах людей всего мира, поднимая вечные вопросы человека, какой бы национальности он ни был. Линь Юйтан чрезвычайно социально ориентирован: соотечественникам пишет на китайском, для Запада – на английском; впечатляет несовместимый с даосской лаконичностью объем его творческого наследия, масштаб направленности, среди которых художественные сочинения, философские эссе, научные статьи по лингвистике, учебники по педагогике, издание журналов и т. д. В его трудах повсеместно сквозит тема города, даже «главный» его роман, за который он был номинирован на получение Нобелевской премии по литературе в 1975 г., – «Момент в Пекине» – уже в названии вводит образ города. Необходимо подчеркнуть терминологическую точность его определений, он далек от туманных, скрытых смыслов, игры слов, но прямодушен в отношении читателя и желает привести его к пониманию абсолютного. К сожалению, в своей открытости он часто то наталкивался на стену непонимания, то давал обильную пищу для атак критически настроенным литераторам.

Очевидно, творчество Линь Юйтана имеет как даосскую «деревенскую» направленность, так и конфуцианскую «городскую», и любые попытки склонения его к той или иной философской школе Китая могут найти серьезные аргументы против. Данная неопределенность связана с проблемой, прочно закрепившейся в линьютановедении и обозначаемой как «клубок противоречий» Линь Юйтана. Суть ее сводится к тому, что представляется чрезвычайно затруднительным определить точку опоры его мировоззрения, сложно сказать что-либо однозначное не только в плане его позиции к конфуцианству или даосизму, но даже на глубинном уровне человеческого сознания, связанного с религией и верой: стал ли он христианином, как утверждает в своей книге-исповеди «От язычника к христианину», или всё же остался язычником?

«Клубок противоречий» писателя также поднимает вопрос о принципах герменевтики: путаница в толковании канонических текстов может возникнуть в как в результате личного субъективизма исследователей, так и по причине давления исторической данности, которое имело место на всем протяжении истории Поднебесной: «Китайская историография есть грандиозная, фантастическая манипуляция и фактами, и системами» [Алексеев 2002: 468].

Заключение

На основании проведенного исследования можно утверждать, что тезис Линь Юйтана «Конфуцианство – больше городская философия, а даосизм – деревенская» предлагает большое пространство для иного осмысления концептов «города» и «деревни», разделение которых происходит не столько в плане их отношения к природе, цивилизованности или индустриальной развитости человеческих обществ, сколько в фундаментально разном понимании смысла бытия: человекоориентированное конфуцианство стремится создать гармоничное, цивилизованное общество, выделяя и превращая в потенциальный город любое поселение, пусть даже ценой жертвы индивидуального, а даосизм направлен на слияние с природой, на подчеркивание исключительности каждой жизни, и человеческой в том числе, как проявления Великого Дао.

Применительно к литературе присутствующее в произведениях «акциденции» города или деревни в «городском конфуцианстве» играют «позитивную» роль, выполняют «инструментальную» функцию, чтобы герой постиг смысл своей жизни в связи с ними и применительно к ним, через деятельность или отношения с людьми, в конечном счете – ради блага общества и мира. Для «деревенского даосизма» характерно то, что даже при наличии образов города и благ цивилизации они будут служить «отрицательным» фоном, являясь своего рода «испытанием» для героя, чтобы он без связи с чем-либо или кем-либо стремился к постижению великого, безмолвного Дао, и на этом пути в фокусе – лишь его индивидуальность, душа, его чувства и мысли.

Что касается философских предпочтений Линь Юйтана, имеющиеся наработки показывают наличие неясности в данном вопросе: часть аргументов говорят о его «симпатии» к даосизму, но вместе с тем в самом стиле писателя присутствует множество конфуцианских черт. Подобная неопределенность, в соответствии с тезисом «Конфуцианство – больше городская философия, а даосизм – деревенская», делает невозможным установить и «сущность» его художественного творчества: «городское» оно или «деревенское»? Данные трудности являются следствием «клубка противоречий» – проблемы, предел которой литературоведами ограничивается рамками философии. Мы же предполагаем, что ее «корни» находятся глубже философского уровня и сокрыты в религиозном мире Линь Юйтана, что обуславливает необходимость проведения исследовательской работы с комплексных позиций.

Список источников

Линь Юйтан. From Pagan to Christian [От язычника к христианину]. New York: Cleveland, World Publishing Company, 1959. 251 с. (на англ. яз.).

Линь Юйтан. Wisdom of Confucius [Мудрость Конфуция]. New York: Modern library, 1938. 290 с. (на англ. яз.).

Линь Юйтан. Wisdom of Laotse [Мудрость Лао-цзы]. New York: Modern Library, 1948. 326 с. (на англ. яз.).

Линь Юйтан. Китайцы: Моя страна и мой народ / пер. с кит., предисл. Н. А. Спешнева. М.: Вост. лит. РАН, 2010. 335 с.

Лао Цзы. Дао дэ цзин. Книга пути и достоинства / пер. Д. Кониси. М.: Изд-во АСТ, 2020. 102 с.

Список литературы

Алексеев В. М. Труды по китайской литературе. В 2 кн. / Кн. 1. М.: Вост. лит., 2002. 574 с.

Ветлужская Л. Л. Роль Конфуция в период кампании Критики Линь Бяо (1973–1975 гг.) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 10 (ч. 5). С. 910–912.

Дикарев А. Д., Фань Сюэсун. Древнекитайская философия на службе внешней политики КНР: директивы и трактовки // Полис. Политические исследования. 2023. № 5. С. 106–119. doi: 10.17976/jpps/2023.05.07.

Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и ком. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова, при уч. В. М. Майорова. М.: Вост. лит., 2004. 431 с.

Косиков Г. К. Зарубежное литературоведение и теоретические проблемы науки о литературе / Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Тракаты, статьи, эссе. М.: Изд-во МГУ, 1987. С. 5–38.

Лебедев Н. С. Дао и современность // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2017. Т. 23, № 3(165). С. 197–203.

Мартынов А. С. Конфуцианство. Лунь юй. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. 368 с.

Торопцев С. А. Писатели востока – лауреаты нобелевской премии. Приложение 1. М.: Ин-т Востоковедения РАН, 2013. 20 с.

Шабанова Х. С., Бобкова Е. А. Литературный процесс как пространство диалога городской и деревенской культур // Филологические ведомости. 2016. № 1. С. 62–66.

Юркевич А. Г. Конфуцианское «Четверокнижие» в концептуальном видении российских си-

нологов // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 1 (11). С. 200–208.

Лю Ихуа. Поэтика Линь Юйтана и его межкультурная коммуникация. Пекин: Литература социальных наук, 2017. 273 с. 刘奕华. 诗性林语堂及其跨文化传播. 北京: 社会科学文献出版社, 2017. P. 273. (Liu Yihua. Shixing Lin Yutang jiqi kuawenhua chuanbo. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2017. P. 273.)

Се Пэйянь. Краткий анализ даосского духа Линь Юйтана, отраженного в «Мудрости Конфуция» // Материалы 14-го последилового академического семинара факультета иностранных языков и литературы Сямэньского университета. Материалы 14-го аспирантского научного семинара факультета иностранных языков Сямэньского университета и 4-го докторского форума по иностранным языкам и литературе. Сямынь: Изд-во Сямыньского университета, 2021. С. 351–362. 谢沛妍. 浅析林语堂的道家精神在《孔子的智慧》中的体现. 厦门大学外文学院第十四届研究生学术研讨会, 2021. P. 351–362. (Xie Peiyan. "Qianxi Lin Yutang de daoja jingshen zai 'Kongzi de zhihui' zhong de tixian". Xiamen daxue waiwen xueyuan di 14 ju yanjiusheng xueshu yantaohui, 2021. P. 351–362.)

Ху Фэн. О Линь Юитане // Литература. 1935. № 4(01). С. 9–24. 胡风. 林语堂论. 文学. 1935, 4 (01). P. 9–24. (Hu Feng. Lin Yutang lun. Wenxue, 1935. 4 (01). P. 9–24.)

Цзы Тун. Комментарии к Линь Юитану за 70 лет. Пекин: Китайский Хуацяо, 2002. 476 с. 子通. 林语堂评说 70 年. 北京: 中国华侨出版社, 2002. P. 476. (Zi Tong. Lin Yutang pingshuo 70 nian. Beijing: Zhongguo Huaqiao chubanshe, 2002. P. 476.)

Чэнь Пинъюань. Эстетика Линь Юйтана и культура Востока и Запада // Исследования литературы. 1986. № 3. С. 113–122. 陈平原. 林语堂的审美观与东西文化. 文艺研究. 1986. № 3. P. 113–122. (Chen Pingyuan. Lin Yutang de shenmeiguan yu dongxi wenhua. Wenyi yanjiu. 1986. № 3. P. 113–122.)

References

Alekseev V. M. *Trudy po kitayskoy literature* [Works on Chinese Literature]: in 2 books. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2002, book 1. 574 p. (In Russ.)

Vetluzhskaya L. L. Rol' Konfutsiya v period kampanii Kritiki Lin' Byao (1973-1975 gg.) [The role of Confucius during the Criticize Lin Biao Campaign (1973-1975)]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamentalnykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Basic Research], 2015, issue 10(5), pp. 910-912. (In Russ.)

Dikarev A. D., Fan Xuesong. Drevnekitayskaya filosofiya na sluzhbe vneshney politiki KNR: direktivy i traktovki [The latest foreign policy courses of the PRC in the era of Xi Jinping as a legacy of ancient Chinese ideas: interpretations and guidelines]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2023, issue 5, pp. 106-119. (In Russ.)

Konfutsianskoe 'Chetveroknizhie' ('Sy shu') [Confucian 'Four Books' ('Si Shu')]. Transl. and comm. by A. I. Kobzev, A. E. Luk'yanov, L. S. Perelomov, P. S. Popov with the participation of V. M. Mayorov. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2004. 431 p. (In Russ.)

Kosikov G. K. Zarubezhnoe literaturovedenie i teoreticheskie problemy nauki o literature [Foreign literary criticism and theoretical problems of the science of literature]. *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury XIX-XX: traktaty, stat'i, esse* [Foreign Aesthetics and Theory of Literature of the 19th-20th Centuries: Treatises, Articles, Essays]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Press, 1987, pp. 5-38. (In Russ.)

Lebedev N. S. Dao i sovremennost [Dao and modernity]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* [IZVESTIA Ural Federal University Journal. Series 1 Issues in Education, Science and Culture], 2017, vol. 23, issue 3 (165), pp. 197-203. (In Russ.)

Martynov A. S. *Konfutsianstvo. Lun' Yuy* [Confucianism. Lun Yu]. St. Petersburg, Peterburgskoe vostokovedenie Publ., 2001. 368 p. (In Russ.)

Toroptsev S. A. *Pisateli Vostoka – laureaty Nobel'skoy premii. Prilozhenie 1* [The Writers of the East – Nobel Prize Laureates. Appendix 1]. Moscow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2013. 20 p. (In Russ.)

Shagbanova Kh. S., Bobkova E. A. Literaturnyy protsess kak prostranstvo gorodskoy i derevenskoy kul'tur [The literary process as a space dialogue urban and rural culture]. *Filologické vědomosti*, 2016, issue 1, pp. 62-66. (In Russ.)

Yurkevich A. G. Konfutsianskoe 'Chetveroknizhie' v kontseptual'nom videnii rossiyskikh sinologov [The Confucian 'Four Books' in the conceptual vision of Russian sinologists]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya* [RUDN Journal of Philosophy], 2006, issue 1 (11), pp. 200-208. (In Russ.)

Liu Yihua. *Shixing Lin Yutang ji qi kua wenhua chuanbo* [The Poetics of Lin Yutang and Its Cross-Cultural Communication]. Beijing, Shehui kexue wenxian Publ., 2017. 273 p. (In Chin.)

Xie Peiyan. Qianxi Lin Yutang de daoja jingshen zai 'Kongzi de zhihui' zhong de tixian [A brief analysis of the embodiment of Lin Yutang's Taoist spirit in 'The Wisdom of Confucius']. *Xiamen daxue waiwen xueyuan di 14 ju yanjiusheng xueshu yantaohui* [Proceedings of the 14th Postgraduate Academic Seminar of the School of Fore-

ign Languages of Xiamen University and the 4th Doctoral Forum on Foreign Languages and Literature]. Xiamen, Xiamen University Press, 2021, pp. 351-362. (In Chin.)

Hu Feng. Lin Yutang lun [Lin Yutang's theory]. *Wenxue* [Literature], 1935, vol. 4, issue 1, pp. 9-24. (In Chin.)

Zi Tong. *Lin Yutang pingshuo 70 nian* [Lin Yutang Commented for over 70 Years]. Beijing, Zhongguo huaqiao Publ., 2002. 476 p. (In Chin.)

Chen Pingyuan. Lin Yutang de shenmeiguan yu dongxi wenhua [Lin Yutang's aesthetics and the culture of the East and the West]. *Wenyi yanjiu* [Literature Research], 1986, vol. 3, pp. 113-122. (In Chin.)

Urban Confucianism and Rural Taoism: A 'Tangle of Contradictions' in the Works of Lin Yutang

Alexander V. Dyshenov

Postgraduate Student, Lecturer in the Department of Philology of Far Eastern Countries

Banzarov Buryat State University

24a, Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia. mr.graf3@gmail.com

SPIN-code: 3314-1003

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0053-3184>

Submitted 10 Oct 2024

Revised 28 Apr 2025

Accepted 21 May 2025

For citation

Dyshenov A. V. Gorodskoe konfutsianstvo i derevenskiy daosizm: «klubok protivorechiy» v tvorchestve Lin' Yuytana [Urban Confucianism and Rural Taoism: A 'Tangle of Contradictions' in the Works of Lin Yutang]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 98–106. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-98-106. EDN GLSSQZ (In Russ.)

Abstract. The article studies the perception of the philosophies of Confucius and Lao Tzu through the prism of the concepts of 'urban' and 'rural' by one of the most Westernized writers of China in the 20th century – Lin Yutang. The study is based on the writer's thesis 'Confucianism is essentially an urban philosophy, while Taoism is essentially rural'. Lin Yutang notes differences in the teachings as follows. In the 'vertical plane': Confucianism strives to divide the world (an exclusive type of thinking) and parallelly asserts the special role of man (anthropocentrism), while Taoism promotes a holistic vision of the world (an inclusive type of thinking) and the idea of fusion of man and nature; in the 'horizontal plane' – at the level of the 'interhuman' – Confucianism is focused on the collective, while Taoism is oriented toward individualism. In relation to literature, according to Lin Yutang, it is precisely such a worldview that can serve as a principle in dividing it into 'urban' and 'rural', and not the presence in a literary work of artistic images or 'city-village' themes, linguistic means, etc.

This paper also discusses a unique feature of Lin Yutang's personality and works – the phenomenon of a 'tangle of contradictions', due to which it is impossible to say anything definite regarding the philosophical foundations of his worldview: is he a Confucian or a Taoist? For example, in modern Linxue (Lin Yutang studies) the opinion is widespread about Taoist 'preferences' of the writer. Perhaps not stating clearly his adherence to one of the two teachings the author wanted to express his point of view on the hermeneutic problems of interpreting the canons of ancient teachings, which are influenced not only by the worldview of the researchers but also by objective historical reality.

Key words: Chinese literature; Lin Yutang; Confucianism; Taoism; urban literature; rural literature.

УДК 821.111
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-107-113
<https://elibrary.ru/gsyxzg>

EDN GSYXZG

Валлийская тема в романе Кингсли Эмиса «Старые черти»

Работа выполнена за счет гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан»

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна

к. филол. наук, доцент кафедры зарубежной литературы

Казанский (Приволжский) федеральный университет

420021, Россия, г. Казань, ул. Татарстан, 2. zin-zulya@mail.ru

SPIN-код: 5457-3364

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1616-9911>

ResearcherID: D-3531-2015

Статья поступила в редакцию 30.09.2024

Одобрена после рецензирования 10.02.2025

Принята к публикации 04.06.2025

Информация для цитирования

Зиннатуллина З. Р. Валлийская тема в романе Кингсли Эмиса «Старые черти» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 107–113. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-107-113. EDN GSYXZG

Аннотация. Кингсли Эмис (1922–1995) – английский писатель второй половины XX в., входящий в группу «рассерженных молодых людей» (Angry Young Men), главной темой творчества которых был протест молодого героя против существующих общественных норм и устоев. Однако его поздний роман «Старые черти» (“The Old Devils”, 1986) затрагивает совершенно другие проблемы и имеет иную тональность. Действие романа происходит в маленьком городке в Южном Уэльсе, почти все главные герои – пожилые люди и являются валлийцами. Использование образа Уэльса в данном случае закономерно, так как, с одной стороны, Эмис здесь следует за Джоном Уэйном, который обращался к образу Уэльса в своем романе «Зима в горах» (“A Winter in the Hills”, 1970). С другой стороны, писатель был хорошо знаком с культурой Уэльса, в частности, с творчеством валлийского поэта Дилана Томаса, который стал прототипом многократно упоминаемого в романе вымышленного поэта Бридана. Сам Уэльс представлен в «Старых чертях» в качестве симулятивного пространства, лишенного аутентичности и превращенного в большой туристический аттракцион. Воплощением такого Уэльса в романе становятся Бридан, который возведен в культ в регионе, а также его двойник Алун Уивер, для которого валлийскость становится инструментом увеличения своей медийности. В романе Кингсли Эмис играет с распространенными среди англичан стереотипами, связанными с валлийцами, такими как пьянство, жадность и приверженность традициям. В то же время сами герои-валлийцы иронизируют над ними, доводя их до абсурда.

Ключевые слова: «внутренний» другой; валлийскость; Кингсли Эмис; стереотип; национальный характер.

Кингсли Эмис – британский писатель, мастер сатиры [Jones 1985], известный прежде всего как один из представителей «рассерженных молодых людей» (“Angry Young Men”), которые создали знаковый персонаж своего времени (“young men with all or a substantial part of a university education and of financially difficult middle-class and proletarian backgrounds” [Kroll 1959: 556]) и которых исследователь Д. Джеймс назвал “northern regionalists” [James 2008: 42]. В своих произведениях Эмис часто обращается к типичной для этой группы писателей сюжетной ситуации протеста героя против существующего миропорядка: «Термин “рассерженные молодые люди” был придуман для описания авторов и драматургов, таких как Джон Осборн, Джон Брейн и Кингсли Эмис, как радикально настроенных интеллектуалов, которые выступали против британского истеблишмента и консервативных элементов общества того времени, а также главных героев их произведений – недовольных, отчужденных молодых людей, принадлежащих к низшему слою среднего и рабочего классов» [Дичковская, Сулима 2018: 442].

Однако в более поздних работах К. Эмиса появляются новые темы и нехарактерные для ранних произведений образы. В этой связи особо выделяется роман «Старые черти» (“The Old Devils”, 1986), за который писатель был награжден Букеровской премией. Его главные герои – уже не молодые люди, бросающие вызов миру, а респектабельные пожилые мужчины и женщины, для которых более актуальными являются проблемы со здоровьем, а также неумолимое приближение смерти, что заставляет их всё чаще задумываться о прожитой жизни.

Действие данного произведения происходит в небольшом городке Уэльса и непосредственно связано с валлийской тематикой. В этой связи надо отметить, что национальный аспект уже затрагивался в романе К. Эмиса «Счастливчик Джим» (“Lucky Jim”, 1954), где главный герой нарушал устои общественного порядка, «условности британской культуры» [Crowley 2019: 53], а также английскости [Макурин 2017]. Интерес писателя к Уэльсу можно объяснить несколькими причинами. В первую очередь, сказалась социально-политическая ситуация. Так, референдум за создание собственного парламента (1979 г.), Закон о гражданстве Великобритании (1981 г.), согласно которому «владение валлийским языком, наряду с английским или шотландским, – достаточное условие соблюдения критерия знания языка при натурализации» [Абрамова, Ощепкова 2012: 35], привели к укреплению этнического самосознания, росту популярности валлийского языка [What is Cymdeithas yr Iaith],

что, в частности, вылилось в запуск валлийского телеканала в 1982 г. [Жерновая 2011: 41].

Во-вторых, на наш взгляд, Уэльс во многом стал «удобным» пространством для рефлексии (в данном случае сатирической) на тему трансформации идентичности в современном мире. Уэльс традиционно рассматривается как патриархальная сельская территория с сильными культурными корнями, что проявляется в том, что валлийцы в большей степени нацелены на сохранение своей культурной самобытности и языка, что отражается в ряде нормативных актов, принятых во второй половине XX в. Здесь мы согласимся с историком Н. Ф. Шестаковой, которая утверждает: «Тем не менее, в связи с серьезной экономической зависимостью Уэльса от английского соседа, валлийцы в дальнейшем будут вести борьбу все же только за автономию края в составе королевства, за сохранение родного языка и национальной идентичности. Эта борьба будет продолжаться вплоть до начала процесса деволюции в Великобритании и учреждения в 1997 г. Национальной Ассамблеи Уэльса» [Шестакова 2018: 242–243]. Поэтому на его жителях сильнее всего сказываются происходящие в обществе изменения, что на самом деле отражает более широкие социальные процессы, охватившие Уэльс и Великобританию в целом.

В-третьих, несомненно влияние на К. Эмиса писателя Джона Уэйна, также входившего в группу «рассерженных молодых людей». Он был непосредственно связан с Уэльсом и еще в 1970 г. написал роман «Зима в горах» (“A Winter in the Hills”), действие которого происходит на этой территории¹. На наш взгляд, «Старые черти» К. Эмиса в определенном смысле является сатирическим переосмыслением данного романа, так как если в произведении Уэйна представлены некие идеализированные образы валлийской провинции и ее жителей, то Эмис иронизирует над всеми стереотипами, которые связаны с Уэльсом и валлийцами, доводя их до абсурда. Надо отметить, что это традиционная для английской литературы ситуация, которая возникла еще в эпоху Возрождения [Brown 2000; Bohata 2009].

Четвертой причиной обращения к этой локации можно назвать влияние творчества валлийского поэта Дилана Томаса (1914–1953). Известно, что Эмис писал критические статьи, посвященные его произведениям, однако не был слишком высокого мнения о них, называя автора “ranting, canting Thomas the Rhymer” [Amis 1955: 227]. Тем не менее именно он в итоге стал прототипом героя Бриадана в романе «Старые черти»: “In 1986 in *The Old Devils* Amis modelled his fictional Brydan on Dylan Thomas; the same year, however, despite his declared hostility towards

Thomas, he became a trustee of the poet's Literary Estate" [Ksiazek 2000: 101]. Таким образом, мы можем говорить, что обращение Кингсли Эмиса к образу Уэльса не случайно и служит целому ряду писательских задач.

Сюжет романа построен вокруг нескольких семейных пар, знакомых друг с другом еще с молодости и сохраняющих полудружеские, полупрезрительные отношения до зрелого возраста. Стимулом развития сюжета становится переезд «дорогущего медийного валлийца» Алуна со своей женой Рианнон в Южный Уэльс, где живут остальные герои: Питер и Мюриэль, Перси и Дороти, Малкольм и Гвэн, Чарли и Софи, и др. В романе сделан большой акцент на месте действия, неслучайно одними самых частотных слов становятся «валлийский», «валлиец». Однако сам образ Уэльса весьма карикатурен. Сатирический подход К. Эмиса позволяет ему одновременно высмеивать своих персонажей и сочувствовать им, а также в ироническом ключе переосмыслить рост национального самосознания, произошедшего в регионе в 1980-е гг. [Bentley 2008]. В частности, писатель критикует нарочитый акцент на аутентичности, так как, по его мнению, это не является настоящим «валлийским духом»: валлийское радио, которое никто не слушает, книги на валлийском языке, которые никто не читает, и т. д. Он в своем романе высмеивает попытку создать из Уэльса симулятивное пространство, «национальный парк», когда место превращается в своеобразный набор стереотипных достопримечательностей, но лишается своей сущности. Это проявляется как в деталях (например, практически все бары имеют названия, отсылающие к валлийской истории: «Глендоуэр», «Принц Уэльсский» и т. д., хотя могут принадлежать индийцам или арабам), так и в отношении ко всему в целом. Мы видим, что для местного населения всё, что связано с Уэльсом, не имеет значения само по себе, а важно лишь как способ получения прибыли: "You have to do it in a way," said Charlie. "People are getting to expect it. We only do it on Fridays anyway, Fridays and St David's Day. And it isn't compulsory even then. Which is decent of us because it's pretty nasty, unless you happen to have a taste for chicken in honey" [Amis 1987: 61]. Даже валлийский язык используется только для привлечения туристов, тогда как сами местные жители с трудом на нем говорят: "At this point something terrible happened to Charlie's brain. Pugh went on speaking in just the same way as before, with no change of pace or inflection, but Charlie could no longer distinguish any words, only noises. His eyes swam a little. He stepped backwards and trod heavily on someone's foot. Then he picked out a noise he recognized and nearly fell over the other way with relief. It had not been fair to

expect an old soak whose Welsh vocabulary started and stopped with *_yr_* and *_bach_* and to recognize the rubbish when it came at him unheralded in an American accent" [ibid.: 81]. Это же касается Бридана, вымышленного валлийского поэта, который, как мы понимаем, в романе является самой известной валлийской личностью за пределами региона. Использование имени Бридана в романе доведено до абсурда: каждая валлийская деревушка пытается связать себя с ним, создавая музеи, открывая памятник и организуя экскурсии. В то же время сам писатель иронизирует над подобным отношением: "...the Brydan Complete Poems. Out of simulated personal need as well as feigned piety he took the lastmentioned volume with him everywhere he went within reason, pointless at best this trip perhaps with only Charlie and Sophie and possibly Peter to bowl over, but there it was" [ibid.: 209]. Поскольку образ Бридана восходит к валлийскому поэту Дилану Томасу, можно говорить о том, что Эмис сознательно демифологизирует образ «валлийского барда», лишая его сакрального колорита. Однако самым карикатурным образом в романе становится Алун Уивер, своеобразный двойник и последователь Бридана, сочетающий в себе черты трагического и комического персонажа [Музыченко 2023]. Он тоже поэт, однако менее успешный в творчестве, но сумевший хорошо представить себя в СМИ. Несмотря на то что именно вокруг его возвращения в Уэльс организован сюжет произведения, он появляется на страницах романа не с самого начала. До этого мы видим его глазами друзей молодости, которые отзываются о нем весьма неоднозначно: "I realize he's on television quite a lot, though we don't usually get it in Wales, and when anyone wants a colourful kind of stage- Taffy view on this and that then of course they go to him. With a bit of eloquent sob-stuff thrown in at Christmas or when it's dogs or the poor. He's the up-market media Welshman. Fine. I can take him in that role, just about. But as for Alun Weaver the writer, especially the poet... I'm sorry" [Amis 1987: 14]. Сам Алун представлен как довольно прагматичный, серьезный, но в то же время эгоистичный и лицемерный человек. Для него валлийскость – лишь способ популяризировать свое имя и тешить свое самолюбие. Так, он ведет себя довольно высокомерно со своими поклонниками, которые с ним заговаривают, но пытается угодить чиновникам; ему лестно, что журналисты часто к нему обращаются, однако понимает, что не создал чего-либо значимого. Он становится воплощением своеобразной «псевдоваллийскости». Неслучайно, что именно после смерти Алуна в романе прекращаются все разговоры о валлийскости. Более того, один из героев отмечает: "Never much cared, myself, for people who laid it on thick about

the Welsh heritage and all that” [ibid.: 286], как бы артикулируя позицию автора о том, что настоящая валлийскость заключается совершенно не в этом.

Такой же критике подвергается в романе отношение к культуре, в частности литературе Уэльса. Так, в романе высмеивается использование современными авторами образа барда, в качестве которого в определенной степени позиционируют себя и Алун, и Питер. Однако оба они находятся в кризисе и не способны создать что-то значимое. Это становится своеобразным олицетворением ситуации, в которой находится вся валлийская литература: Эмис критикует авторов за то, что они пытаются использовать прошлые достижения, при этом неспособны создать что-то значимое и оригинальное сегодня. Даже Бридан, воплощение валлийской литературы в романе, писал по-английски и практически не знал родного языка, что подчеркивает зависимость всего Уэльса от Англии как в культурном, так и в политическом смысле.

Еще одним аспектом раскрытия валлийской темы в романе становится обращение к стереотипам, связанным с валлийцами. Самым ярким из них становится любовь валлийцев к алкоголю: «Англичане нередко смеются над тягой валлийцев к выпивке, пусть и не в таких огромных объемах, как у безудержных шотландцев» [Рыхтик, Жерновая 2011: 157]. Вероятно, поэтому основная деятельность героев на протяжении всего романа связана с посещением разных заведений и употреблением там алкогольных напитков. Тем не менее это, скорее, служит фоном для основной деятельности героев и больше воспринимается как необходимый ритуал, чем основная цель.

Еще один стереотип, обыгрываемый в романе, – жадность валлийцев. Этот стереотип также доведен до абсурда, так как писатель подчеркивает, что любая деятельность в Уэльсе, начиная с магазинчиков на пляже и заканчивая открытиями памятников, нацелена на получение денег. Яркой демонстрацией этого стереотипа также становится эпизод, когда Гарт приглашает друзей к себе домой выпить, а потом выставляет счет за напитки. Вместе с этим в произведении обыгрывается и стереотип о лживости валлийцев. При этом Эмис сознательно играет с гетеро- и автостереотипами, которые, согласно исследователю Л. Ф. Хабибуллиной, являются основой «коллективной национальной идентичности» [Бреева, Хабибуллина 2020: 7]. Так, часто герои сами иронизируют над теми качествами, которые приписываются им как носителям валлийского сознания: “But one thing he did notice, did my chum. The fellow, the Welsh fellow, kept using a

word that sounded like the English word truth. As in veracity, honesty and such. There'd be a flood of bongo-bongo chatter, and then, suddenly, truth, and then more monkey language. Apparently, when he asked afterwards, apparently it was, it had been, the English word he'd used. Why not use a Welsh word, he asked him. Well, he said,' and Muriel's accent shifted again to the Gulf of Guinea, 'there isn't a Welsh word with the same connotations and the _force_ of the English word. And if that isn't funny enough for you, he said, there is a Welsh word _truth_, same word, spelt the same anyhow, and it means falsehood. Mumbo-jumbo. As you well know. Talk about coming out in the open. I've often meant to check that in a Welsh-English dictionary. After all there must be such things. Just a matter of knowing where to look” [Amis 1987: 179]. Уже в этом отрывке демонстрируется то, что сами валлийцы в курсе всех представлений о себе, однако не воспринимают их всерьез. Более того, например, Томас предлагает организовать «антиваллийское братство» (*“Anti-Welsh Brotherhood”*), куда могут вступить только «настоящие» валлийцы, подчеркивая таким образом ироничное отношение валлийцев к себе в целом.

Следующий стереотип, связанный с валлийцами, – это приверженность традициям, которая чаще всего выражается в том, что они изображаются как сельские жители, придерживающиеся архаичных взглядов [Bohata 2004; Colley 1992; Pryke 1999]. В романе это проявляется лишь во внешних деталях: переделанные интерьеры домов, блюда, мероприятия и т. д., используемые для привлечения туристов. На самом деле из архаики практически ничего не осталось, а стремление персонажей соответствовать образу добропорядочных валлийских семейств делает их глубоко несчастными, и только после смерти Алуна, когда они отказываются от своей «внешней» валлийскости, герои обретают счастье, пусть даже в тех обстоятельствах, которые могут осуждаться другими. Так, Мюриэль возвращается в Англию, Питер переезжает к Рианнон, а Малкольм отказывается от своих претензий быть наследником Бридана и начинает новую поэму.

Таким образом, Кингсли Эмис в своем романе играет с существующими стереотипами о валлийцах, гиперболизируя их. Он представляет героев, которые много говорят о валлийскости, иногда играют в валлийцев, однако изначально лишены каких-либо национальных характеристик. Кроме того, он критикует попытку создать образ ненастоящего Уэльса, своеобразного симулякра, состоящего из неаутентичных достопримечательностей, в частности, доводя до абсурда использование валлийских прецедентных образов и знаков.

Примечание

¹ Подробный анализ валлийского компонента в этом произведении представлен в нашей работе [Зиннатуллина, Хайбуллина 2018: 175–187].

Список литературы

Абрамова Е. И., Ощепкова В. В. Англо-валлийские культурно-языковые контакты и их влияние на формирование языковой ситуации в Уэльсе // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. 2012. № 6. С. 33–44.

Дичковская Е. А., Сулима Д. В. Феномен «рассерженных молодых людей» в британской литературе XX столетия // Актуальные проблемы гуманитарного образования: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 18–19 окт. 2018 г.). Минск: БГУ, 2018. С. 440–446.

Жерновая О. Р. Этнокультурная идентичность Уэльса в современном Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии // Язык и культура. 2011. № 3. С. 35–44.

Зиннатуллина З. Р., Хайбуллина А. А. Валлийский мир в романе Дж. Уэйна «Зима в горах» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 160, № 1. С. 175–187.

Макурин А. Е. «Английскость» в романе Кингсли Эмиса «Счастливчик Джим» // Инновационные технологии в области гуманитарных наук: сб. науч. тр. Хабаровск: Эвенсис, 2017. С. 11–14.

Музыченко А. С. Британская сатирическая традиция в романе П. Х. Джонсон «Невообразимый Скиптон»: преемственность и индивидуальность // Культура и безопасность. 2023. № 2. С. 53–61. doi 10.25257/KB.2023.2.53-61

Рыхтик М. И., Жерновая О. Р. Влияние этнического фактора на культурную и языковую идентичность валлийцев в современных английских шутках и анекдотах // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 2(8): в 3 ч. Ч. I. С. 151–157.

Хабибуллина Л. Ф., Бреева Т. Н. Национальный миф в художественной литературе. М.: ФЛИНТА, 2020. 500 с.

Шестакова Н. Ф. Историческая память Уэльса (конец XV – начало XX вв.): основные этапы и механизмы конструирования: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2018. 287 с.

Amis K. *The Old Devils*. New York: Summit Books, 1987. 310 p.

Amis K. Thomas the Rhymer: Review of Dylan Thomas's 'A Prospect of the Sea' // *The Spectator*. 1955. 12 August. P. 227.

Bentley N. *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008. 245 p.

Bohata K. *Postcolonialism Revisited. Writing Wales in English*. Cardiff: University of Wales Press, 2004. 222 p.

Brown S. A. *Welsh characters in Renaissance drama*. Texas Tech University, 2000. 299 p.

Colley L. Britishness and Otherness: An Argument // *Journal of British Studies*. 1992. Vol. 31. P. 309–329.

Crowley M. Angry Young Men? A Product of Their Time // *The 1950s: A Decade of Modern British Fiction. The Decades Series*. London: Bloomsbury. 2019. P. 53–79.

James D. *Contemporary British Fiction and the Artistry of Space*. London: Continuum, 2008. 195 p.

Jones D. A. N. Kingsley Amis // *Grand Street*. 1985. № 4(3). P. 206–214.

Kroll M. The Politics of Britain's Angry Young Men // *The Western Political Quarterly*. 1959. № 12(2). P. 555–557.

Ksiazek A. The communication of culture: Kingsley Amis's criticism. MPhil(R) thesis. University of Glasgow, 2000. 124 p.

Pryke J. Wales and the Welsh in Gaskell's Fiction: Sex, Sorrow and Sense // *The Gaskell Society Journal*. 1999. № 13. P. 69–84.

What is Cymdeithas yr Iaith? URL: <https://cymdeithas.cymru/what-is-cymdeithas-yriaith> (дата обращения: 06.09.2024).

References

Abramova E. I., Oshchepkova V. V. Anglo-valliiyskie kul'turno-yazykovye kontakty i ikh vliyaniye na formirovaniye yazykovoy situatsii v Uel'se [Anglo-Welsh cultural and language contacts and their influence on the formation of the linguistic situation in Wales]. *Vestnik MGOU. Seriya Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], 2012, issue 6, pp. 33–44. (In Russ.)

Dichkovskaya E. A., Sulima D. V. Fenomen 'rasserzhennykh molodykh lyudey' v britanskoy literature XX stoletiya [The Angry Young Men phenomenon in the 20th century British literature]. *Aktual'nye problemy gumanitarnogo obrazovaniya: materialy V Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 18-19 oktyabrya 2018 g.)* [Current Issues in the Humanities Education (Minsk, October 18–19, 2018)]. Minsk, Belarusian State University Press, 2018, pp. 440–446. (In Russ.)

Zhernovaya O. R. Etnokul'turnaya identichnost' Uel'sa v sovremennom Soedinennom Korolevstve Velikobritanii i Severnoy Irlandii [The ethnic-cultural identity of Wales in the modern United

Kingdom of Great Britain and Northern Ireland]. *Yazyk i Kul'tura* [Language and Culture], 2011, issue 3, pp. 35-44. (In Russ.)

Zinnatullina Z. R., Khaybullina A. A. Valliyskiy mir v romane Dzh. Ueyna 'Zima v gorakh' [The Welsh world in J. Wain's novel 'A Winter in the Hills']. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 2018, vol. 160, issue 1, pp. 175-187. (In Russ.)

Makurin A. E. 'Angliyskost' v romane Kingsli Emisa 'Shchastlivchik Dzhim' ['Englishness' in Kingsley Amis's novel 'Lucky Jim'] *Innovatsionnye tekhnologii v oblasti gumanitarnykh nauk* [Innovative Technologies in the Field of Humanities]: a collection of scientific papers. Khabarovsk, Evensis Publ., 2017, pp. 11-14. (In Russ.)

Muzychenko A. S. 'Britanskaya satiricheskaya traditsiya v romane P. Kh. Dzhonson 'Nevoobrazimyy Skipton': preemstvennost' i individual'nost'' [British satirical tradition in P. H. Johnson's novel 'The Unimaginable Skipton': Continuity and individuality]. *Kul'tura i bezopasnost'* [Culture and Security], 2023, issue 2, pp. 53-61. (In Russ.)

Rykhtik M. I., Zhernovaya O. R. Vliyaniye etnicheskogo faktora na kul'turnuyu i yazykovuyu identichnost' valliitsev v sovremennykh angliyskikh shutkakh i anekdotakh [The influence of the ethnic factor on Welshmen's cultural and language identity in modern English jokes and anecdotes]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice], 2011, issue 2(8): In 3 pts, pt. 1, pp. 151-157. (In Russ.)

Khabibullina L. F., Breeva T. N. *Natsional'nyy mif v khudozhestvennoy literature* [National Myth in Literature]. Moscow, FLINTA Publ., 2020. 500 p. (In Russ.)

Shestakova N. F. *Istoricheskaya pamyat' Uel'sa (konets XV – nachalo XX vv.): osnovnye etapy i*

mekhanizmy konstruirovaniya. Diss. kand. istor. nauk [Historical memory of Wales (late 15th – early 20th centuries): The main stages and mechanisms of construction. Cand. hist. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2018. 287 p. (In Russ.)

Amis K. *The Old Devils*. New York, Summit Books, 1987. 310 p. (In Eng.)

Amis K. Thomas the Rhymer: Review of Dylan Thomas's 'A Prospect of the Sea'. *The Spectator*. 1955. 12 August. P. 227. (In Eng.)

Bentley N. *Contemporary British Fiction: Edinburgh Critical Guides*. Edinburgh, Edinburgh University Press, 2008. 245 p. (In Eng.)

Bohata K. *Postcolonialism Revisited. Writing Wales in English*. Cardiff, University of Wales Press, 2004. 222 p. (In Eng.)

Brown S. A. *Welsh Characters in Renaissance Drama*. Texas Tech University, 2000. 299 p. (In Eng.)

Colley L. Britishness and otherness: An argument. *Journal of British Studies*, 1992, issue 31, pp. 309-329. (In Eng.)

Crowley M. Angry Young Men? A product of their time. *The 1950s: A Decade of Modern British Fiction. The Decades Series*. London, Bloomsbury, 2019, pp. 53-79. (In Eng.)

James D. *Contemporary British Fiction and the Artistry of Space*. London, Continuum, 2008. 195 p. (In Eng.)

Jones D. A. N. Kingsley Amis. *Grand Street*. 1985, vol. 4, issue 3, pp. 206-214. (In Eng.)

Kroll M. The politics of Britain's Angry Young Men. *The Western Political Quarterly*, 1959, vol. 12, issue 2, pp. 555-557. (In Eng.)

Ksiazek A. *The Communication of Culture: Kingsley Amis's Criticism*. MPhil(R) thesis, University of Glasgow. 2000. 124 p. (In Eng.)

Pryke J. Wales and the Welsh in Gaskell's fiction: Sex, sorrow and sense. *The Gaskell Society Journal*, 1999, vol. 13, pp. 69-84. (In Eng.)

What is Cymdeithas yr Iaith? Available at: <https://cymdeithas.cymru/what-is-cymdeithas-yriaith> (accessed 06 Sept 2024). (In Eng.)

The Welsh Theme in Kingsley Amis's Novel 'The Old Devils'

The work was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to young candidates of science (postdoctoral fellows) for the purpose of defending a doctoral dissertation, carrying out research work, and also performing work functions in scientific and educational organizations of the Republic of Tatarstan within the framework of the State Program of the Republic of Tatarstan 'Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan'.

Zulfiya R. Zinnatullina

Associate Professor in the Department of World Literature

Kazan Federal University

2, Tatarstan st., Kazan, 420021, Russia. zin-zulya@mail.ru

SPIN-code: 5457-3364

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1616-9911>

ResearcherID: D-3531-2015

Submitted 30 Sep 2024

Revised 10 Feb 2025

Accepted 04 Jun 2025

For citation

Zinnatullina Z. R. Valliyskaya tema v romane Kingsli Emisa «Starye cherti» [The Welsh Theme in Kingsley Amis's Novel 'The Old Devils']. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 107–113. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-107-113. EDN GSYXZG (In Russ.)

Abstract. Kingsley Amis (1922–1995) is an English writer of the second half of the 20th century and a member of the *Angry Young Men* literary movement, the main theme of which was a young character's protest against existing social norms and foundations. However, his later novel *The Old Devils* (1986) deals with completely different problems and has a different tone. The novel is set in a small town in South Wales, and almost all of the main characters are elderly Welsh people. The use of the image of Wales in this case is legitimate: on the one hand, Amis follows John Wayne, who addresses the image of Wales in his novel *A Winter in the Hills* (1970); on the other hand, the writer is interested in the culture of Wales, especially in the works of the Welsh poet Dylan Thomas, who became a prototype for the fictional poet Breedan, repeatedly mentioned in the novel. In addition, in the 1970s and 1980s, the question of the level of independence of small ethnic groups in Great Britain was brought to the fore again, as a result of which a number of reforms aiming to increase the region's autonomy were introduced in Wales. Wales itself is presented in *The Old Devils* as a simulated space, devoid of authenticity and turned into a big tourist attraction. Such Wales is embodied in the novel in Breedan, who is elevated to a cult in the region and used as a local attraction, as well as in his double Alun Weaver, for whom Welshness becomes a tool to increase his media exposure. Kingsley Amis plays with common stereotypes about the Welsh that are spread among the English – those concerning drunkenness, greed, and adherence to tradition. At the same time, the Welsh characters speak ironically of these stereotypes by taking them to the point of absurdity. We can see that all the characters, to a certain extent, play the roles that are assigned to them.

Key words: Internal Other; Welshness; Kingsley Amis; stereotype; national character.

УДК 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-114-121
<https://elibrary.ru/icmzqt>

EDN ICMZQT

Парадигмы гибели: поэтическое осмысление Первой мировой войны в творчестве У. Оуэна

Похаленков Олег Евгеньевич

д. филол. н., профессор кафедры литературы

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
248023, Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26. olegpokhalenkov@rambler.ru

SPIN-код: 9055-6934

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

ResearcherID: L-2557-2017

Высокович Ксения Олеговна

к. филол. н., доцент кафедры литературы

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
248023, Россия, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26. ksusha161094@gmail.com

SPIN-код: 8053-0057

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6019-2492>

ResearcherID: IAQ-7012-2023

Статья поступила в редакцию 25.04.2025

Одобрена после рецензирования 26.06.2025

Принята к публикации 03.07.2025

Информация для цитирования

Похаленков О. Е., Высокович К. О. Парадигмы гибели: поэтическое осмысление Первой мировой войны в творчестве У. Оуэна // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 114–121. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-114-121. EDN ICMZQT

Аннотация. В статье рассматривается влияние Первой мировой войны на историко-литературное развитие Великобритании, с акцентом на трансформацию литературного дискурса, изучается специфический феномен военной поэзии, получившей название «окопной». Анализируя процессы, происходящие в литературе того времени, авторы отмечают мифологизацию событий, ставших поворотными в истории. Процесс мифологизации заключается в использовании личных воспоминаний, автобиографии, мемуаров. Отличительными чертами данного периода можно назвать драматичный разрыв с прошлым, контрастность положений, осознание невозможности вернуться назад. В статье исследуется творчество Уилфреда Оуэна, которое выделяется уникальным художественным осмыслением трагизма военного опыта. Поэзия Оуэна становится выразителем подлинных переживаний солдата, фиксирует ужас и абсурдность вооруженного конфликта. Важнейшую роль в поэтическом наследии автора играют образы смерти, выступающие символическим выражением физической гибели и разрушения моральных ориентиров человечества. В работе проводится детальный анализ семантики образов смерти и связанных с ними мотивов. Лирическое «я» выступает активным свидетелем происходящих событий, хотя иногда поэт прибегает к смене перспективы изложения, стремясь посмотреть на происходящее с разных ракурсов. Однако смена перспективы не меняет позицию лирического героя по отношению к происходящему. В поэзии У. Оуэна война лишает человека органов чувств не только в прямом смысле, но и в переносном. Он больше не может наслаждаться

этой жизнью, поэтому в восприятии автора контраст между жизнью и смертью представлен не как строго бинарная оппозиция – нередко смерть воспринимается героем как сила, обладающая большей искренностью и сочувствием по сравнению с жизнью.

Ключевые слова: окопная поэзия; Уилфред Оуэн; Первая мировая война; образ смерти; военная лирика.

В англоязычной историографической традиции за Первой мировой войной закрепился устойчивый эпитет «Великая», в то время как в отечественной научной и культурной среде аналогичный термин отсутствует. Такая асимметрия в номинации отражает глубинные различия в восприятии событий 1914–1918 гг. Наименование «Великая» в англоязычном контексте отсылает не только к масштабам конфликта, но и к тем катастрофическим последствиям, которые он вызвал: под сомнение были поставлены прежние каноны, казавшиеся незыблемыми, а их пересмотр стал неотъемлемой частью процесса переоценки культурных и политических оснований европейской цивилизации. Как справедливо отмечается в литературе, трагизм военного опыта стал точкой отсчета для переосмысления самого понятия «норма» в культуре XX в.

Одним из репрезентативных примеров подобного осмысления выступает концепция, сформулированная С. Хайнсом в его исследовании, посвященном судьбе поколения участников войны. Ученый конструирует модель, в которой молодые люди, обладающие романтическими представлениями о патриотизме, чести и славе, отправляются на фронт с целью спасения мира и установления демократических ценностей. Однако, оказавшись в реальности окопной войны, они переживают не только физическое и психологическое разрушение, но и утрату прежних иллюзий (см. подробнее: [Hynes 1990: 12–13]).

Сходную позицию занимает К. Астьер, который в контексте анализа литературных репрезентаций войны акцентирует внимание на внутреннем состоянии, конфликтности и категорическом отвержении традиционного: «В типичном произведении о Великой войне содержатся особенно напряженные и жестокие эпизоды... В самом повествовании раскрывается идея разрыва с прошлым и невозможности возвращения назад» [Austier 2003: 1076–1084; Hobsbawm 1994: 22].

Причины невозможности восстановления прежнего (привычного) мира после войны, как показывает ряд исследователей, многогранны. Во-первых, Первая мировая война стала первой глобальной войной, вызвавшей всеобщую мобилизацию, охватившую все слои британского общества. Согласно официальной статистике, Великобритания потеряла свыше 947 тыс. человек.

Однако современные историки, включая Тодмана и Шеффилда, оспаривают эти цифры, ставя под сомнение как масштабы потерь, так и методы их фиксации [Todman 2005: 44; Sheffield 2002: 6].

В контексте культурного анализа война представляется как феномен мирового перехода, своего рода апокалиптический перелом. М. Элиаде, рассуждая о логике космологических мифов, предлагает рассматривать радикальные исторические события как моменты творения нового мира. Великая война в этом свете становится не просто военным конфликтом, а актом разрушения старого викторианского порядка и формирования новой реальности – жестокой, фрагментированной и травматической. По мнению британских культурологов, период между 1914 и 1918 г. может быть охарактеризован как «культурная травма» и «утрата национальной идентичности» [Troy 1997: 49–50].

Неудивительно, что в послевоенное десятилетие литературный дискурс о Великой войне стал способом осмысления и переработки травматического опыта. Эта травма, как показывает С. Хайнс, трансформировалась в активное литературное производство: период 1926–1933 гг. стал «золотым веком» военной литературы [Hynes 1990: 405–463]. Среди канонических текстов этого периода – «Прости-прощай всему этому» Р. Грейвза (1929), «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэя (1929) и др.

Ш. Монтей отмечает, что тексты о Первой мировой, особенно в жанрах автобиографии и воспоминаний, выполняли функцию создания новой культурной мифологии: «Посредством использования таких текстов <...> исторические события приобретали новый смысл» [Monteith 2002: 53]. Формирование так называемого канона «окопной поэзии» в 1960-е гг. сопровождалось выстраиванием иерархий: одни авторы, такие как Оуэн, Сассун, Сорли, Розенберг, Грейвз и Томас, были вознесены, другие – преданы забвению [Campbell 2005: 263–269].

В последующем литературоведческом дискурсе фигура «окопного» поэта заняла центральное место. Многие критики (Б. Бергонци, Д. Силкин, А. Лейн и др.) акцентируют внимание на том, что поэзия младших офицеров представляет собой особую форму художественного осмысления военного опыта, подчеркивая эволюцию от романтического энтузиазма к трагическому прозрению.

Эта трансформация в восприятии войны была зафиксирована в структуре повествования: от патетики – к сарказму, от риторики мужества – к осмыслению личной уязвимости. Этот переход рассматривается как духовное развитие, встраивающееся в структуру сценария – инициации (пусть и в его «отрицательной» разновидности).

Не менее значимым аспектом является структурная бинарность художественного пространства: оппозиция жизни и смерти, которая становится основным лейтмотивом поэтической репрезентации. В условиях фронта, где сама человеческая жизнь поставлена под угрозу, противопоставление этих категорий приобретает особую интенсивность.

На уровне поэтики важно отметить устойчивую бинарную оппозицию категорий жизни и смерти, что обусловлено экстремальными условиями существования в военное время. Этот мотив, как справедливо указывает Н. В. Павлович, реализуется через словесный поэтический образ, основанный на сближении противоположных понятий: «образ понимается как противоречие в широком смысле» [Павлович 2004: 14].

В творческом наследии Уилфреда Оуэна указанная концептуальная антитеза также находит отражение, при этом наблюдается асимметрия в репрезентации оппозитивных элементов: мотив смерти превалирует над мотивом жизни. Восхищение и очарование жизни появляется только в стихотворении “Strange meeting” («Странная встреча»):

Was my life also; I went hunting wild
After the wildest beauty in the world
[Оуэн 2012: 16]¹.

Какая жизнь была! Какую оду
Слагал я красоте, разлитой всюду! (17)

Однако оно заканчивается призывом “Let us sleep now...” (18). Автор играет с ракурсом, лирическому герою снится сон, что он оказывается в подземелье, позднее герой понимает, что это настоящий ад. Темпоральная организация произведения характеризуется дуализмом: событийная канва, локализованная в сновидческом пространстве ада, соотносится с реальными событиями, при этом персонаж, встреченный в inferнальном пространстве, идентифицируется как противник, уничтоженный накануне:

I am the enemy you killed, my friend.
I knew you in this dark; for so you frowned
Yesterday through me as you jabbed and killed.
I parried; but my hands were loath and cold.
Let us sleep now... (18)

Мой друг, я враг, тобой вчера убитый.
О, как ты страшен в стычке был минутной,
Меня штыком вколачивая в снег.
Я ж так замерз, что выстрелить не смог.
Уснем же вместе... (19)

Соотношение реального и ирреального пласта помогает сменить оппозицию друг – враг на более компромиссную. Теперь они в равных условиях, и последняя строка выглядит как обращение не только к вечному сну, но и к примирению.

В стихотворениях У. Оуэна редко меняется ракурс повествования, как правило, лирический герой непосредственно является участником событий, находясь в окопе (“we cringe in holes” (52), “O Life, Life, let me breathe, – a dug-out rat!” (74)) или на полях сражения, однако в стихотворении “Strange meeting” описываются события в подземелье: “It seemed that out of the battle // I escaped Down some profound dull tunnel, long since scooped...” (16). Особенность “The show” («Шоу») заключается в том, что лирический герой меняет привычную перспективу и наблюдает за событиями с высоты:

My soul looked down from a vague height with
Death,
As unremembering how I rose or why,
And saw a sad land, weak with sweats
of dearth... (26)

С небесной вершины взирала душа моя вниз,
Не ведая, как и зачем вознеслась в вышину,
И видела скорбную землю, в испаринах
слез (27).

При смене угла обзора характер эпизодов остается прежним, но с высоты солдаты предстают в виде мелких насекомых: “The removed thin caterpillars, slowly uncoiled. // It seemed they pushed themselves to be as plugs // Of ditches, where they writhed and shrivelled, killed” (26). Помимо смены ракурса автор также прибегает к приему сужения визуального поля: в стихотворении “Apologia pro poemate meo” («Оправдание моей поэзии») лирический герой настолько погружен в окружающую действительность, что начинает видеть весь мир сквозь призму военных действий:

Whose world is but the trembling of a flare,
And heaven but as the highway for a shell... (24)

Когда весь свет – лишь вспышка орудийного
жерла,
А небо – лишь просторная дорога для снаря-
да... (25)

В поэзии Оуэна оппозиция между смертью и жизнью приобретает особую значимость, поскольку смерть представляется более человеческой и честной, чем жизнь. В данной бинарной оппозиции: «Где смерть абсурдна, ну а жизнь абсурднее стократно» (23); «Живой боец не слишком что-то жизнен, // Ну а мертвец не слишком что-то смертен...» (41).

Образ смерти окутывает всё пространство войны, даже если солдат живой, в понимании автора он уже мёртв, если находится на войне: «Мы возвращаемся в нашу смерть» (55), «Такой же мертвый, как мой взвод, навек сомкнувший вежды» (23). Творчество У. Оуэна отражает убеждение, что в условиях войны погибшие проявляют большую нравственную стойкость, чем выжившие, вынужденные переступить через человечность, что находит выражение в стихотворении “Spring offensive” («Весеннее наступление»):

Of them who running on that last high place,
<...>

Or plunged and fell away past this world's verge,
Some say God caught them even before they fell.
But what say such as from existence' brink
Ventured but drave too swift to sink.

The few who rushed in the body to enter hell,
And there out-fiending all its fiends and flames
With superhuman inhumanities,
Long-famous glories, immemorial shames –
And crawling slowly back, have by degrees
Regained cool peaceful air in wonder –

Why speak they not of comrades that went under? (58)

О тех, кто рухнул на отвесный склон,
<...>

Твердили: Бог ловил их налету,
Они не успевали в бездну пасть.
Но тот, кто отлетел за край земли,
Кого святые силы не спасли,
Кто угодил в пылающую пасть
И, одолев всех демонов в аду
Жестокостью своей бесчеловечной,
К триумфу своему или стыду
Приполз обратно по земле увечной,
Дивясь, что вот – не ранен, не убит, –
Что ж о погибших он не говорит? (59)

Исследователи отмечают, что сам способ ведения войны тоже становится бесчеловечным, имея в виду использование ядовитого газа (стихотворение “Dulce et decorum est”): «Казалось, что научно-фантастический кошмар, прямо как из романа Герберта Уэллса, становится явью. Противогазы даже лишали бойцов последних признаков индивидуальности, превращая их всех

в чудовищных существ» [Robb 2002: 197]. Привычная парадигма взглядов изменилась: если раньше война позволяла проявить храбрость или боевые навыки, то Первая мировая война становится переломной и с точки зрения вооружения: «Устаревшие концепции власти» и преднамеренная романтизация войны – использование таких метафор, как “выхватывание меча”, когда фактическим оружием являются гаубицы, огнеметы и отравляющий газ, – вступают в сговор с материализмом “хищной жадности” и скрывают его, чтобы создать демонический, ненасытный империализм, который является реальной движущей силой немецких военных усилий» [Roshwald, Stites 2002: 151].

Смерть не персонифицирована, она не имеет конкретного облика, не предстает в развернутом метафорическом образе, однако она рядом: «Пожалуй, на свете никто не умеет сильнее утешать, // Чем кроткая смерть, в изголовье усевшаяся на кровать» [Оуэн 2012: 21].

Одним из первых представителей «окопных» поэтов стал Руперт Брук, который в своей лирике превозносил и романтизировал героизм на войне: «вдохновленный полученным боевым опытом, он написал пять военных сонетов, которые сначала сделали его знаменитым, а затем, напротив, стали причиной критики, т. к. были расценены в качестве яркого примера наивного патриотизма» [Акулинин 2015]:

Когда в бою умру я на чужбине,
Считай, что уголок в чужих полях
Навек стал Англией, что там отныне
В чужой земле лежит английский прах
[Поэты XX века 1965: 34].

Таких авторов, воспевающих войну или прикрывающих ее христианской символикой, было достаточно. В книге Г. Робба «Британская культура и Первая мировая война» отмечено: «Стихи, подобные этому, обычно вызывали гнев у солдат, которые считали, что религиозные выражения лишь маскируют ужасную реальность окопов. Особенно возмутительными были призывы гражданских лиц, которые ничего не знали об ужасах войны и которым самим ничего не грозило. “Зов” Джесси Поуп – типичный пример» [Robb 2002: 149].

В стихотворениях У. Оуэна стремление погибнуть за свою страну воспринимается как жалкая насмешка, а сама эта мысль выглядит неуместной:

My friend, you would not tell with such high zest
To children ardent for some desperate glory,
The old Lie: Dulce et decorum est
Pro patria mori (44).

Мой друг, ты не сказал бы никогда
Тем, кто охоч до ратного труда,
Мыслишку тривиальную одну:
Как смерть прекрасна за свою страну! (45)

Война разрушает человека, доводит до иступления, силы природы зачастую вступают в противовес театру военных действий, однако у У. Оуэна образ природы двойственен. В ряде стихотворений – “Mental cases” («Душевнобольные»), “Insensibility” («Твердокожесть») – образ природы дорисовывает неприглядную окружающую действительность: «Ночь для них отныне дочерна кровава, // А заря открытой раной кровоточит» (29), «Тяжелый завершая переход // От света к тьме – с восхода на заход» (41). Даже природа погружается от света во мрак, но не наоборот. Такая двойственность сил природы может говорить о том, что созидательная сила не готова смириться с нарушениями законов естества, которые совершают люди, поэтому она не может их поддерживать. С другой стороны, природа является фоном, на котором разворачиваются военные действия, как в стихотворении “Futility” («Тщетность»):

Move him into the sun –
Gently its touch awoke him once,
At home, whispering of fields unsown.
Always it woke him, even in France... (66)

Мой друг, подвинься к солнышку скорей:
Пусть приголубит в сонной тишине
Под шепот незасеянных полей,
Как прежде, во французской стороне (67).

О пасторальном значении природы пишут зарубежные исследователи, в частности, П. Фасселл в работе «Великая война и современная память» отмечает: «Здесь пасторальные детали используются как утешение. В “Под шквальным ветром” (“Exposure”) Уилфреда Оуэна они используются как эталон. Действие происходит ужасной зимой 1917 года. Оуэн и его замерзающие люди прячутся в передних ямах во время снежной бури» [Fussell 2005: 276].

В “Spring offensive”, несмотря на красоту природы, чувствуется наступающая опасность:

For though the summer oozed into their veins
Like the injected drug for their bones' pains,
Sharp on their souls hung the imminent line
of grass,
Fearfully flashed the sky's mysterious glass (56).

И лето под жужжанье диких ос
Вливало в кровь целительный наркоз.
Но облака клубились тяжело:
Грозой сверкало синее стекло (57).

В стихотворении “The End” («Конец») природа является полноценным действующим лицом, страдающим от войны:

And when I hearken to the Earth she saith
“My fiery heart sinks aching. It is death.
Mine ancient scars shall not be glorified
Nor my titanic tears the seas be dried” (86).

А от земли я услышал ответ:
«На мне живого места просто нет –
Сплошь выжжена огнем душа моя,
Лишь слезные не высохли моря» (87).

Несмотря на то что образ природы амбивалентен по отношению к лирическому герою, он находит спасение только в слиянии с ней, медленно превращаясь в траву и цветы:

Spring wind would work its own way to my lung,
And grow me legs as quick as lilac-shoots <...>
Soldiers may grow a soul when turned to fronds,
But here the thing's best left at home with friends
(72–76).

Пусть навевает ветерок душистый зной
И пусть растут мои обрубки, как сирень <...>
Солдатская душа цветет среди листвы,
А сердце дремлет у родного очага (73–77).

В условиях войны человек подвергается не только моральным, но и физическим изменениям. Зачастую У. Оуэн описывает потерю органов чувств: зрения, слуха и способности говорить. В стихотворении “The sentry” («Часовой») боец, находящийся на посту, из-за немецких бомб лишается зрения:

Coaxing, I held a flame against his lids
And said if he could see the least blurred light
He was not blind; in time he'd get all right.
“I can't,” he sobbed. Eyeballs, huge-bulged like
squids (46).

И я поднес огонь к глазам незрячим:
Мол, если свет хоть капельку белеет,
То скоро все пройдет, и он прозреет.
«Нет!» – бельма он выпучивал по-рачьи (47).

Война лишает человека возможности слышать, видеть и говорить: «Когда я встречаю глаза, ослепленные пулей моей» (21), «Отчего такая жуткая тревога // Из глазниц полуизъеденных сочится» (29), «Как вылезают бельма из глазниц» (45), «Его глаза бессонница сожгла» (63), «Как голос того, кто безмолвствует ныне в потемках-могил, // Поскольку сырой глинозем его жалоб-

ный рот залепил» (21). Даже если герой остается жить, его восприятие окружающего мира навсегда изменено. Однако для лирического героя У. Оуэна потеря чувствительности становится признаком для сближения с этим человеком:

Heart, you were never hot,
Nor large, nor full like hearts made great
with shot;
And though your hand be pale,
Paler are all which trail
You cross through flame and hail:
Weep, you may weep, for you may touch
them not (20).

Мне ближе лишь тот, кто навеки *безгласен, незряч*,

Кто тащит свой крест через пламя невзгод,
через град неудач.

Тебе не дано прикоснуться к нему, и поэто-
му – плачь (21).

Парадигма гибели в творчестве У. Оуэна ярко и реалистично изображает смерть человека на войне, причем не только смерть на поле боя, но и неприглядные случаи армейского самоубийства. Образы жизни и смерти всегда являются контрастными, однако Уилфред Оуэн не отдает предпочтение жизни в соотношении со смертью. Даже если герой выживает, после всего пережитого смерть выглядит единственным выходом. Говоря о гибели человека на войне, стоит отметить не только физически неприглядные стороны смерти, но и моральные дилеммы.

Примечание

¹ Здесь и далее цитаты приводятся с указанием страниц в круглых скобках по источнику: [Оуэн 2012].

Список литературы

Акулинин К. В. Образ Первой мировой войны в творчестве «Окопных поэтов» // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4 (144). С. 135–138.

Оуэн У. Поэмы: сборник стихотворений / пер. Е. В. Лукина. СПб.: СЕЗАМ-ПРИНТ, 2012. 112 с.

Павлович Н. В. Язык образов: парадигмы образов в русском поэтическом языке. 2-е изд., испр. и доп. М.: Азбуковник, 2004. 527 с.

Поэты XX века. Стихи зарубежных поэтов / пер. М. А. Зенкевича. М.: Прогресс, 1965. 163.

Austier C. Interférences et coïncidences des narrations littéraire et mythologique / P. Brunel (ed.) Dictionnaire des mythes littéraires. Paris: du Rocher, 2003. P. 1079–1080.

Campbell J. Interpreting the War // The Cambridge companion to the Literature of the First World War / V. Sherry (ed.). Cambridge: Cambridge UP, 2005. P. 263–269.

Fussell P. The Great War and Modern Memory. Oxford: Oxford UP, 2005. 368 p.

Hobsbawm E. Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914–1991. London: Michael Joseph, 1994. 627 p.

Hynes S. A War Imagined: The First World War and English Culture. London: Bodley Head, 1990. 514 p.

Monteith S. Pat Barker. Horndon: Northcote House, 2002. 130 p.

Robb G. British Culture and the First World War. London, 2002. 288 p.

Roshwald A., Stites R. European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914–1918. Cambridge, 2002. 456 p.

Sheffield G. Forgotten Victory. The First world war – myths and Realities. London: Review, 2002. 354 p.

Todman D. The Great war: Myth and Memory. London; New York: H&L, 2005. 304 p.

Troy M. The Novelist as an Agent of Collective Remembrance: Pat Barker and the First World War // Collective Traumas: Memories of War and Conflict in the 20th – Century Europe / C. Mithander, J. Sundholm, M. Troy (eds.). Brussels: P. I. E. Peter Lang, 1997. P. 49–50.

References

Akulinin K. V. Obraz Pervoy mirovoy voyny v tvorchestve 'Okopnykh poetov' [The image of the First World War in the works of 'Trench Poets']. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review: Series Humanities], 2015, issue 4 (144), pp. 135–138. (In Russ.)

Owen W. *Poemy* [Poetry]: a collection of poems. Transl. by E. V. Lukin. St. Petersburg, SEZAM-PRINT Publ., 2012. 112 p. (In Russ.)

Pavlovich N. V. *Yazyk obrazov: paradigmny obrazov v russkom poeticheskom yazyke* [The Language of Images: Paradigms of Images in the Russian Poetic Language]. 2nd rev. and enlarg. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 527 p. (In Russ.)

Poety XX veka. *Stikhi zarubezhnykh poetov* [The poets of the 20th century]. Ed. by M. A. Zenkevich. Moscow, Progress Publ., 1965. 163 p. (In Russ.)

Austier C. Interférences et coïncidences des narrations littéraire et mythologique [Interferences and coïncidences of literary and mythological narratives]. *Dictionnaire des mythes littéraires* [Dictionary of Literary Myths]. Ed. by P. Brunel. Paris, du Rocher, 2003, pp. 1079–1080. (In Fr.)

Campbell J. Interpreting the war. *The Cambridge Companion to the Literature of the First World War*. Ed. by V. Sherry. Cambridge, Cambridge UP, 2005, pp. 263-269. (In Eng.)

Fussell P. *The Great War and Modern Memory*. Oxford, Oxford UP, 2005. 368 p. (In Eng.)

Hobsbawm E. *Age of Extremes: The Short Twentieth Century, 1914 – 1991*. London, Michael Joseph, 1994. 627 p. (In Eng.)

Hynes S. *A War Imagined: The First World War and English Culture*. London, Bodley Head, 1990. 514 p. (In Eng.)

Monteith S. *Pat Barker*. Horndon, Northcote House, 2002. 130 p. (In Eng.)

Robb G. *British Culture and the First World*

War. London, 2002. (In Eng.)

Roshwald A., Stites R. *European Culture in the Great War: The Arts, Entertainment and Propaganda, 1914-1918*. Cambridge, 2002. 456 p. (In Eng.)

Sheffield G. *Forgotten Victory. The First World War – Myths and Realities*. London, Review, 2002. 354 p. (In Eng.)

Todman D. *The Great War: Myth and Memory*. London and New York, H&L, 2005. 304 p. (In Eng.)

Troy M. The novelist as an agent of collective remembrance: Pat Barker and the First World War. *Collective Traumas: Memories of War and Conflict in the 20th – Century Europe*. Ed. by C. Mithander, J. Sundholm, M. B. Troy. Brussels: P. I. E. Peter Lang, 1997, pp. 49-50. (In Eng.)

Paradigms of Death: Poetic Interpretation of the First World War in the Works of W. Owen

Oleg E. Pokhalenkov

Professor in the Department of Literature

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

26, Stepana Razina st., Kaluga, 248023, Russia. olegpokhalenkov@rambler.ru

SPIN-code: 9055-6934

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1573-2728>

ResearcherID: L-2557-2017

Kseniya O. Vysokovich

Associate Professor in the Department of Literature

Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky

26, Stepana Razina st., Kaluga, 248023, Russia. ksusha161094@gmail.com

SPIN-code: 8053-0057

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6019-2492>

ResearcherID: IAQ-7012-2023

Submitted 25 Apr 2025

Revised 26 Jun 2025

Accepted 03 Jul 2025

For citation

Pokhalenkov O. E., Vysokovich K. O. Paradigmy gibeli: poeticheskoe osmyslenie Pervoy mirovoy voyny v tvorchestve U. Ovena [Paradigms of Death: Poetic Interpretation of the First World War in the Works of W. Owen]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 114–121. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-114-121. EDN ICMZQT (In Russ.)

Abstract. The article deals with the impact of the First World War on the historical and literary development of Great Britain, with an emphasis on the transformation of literary discourse and a detailed examination of the specific phenomenon of war poetry, called ‘trench poetry’. Analyzing the processes that took place in the literature of that time, the authors of the article note the mythologization of the events that became a turning point in history. The process of mythologization consists in using personal memories, autobiographies, and memoirs. The distinctive features of that period also include the dramatic break with the past, the contrast of positions, the realization of the impossibility of going back. The article explores the

poetic works of Wilfred Owen, which stand out for their unique poetic interpretation of the tragedy of the war experience. Owen's poetry becomes an expression of the true feelings of a soldier, captures the horror and absurdity of armed conflict. The most important role in the poetic legacy of the author is played by the images of death, which serve as a symbolic expression of the physical death and destruction of the moral guidelines of mankind. The paper provides a detailed analysis of the semantics of death images and related motifs. The lyrical 'I' acts as an active witness to the events taking place, although sometimes the author resorts to changing the perspective of the presentation, trying to look at what is happening from different angles. However, a change of the perspective does not change the lyrical hero's attitude to what is happening. In W. Owen's poetry, war deprives a person of the senses not only literally but also figuratively. He can no longer enjoy this life, therefore, in the author's perception, the contrast between life and death is not presented as a strictly binary opposition, death is often perceived by the hero as a force with greater sincerity and empathy compared to life.

Key words: trench poetry; Wilfred Owen; First World War; image of death; war lyrics.

УДК 82-3

doi 10.17072/2073-6681-2025-3-122-132

<https://elibrary.ru/icokpt>

EDN ICOKPT

Художественные особенности филологической прозы в романистике А. Битова и Дж. Барнса: к проблеме паратекстуальности

Соловьева Ольга Константиновна**аспирант кафедры русского языка, литературы и документных коммуникаций**

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

644077, Россия, г. Омск, просп. Мира, д. 55-А. suvorovaolka@yandex.ru*Статья поступила в редакцию 02.03.2025**Одобрена после рецензирования 07.07.2025**Принята к публикации 21.08.2025***Информация для цитирования**

Соловьева О. К. Художественные особенности филологической прозы в романистике А. Битова и Дж. Барнса: к проблеме паратекстуальности // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 122–132. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-122-132. EDN ICOKPT

Аннотация. В статье исследуются особенности межтекстуальных включений в филологической прозе на примере произведений современных писателей: «Пушкинский дом» (1971) А. Битова (СССР) и «Шум времени» (2016) Дж. Барнса (Англия). Одной из задач работы является анализ правомерности рассмотрения романа «Шум времени» в рамках изучения специфики филологического романа. Поскольку в стране происхождения данное произведение рассматривается как вымышленная биография, в статье проводится изучение принятых маркеров филологического романа и их наличие в романе Дж. Барнса. Сравнение двух произведений позволяет выявить общий культурный код, поскольку время «большого террора» оказывает влияние на героев двух романов. Роман А. Битова является художественным текстом, который средствами филологического романа позволяет создать литературный портрет эпохи. Дж. Барнс создает вторичный текст, используя уже опубликованные биографии Д. Шостаковича, но творчески переосмысляя биографические материалы. Сравнительный анализ показал, что одна из особенностей романов – это их структура, отличающаяся наличием нескольких видов взаимодействия текстов, в том числе интертекстуальности и паратекстуальности. Так, в романах присутствуют цитаты, аллюзии на классические русские произведения А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого. Отношение текстов к их заглавиям, главам и эпиграфам помогает создать характерный для филологического романа подтекст, для понимания которого необходимы хотя бы минимальные филологические знания. Филологический роман и роман – вымышленная биография синтезируют мемуарный, биографический, эссеистический и художественный дискурсы. Факты биографии и художественный вымысел становятся для писателя равнозначными средствами создания литературного образа. Материалом для автора могут служить дневники или эссе исторической личности, прототипов героев романа. Творческая личность героя, загадку которой писатель предлагает разгадать читателю повествования, позволяет увидеть скрытый смысл текста, включиться в интеллектуальную игру.

Ключевые слова: постмодернизм; филологический роман; вымышленная биография; Дж. Барнс; А. Битов; паратекстуальность.

Введение

В настоящее время, начиная со второй половины XX в., в литературе отмечается период перехода от устоявшихся жанровых модификаций к новым, ещё не до конца исследованным, но отвечающим запросу времени [Faleev, Filatova, Mayer 2020]. В этот период особое внимание исследователей привлекают так называемые «промежуточные» жанры. К ним можно отнести и филологический роман, который сложился на стыке мемуарного, автобиографического, эссеистического и художественного дискурсов. В 2009 г. отечественный ученый А. Генис в своей работе «Частный случай. Филологическая проза» писал: «Сегодня кризис традиционной – романной – литературы проявляет себя чудовищным перепроизводством. Выходит много книг, которые похожи между собой и отличаются лишь действиями» [Генис 2009: 5]. Фокусирование внимания на самом тексте может характеризоваться сформулированной Р. Бартом теорией «смерти автора» [Барт 1989: 132] и идеей Ю. Кристевой об интертекстуальности [Кристева 2004: 527]. Эти подходы определяют природу текста, не учитывая личность автора и его собственный опыт. Французский постструктурализм ставит в центр изучения текст, наличие в нем других текстов и способы их взаимосвязи, создавая таким образом сплошной межтекстуальный мир, в котором уже всё было сказано и написано. В 1982 г. французский литературовед Ж. Женетт предложил классификацию из пяти видов межтекстовых взаимодействий, среди которых интертекстуальность, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность и архитектурность [Женетт 1982: 213]. Особенно Ж. Женетт выделяет понятие паратекстуальности, которое характеризуется как околотекстовое окружение, совокупность компонентов, сопровождающих литературное произведение. Например, это заглавие, посвящение, комментарии, эпиграф, пролог и т. д. С помощью паратекста писатель создает коммуникативную связь с читателем и оказывает на него явное или скрытое воздействие, способствуя формированию его отношения к герою и тексту в целом [Чернигова 2006: 31].

Выход из «замкнутого круга» межтекстовых взаимодействий А. Генис видит в поиске автора, поскольку, по его мнению, если всё уже было придумано и в новых произведениях используются знакомые тексты, для поддержания интереса к чтению необходимо переместить фокус внимания с текста как самостоятельной единицы к стремлению рассматривать произведение с учетом жизненного опыта автора. «Филологический роман – попытка восстановить непостроенный

храм. Это – опыт реконструкции, объединяющей автора с его сочинением в ту естественную, органическую и несуществующую целостность, на которую лишь намекает текст» [Генис 2000: 200]. В подтверждение существования данного подхода и в зарубежной литературе можно привести слова Дж. Барнса, который утверждает, что мастерство романиста в современном мире проявляется в умении увидеть и зафиксировать фактуру, заполняющую пространство между разными смысловыми интерпретациями текста, с целью поделиться с читателем своим пониманием [Хохлова 2015: 145]. Для прочтения текста по-новому необходимо прибегнуть к «попятному чтению» (нелинейное чтение, применяющееся при декодировании текста) [Крушинский 2020: 17], которое помогает проследить его развитие с самого начала, с зарождения идеи. Филологический роман позволяет выстроить эту линию понимания путем введения скрытых цитат, вовлечения читателя в интеллектуальную игру [Киричук, Ерофеева 2022: 70].

Жанрообразующие признаки филологического романа формировались еще в творчестве Ю. Тынянова, автора трилогии «Кюхля», «Смерть Вазир-Мухтара» и «Пушкин»: «В трилогии представлен синтез художественного и литературоведческого начал, что дает основание отнести все три его произведения к тому жанру филологического романа. В них документальность соседствует с воображением, цитирование литературных источников создает многослойный культурный фон, автор в них выступает в трех ипостасях: как писатель, литературовед и культуролог. Тынянов показал становление творческой личности в неразрывной связи с эпохой. Если помнить, что “поэзия и филология – на глубинном уровне почти одно и то же”, то романы Ю. Тынянова определенно можно считать предтечей филологических романов» [Ладохина 2010: 111].

При прочтении такого романа важно соотношение содержания текста и мировоззрения автора, учет его жизненного опыта. К формальным характеристикам жанровой разновидности филологического романа можно также отнести следующие признаки: построение сюжета вокруг реализации мотива поиска, разгадки тайны; временную дистанцию, обязательную для осмысления значения творческой личности; многоплановость нарратива; выбор героев, которые в силу их профессиональной деятельности осуществляют этот поиск, а именно филологов, историков, писателей; размышления, идеи которых вводят комплекс философско-этических проблем, рассматриваемых в повествовании [Трофимова 2019: 227].

Система действующих лиц в таком романе также является необычной. Главный герой филологического романа – филолог либо как-то связанный с литературой человек – имеет особый художественный взгляд на мир, который может отличаться от авторского [Новиков 1999]. Термин «филологический» также намекает на особое формирование такого произведения и, соответственно, особый подход к его прочтению. Так, филологический роман можно читать на двух уровнях. Первый уровень – художественный, то есть читатель при знакомстве с текстом не задумывается о встречающихся отсылках, а возможно, и не замечает их, следуя за сюжетом, событиями в жизни главных героев. Второй же уровень рассчитан на более подготовленную аудиторию читателей, имеющих определенные знания в области филологии. Таким образом создается эффект «двойного кодирования», который определяет игровую природу постмодернистского текста и его ироническую стилистику. Писатель кодирует свою идею, не раскрывая ее смысл в прямом обращении к читателю, а прибегая к парафразу или скрытой цитате. О таком подходе к прочтению текстов постмодернизма писал И. П. Ильин, ссылаясь на концепцию голландского ученого Т. Д'ана [Ильин 1996: 218].

На протяжении всего XX в. выходит множество произведений, которые можно считать образцами филологического романа. Среди них можно назвать как ранние: «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» В. А. Каверина (1928), «Сумасшедший корабль» О. Д. Форш (1930), так и произведения второй половины XX в.: «Zoo, Письма не о любви, или Третья Элоиза» В. Б. Шкловского (1965), «Пушкинский дом» А. Г. Битова (1971) [Степанова 2005: 75].

Упоминая образцы филологических романов, стоит отметить и зарубежные произведения, активно исследуемые отечественными филологами. В работах российских исследователей принято выделять такие эталонные романы, как «Попугай Флобера» (1984) Дж. Барнса, «Обладать» (1990) А. С. Байетт, «Чаттертон» (2000) П. Акройда. Но следует заметить, что в зарубежной жанровой системе не встречается понятия «филологический роман», а все вышеуказанные произведения относят к субжанру «вымышленная биография». Как и филологический роман, вымышленная биография возникла на стыке мемуарного, биографического, эссеистического и художественного дискурсов. Произведения в данном жанре представляют собой совокупность фактических, биографических данных с художественным вымыслом, умело оформленным автором так, что неискушенному читателю невозможно их отделить. Для получения такого ре-

зультата автор романа – вымышленной биографии использует дневники или эссе исторически достоверного персонажа, являющегося прототипом главного героя. Так, в самом тексте появляется большое количество интертекстуальных включений, таким образом автор может обращаться к эрудиции читателя, что делает произведение близким к филологическому роману. Однако в вымышленной биографии нет столь четких границ для писателя в выборе профессии или сферы деятельности главного героя. Достаточно того, чтобы он был творческой личностью, а его оригинальная точка зрения на загадку повествования позволяла читателю увидеть скрытый смысл текста.

В начале XXI в. роман – вымышленная биография в английской литературе является весьма актуальным, поскольку создаются новые произведения в этой жанровой форме. Одним из таких романов является «Шум времени» Дж. Барнса, опубликованный в 2016 г. Анализируя данное произведение, можно определить его жанр как «вымышленная биография» или же, согласно отечественной системе, «филологический роман». Роман был переведен на русский язык Е. Петровой, работа которой на сегодняшний день является единственным вариантом перевода, наиболее полно отражающим особенности оригинального текста. Необходимо отметить, что, нисколько не умаляя высокую оценку перевода Е. Петровой, мы прибегаем в анализе текста Дж. Барнса к оригинальному варианту, поэтому включаем сделанный автором статьи перевод-подстрочник.

Главный герой романа – знаменитый русский композитор Дмитрий Шостакович, который обладает особым взглядом на мир, именно ему отведена роль гения, разгадывающего загадку природы творчества. Само произведение наполнено аллюзиями, реминисценциями, явными и скрытыми цитатами, создающими коннотативный смысл текста, тем самым вовлекающими читателя в филологическую игру.

Методы

В исследовании применялись компаративный, биографический и герменевтический методы.

Результаты

В данной статье мы подробно изучили структуру двух произведений с точки зрения сравнения смежных жанров – филологического романа и вымышленной биографии. Это русский роман А. Битова «Пушкинский дом», написанный в 1964–1971 гг., опубликованный в России лишь в 1987 г., и роман английского писателя Дж. Барнса «Шум времени» (“The Noise of Time”) 2016 г. Актуальность такого сравнения определяется

тем, что современные авторы выбирают для изображения СССР, Россию XX в. Дж. Барнс предлагает свое понимание того времени, наблюдая за событиями со стороны, как бы извне. В то время как А. Битов находится непосредственно в СССР, изображает происходящее, исходя из опыта собственных наблюдений за исторической реальностью, роман «Шум времени» Дж. Барнса является вторичной прозой, поскольку основывается на опубликованных ранее источниках: эссе, интервью, дневниковых записях и книге, посвященной главному герою романа – Дмитрию Шостаковичу. Дж. Барнс называет эти первичные источники: «Шостаковичу посвящена обширная библиография; музыковеды обычно выделяют два основных источника – подробный, многогранный труд Элизабет Уилсон “Shostakovich: A Life Remembered” (1994; переиздание, с исправлениями, 2006) и книга С. Волкова “Testimony: The Memoirs of Shostakovich as Related to Solomon Volkov” (1979) – воспоминания Шостаковича, записанные с его слов» [Барнс 2003: 208] – и, используя полученные знания, свой опыт и свое видение, создает так называемую вымышленную биографию, в которой реальные факты тесно переплетаются с воображаемым и личной интерпретацией Дж. Барнса. В анализируемых романах одним из ключевых художественных приемов, применяемым с целью максимального погружения читателя в мир главных героев, создания условий для понимания их образа мысли, является использование литературных аллюзий, которые будут представлены в структуре паратекстуальности. Именно они позволили воплотить в романе такую особенность постмодернизма, как интертекстуальный диалог с предшествующими литературными эпохами, усиливающий влияние текста и предполагающий множественность интерпретаций [Киричук, Федорова 2020: 46].

Сравнение именно этих произведений кажется нам актуальным еще и потому, что они написаны современными авторами, которые, создавая портрет эпохи СССР середины XX в., связывают судьбы главных героев с его трагическими событиями. Все три части каждого произведения показывают борьбу героев с внешней средой, в основе которой конфликт с существующим социальным порядком. Оба героя пытаются адаптироваться в условиях, диктуемых «Властью», как определяет сам автор текста характеристику советского государства. Времена правления Сталина повлияли на жизнь общества, в частности, на судьбы советской интеллигенции.

Герой романа А. Битова Лева Одоевцев, филолог, сотрудник Пушкинского дома, не может выстроить взаимопонимание с дедом, бывшим

политзаключенным, с отцом и матерью; семья, разрушенная «холодным ветром» истории, становится образом, отсылающим к словам Гамлета о распавшейся связи времен. В романе Дж. Барнса Дмитрий Шостакович, знаменитый русский композитор, вынужден уходить в «тень» и сочинять угодную власти музыку, а «в стол» писать шедевры. Автор показывает, как известный композитор пытается справиться с ситуацией и остаться собой, как меняется система ценностей в стране, и ее невозможно не принять. Затронутая тематика не только позволяет осветить судьбы конкретных людей, но и порождает вопросы универсального значения: влияние власти на искусство, пределы мужества и выносливости человека в быстро меняющемся мире, иногда невыносимые требования выбора между личной неприкосновенностью и совестью.

Сопоставительный анализ произведений в первую очередь выявляет художественные особенности построения текста и выбора названия. Так, в романе А. Битова «Пушкинский дом» автор отсылает к личности А. С. Пушкина, который имеет очевидную значимость для определения смыслового контекста и содержания книги. Автор замечает: «...и русская литература, и Петербург (Ленинград), и Россия, – всё это, так или иначе, Пушкинский дом без его курчавого постояльца» [Битов 2023: 400]. Иными словами, автор предлагает рассматривать проблему его произведения как возможность или невозможность продолжения традиций классической русской литературы.

Роман состоит из Пролога и трех Разделов. Пролог назван цитатой, отсылающей к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Здесь автор описывает разгромленный кабинет в Пушкинском доме, где на полу лежит «Тело». Это Лева Одоевцев с пистолетом в руке, как мы увидим в Эпilogе, всё же оставшийся в живых, но пока без сознания, как с иронией отмечает автор. Ирония Битова многопланова: в Разделе третьем и Эпilogе вставлены паратекстуальные отсылки к четвертой пушкинской повести Белкина «Выстрел» и драме Лермонтова «Маскарад», части Раздела названы так же, как и произведения вышеназванных классиков русской литературы. Трагические истории героев классической русской литературы противоречат развитию событий в истории ссоры Левы и его приятеля Митишатьева, последствия которой читатель видит в Пушкинском доме. Недаром Битов утверждает, что «Тело» на полу кабинета и «смерть» Левы вызывает у него смех. Разыгравшаяся «дуэль» скорее заставляет Одоевцева претендовать на роль трикстера, а не героя. Таким образом и сама «дуэль» получает ироническую, профанированную трактовку.

Рамочная конструкция романа, в которой история нелепой ссоры обрамляет основной сюжет, является также способом объяснить читателю особенности художественного текста: Битов создает, по его же словам, «роман-музей», роман о судьбах русской литературы XIX в. (от «золотого» периода до второй трети и его окончания или третьей трети этого столетия) и стремлении осмыслить ее наследие в XX в. Троичная структура в таком случае необходима и понятна, жанровая форма гибридна и позволяет писателю создавать систему паратекстуальных включений: «... название этого романа – краденое. Это же учреждение, а не название для романа! С табличками отделов: “Медный всадник”, “Герой нашего времени”, “Отцы и дети”, “Что делать” и т. д. по школьной программе... Экскурсия в роман-музей... Таблички нас ведут, эпитафии напоминают...» [там же: 80]

Так, Раздел первый романа имеет заглавие «Отцы и дети. Ленинградский роман», что является частичной цитатой названия романа И. С. Тургенева. Данное паратекстуальное включение подсказывает читателю, что предстоит рассказ об отношениях главного героя Левы Одоевцева с его родителями, а также отношениях его отца с Одоевцевым-старшим, и можно сделать вывод, что непонимание поколений становится извечной проблемой, которая не имеет решения, по крайней мере в этом романе. Эпитафией к Разделу первому служит цитата из финальной сцены романа Тургенева, когда несчастные родители Базарова стоят перед могилой любимого сына.

Раздел второй называется «Герой нашего времени», что отсылает к роману М. Ю. Лермонтова и предлагает соотнести Левино поколение и потерянное поколение Печорина, когда старые идеалы уже были стерты, а новые еще не были найдены. Вместе с автором читатель наблюдает, как Лева адаптируется в современном мире и ищет свой ценностный приоритет. Эта часть посвящена личной жизни Левы, его поискам любви. Эпитафией к разделу служат слова Печорина, сказанные в состоянии крайнего отчаяния, когда он пытается догнать экипаж с покидающей его, наверное, навсегда, Верой. Эпитафии этого раздела, названные именами женщин, которые любили Леву или которых любил он, соотносятся с образами в романе Лермонтова: к Любаше он равнодушен, Фаину обожает, но она для него недостижима, а Альбина любит его, но Лева ее бросает.

Раздел третий назван «Бедный всадник» – это каламбур, представляющий собой контаминацию произведений А. С. Пушкина «Медный всадник» и Ф. М. Достоевского «Бедные люди». В качестве эпитафий к третьей главе автор выбрал ци-

таты из указанных произведений, хотя и в несколько измененном виде. Так, «На звере мраморном верхом. Без шляпы, руки сжав крестом. Сидел недвижный, страшно бледный Евгений. Он страшился, бедный. Не за себя» [там же: 5]. В оригинале Пушкин после слова «бедный» использует запятую, а не точку, Битов же ставит точку. Этот синтаксический перенос можно трактовать как смысловой: Лева страшится как раз за себя, в отличие от героя поэмы А. С. Пушкина. Эпитафия, цитирующая письмо героя Ф. М. Достоевского Макара Девушкина, также была отрецензирована, а именно: А. Битов убрал фразу «Ведь вот как же, так вдруг, именно, непременно последнее», которая явно демонстрирует состояние волнения, в каком герой писал это письмо так, что его слог противоречил им написанному: «А то ведь, ангел небесный мой, это будет последнее письмо: а ведь никак не может так быть, чтобы письмо это было последнее! Да нет же, я буду писать, да и вы-то пишите... а то у меня и слог теперь формируется...». Зная, что письмо действительно оказалось последним, можно предположить, что и А. Битов движется к завершению повествования и разрешению задач [Андрианова 2011: 136–141].

Такое количество внутритекстуального материала помогает Битову общаться с читателем, выражая свое мнение относительно написанного, более детально объяснять свои замыслы, показывать обычно скрытую для читателя филологическую работу над текстом.

Название романа Дж. Барнса «Шум времени» является цитатой названия книги «Шум времени» (1925) О. Э. Мандельштама, который был осужден во время Большого террора и умер во Владивостокском пересыльном лагере в 1938 г. В самом произведении, ассоциирующемся с книгой воспоминаний, О. Э. Мандельштам говорит о гуле времени, который заглушает голоса людей. Это идея красной нитью проходит сквозь роман Дж. Барнса.

В отличие от романа А. Битова, в произведении Дж. Барнса отсутствует большое количество паратекстуальных отсылок, но в эпилоге и прологе заключена основанная мысль автора, которая помогает взглянуть на жизнь композитора так, как видит ее он сам. В конце автор оставил заметку, определив два основных источника биографических данных: книга Элизабет Уилсон «Жизнь Шостаковича, рассказанная современниками» (2006) и книга Соломона Волкова «Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича» (1979). Но при этом констатировал, что многие вещи, описанные в них, не так важны по сравнению с событиями, переживаемыми людьми в тяжелое время сталинских репрессий.

Барнс, «знаток русской литературы и языка, эрудит и аналитик, пишет объемно, роман уходит в глубину: сам текст насыщен ссылками на газетные публикации, аллюзиями на музыкальные произведения, цитатами, которые, переплетаясь воедино, создают атмосферу описываемого времени» [Сидорова 2017: 167]. Основная проблема романа сформулирована Барнсом как своего рода обращение к читателю: “Then there were those who understood a little better, who supported you, and yet at the same time were disappointed in you. Who did not grasp the one simple fact about the Soviet Union: that it was impossible to tell the truth here and live. Who imagined they knew how Power operated and wanted you to fight it, as they believed they would do in your position. In the other words, they wanted your blood” [Barnes 2016: 83]¹. Здесь читается отсылка к трагической судьбе Осипа Мандельштама, дающая представление о том, что могло бы ожидать и самого Шостаковича – ранняя смерть, из-за которой его творчество, истинную суть которого понимали немногие, было бы забыто большинством. Шостакович проходит сложный путь от композитора, создающего музыку для широкой публики, к музыканту, сочиняющему свои выстраданные шедевры – поздние струнные квартеты – только для себя, понимающего, что “Music is not like Chinese eggs: it does not improve by being kept underground for years and years” [ibid.: 85]².

Структура романа маркирует этапы жизненного пути героя. Роман Дж. Барнса изложен в трех частях: “On the Landing” («На лестничной площадке»), “On the plane” («В самолете») и “In the car” («В машине»). Автор изображает композитора во время трех критических моментов его жизни, между которыми пропущены целые десятилетия. Деление именно на три главы можно соотнести с тремя звонками власти, которые изменили судьбу Шостаковича.

Возможна также связь такой структуры с образом тонического трезвучия в музыке, что имеет особый смысл, поскольку главный герой – композитор, а тема музыки является главной в этом произведении. Более того, сам автор говорит о трезвучии напрямую в начале и в конце романа: “So, when the three glasses with their different levels came together in a single chink, he had smiled, and put his head on one side so that the sunlight flashed briefly off his spectacles, and murmured, “A triad” And yet a triad put together by three not very clean vodka glasses and their contents was a sound that rang clear of the noise of time, and would outlive everyone and everything” [ibid.: 136]³.

Тоническое трезвучие возникает как образ рамочной структуры текста: в начале романа Шостакович и его спутник встречаются на желез-

нодорожной станции инвалида, без ног, передвигающегося на низкой тележке. Идет Великая отечественная война, и человек играет на гармонии на станции, пытаясь заработать себе на пропитание. Композитор делит с ним оставшуюся в бутылке водку, и звук сомкнувшихся стаканов порождает у Шостаковича мысль о гармоническом музыкальном аккорде. В начале романа описано само событие, в конце раскрывается содержание вскользь оброненной композитором фразы. Таким образом гармоническое «тоническое трезвучие» заглушает жестокий и неумолимый «шум (гул) времени». Можно также провести аналогию с эпитафией к произведению, который, по утверждению самого Дж. Барнса, был цитатой из какого-то русского романа. «Кому слушать, кому на ус мотать, а кому горькую пить», – гласит эта цитата, в которой также прослеживается три части. Она похожа на русскую пословицу, однако такой пословицы не существует. Смысл стилизации этого выражения под пословицу как «ложной цитаты» раскрывается в рамочном прологе/эпilogе и обуславливает трехчастное деление романного сюжета.

Всё действие в романе происходит в сознании Шостаковича, и повествование ведется в форме внутреннего монолога, воспроизводящего воспоминания главного героя. В романе особенно выделены так называемые «разговоры с Властью». Дмитрий Шостакович постоянно находится в процессе вынужденной коммуникации с правящей элитой по сюжету романа. В каждой из трех глав мы застаем его в момент размышлений на фоне масштабного кризиса, «метания» его разума представлены короткими отрывками текста, в которых смешаны воспоминания и размышления о настоящем [Колесниченко 2019: 82].

Так, название первой главы – “On the Landing” («На лестничной площадке»), здесь мы застаем героя посреди ночи на лестничной клетке его многоквартирного дома, где он находится в ожидании ареста. Проследивая ход его мысли, мы знакомимся с композитором, с его внутренними переживаниями, узнаем историю его жизни, семьи и причину этого ожидания на лестничной площадке: “At Arkhangelsk railway station, opening Pravda with chilled fingers, he had found on page three a headline identifying and condemning deviance “MUDDLE INSTEAD OF MUSIC” that was enough to take away his life!” [Barnes 2016: 22]⁴. Название второй главы “On the plane” («В самолете») отсылает нас к событиям того времени, когда композитор летит в Нью-Йорк как член российской делегации. Эта встреча читателя с Шостаковичем состоится после войны, во время пропагандистского турне по США. Визит вызван его вторым «разговором с властью», телефонным

звонком самого Сталина, который напоминает аналогичный звонок в романе Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (роман, который также ассоциируется с «Шумом времени»). Сталин просит композитора совершить поездку в Америку. К тому времени герой уже восстановлен в партийных списках и, не сумев найти причины для отказа от поездки, соглашается против своей воли. В США организуют пресс-конференцию, где он произносит речь, осуждающую его собственное творчество и, в частности, творчество И. Ф. Стравинского, которого он ценит и которым восхищается. Он читает эту речь «монотонным бормотанием», надеясь, что слова будут приняты такими, какие они есть, – неискренними, написанными под диктовку государства. Однако в зале присутствует журналист Николай Набоков, как называет его автор – «provocateur», заставляющий Шостаковича подтвердить публично свое согласие с критикой А. А. Жданова: “Zhdanov, who had persecuted him since 1936, who had banned him and derided him and threatened him, who had compared his music to that of a road drill and a mobile gas chamber” [ibid.: 80]⁵. Это момент крайнего мучительного унижения для композитора, который не мог говорить открыто.

Третья глава названа “In the car” («В машине»), в ней мы видим пожилого Шостаковича, сидящего на заднем сиденье автомобиля с шофером, ожесточенного постоянными требованиями партии даже сейчас, когда сталинский террор уступил место правлению Никиты Хрущева. Шостакович описывает себя как горбуна «морально, духовно», человека, разбитого телом и духом: “He couldn’t live with himself. It was just a phrase, but an exact one. Under the pressure of Power, the self cracks and splits” [ibid.: 87]⁶. Мы становимся свидетелями его «последнего, самого губительного разговора с властью», когда очередной государственный служащий Поспелов вынуждает его вступить в партию и занять должность председателя Союза композиторов Российской Федерации. Шостакович лаконично диагностирует свой самый большой недостаток: “So, he had lived long enough to be dismayed by himself” [ibid.: 125]⁷.

Внутренняя борьба с собой и попытки устоять в диалоге с властью выражены с помощью приема своеобразной анафоры, когда каждая глава романа начинается с одной фразы, означающей, что именно сейчас наступило худшее для композитора время: “All he knew was that this was the worst time of all” [ibid.: 9]⁸.

Выводы

Филологический роман А. Битова «Пушкинский дом» и роман – вымышленная биография Дж. Барнса «Шум времени» имеют схожие черты

как в структуре, так и в общем замысле. Так, в двух произведениях авторы используют деление на три части, каждая из которых соответствует переломному моменту в жизни главных героев.

Три части романа Дж. Барнса – «На лестничной клетке», «В самолете» и «В машине» – изображают три кризисных момента судьбы композитора, в которых Дмитрий Шостакович пытается найти компромисс с властью, создавая свою музыку, но идеальное трезвучие слышит на полустанке, в звуке удара трех стаканов с водкой, преодолевая «шум времени». Заглавие романа «Шум времени» является паратекстуальным включением, связывающим судьбы Шостаковича и Мандельштама: три музыкальных звука, имеющие в словесном выражении трагическую тональность, выражают завершение рефлексии Шостаковича, прошедшей также три этапа: от утверждения (тезиса), отрицания (антитезиса) к синтезу (идеальному звучанию).

Паратекстуальные включения в виде заглавий, эпиграфов и пролога вводят историю героя А. Битова в контекст русской литературы XIX в. Три Раздела романа – «Отцы и дети», «Герой нашего времени» и «Бедный всадник» – это три периода становления Левы Одоевцева и его поиска себя в профессии филолога. Каждая из глав является цитатой произведения, где герои – «лишние» люди: Базаров, Печорин, Девушкин так и не смогли найти своего места в жизни и сами не были поняты, как и Лева. Единственная литературоведческая работа Одоевцева-младшего, статья «Три пророка», так же, как и Разделы романа, подчиняется принципу смысловой триады, она посвящена сравнению стихов трех русских поэтов – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Ф. И. Тютчева. В рассуждениях Левы есть историко-литературная логика; он совершает математические подсчеты возраста поэтов, создавших три стихотворения: «Пророк» Пушкина и «Пророк» Лермонтова, «Безумие» Тютчева. Стихи соотносятся с разными художественными задачами, но Одоевцев усматривает в них тенденцию к нисхождению, деструкции традиции от Пушкина к Тютчеву. Недаром в построениях Левы обнаруживается только два уровня логического утверждения: тезис и антитезис. Битов, напротив, в отличие от своего героя, начинает с паратекстуальной вставки заглавия романа Тургенева, потом цитирует заглавие романа Лермонтова и в третьем Разделе соединяет Пушкина и Достоевского, создавая смысловой код иронического «заголовка» – таблички, которая одновременно становится рамкой. Историко-литературная логика нарушена, но выстроена содержательная, глубинная идея. Пушкин принадлежит «золотому веку» русской словесности, а творчество Достоевского замыкает историю

литературы XIX в. Принцип триады начинает работать как доказательство от противного: то, что мыслилось как высокое предназначение, мучительный поиск истины в XIX в., в XX в. обретает смысл профанации, трагифарса, выйти из состояния которого можно только путем преодоления разрыва между прошлым и настоящим, обретения вновь пространства Пушкинского дома, восстановив утраченную связь с пушкинской традицией.

Примечания

¹ «Были те, кто понимал немного лучше, кто поддерживал тебя, и, все же, в это же время разочаровывался в тебе. Кто не понимал одного простого факта о Советском Союзе: невозможно было говорить правду и оставаться в живых. Они воображали, что знают, как действует Власть, и хотели, чтобы вы боролись с ней так, как, по их мнению, они поступили бы на вашем месте. Другими словами, они хотели твоей крови» [Barnes 2016: 83] (здесь и далее перевод-подстрочник О. К. Соловьевой).

² «В отличие от китайских тысячелетних яиц, музыка не становится лучше если прятать ее годами» [ibid.: 85].

³ «Когда три стакана, налитые до разных отметок, сдвинулись и звякнули, он улыбнулся, склонил голову набок, так что в линзах очков сверкнуло солнце, и шепнул: «Тоническое трезвучие». Тоническое трезвучие, рождаемое даже там, где звякнули три грязных, по-разному наполненных стакана, заглушит собою шум времени, обещая пережить всех и вся» [ibid.: 136].

⁴ «На Архангельском вокзале, открывая “Правду” окоченевшими пальцами, он обнаружил на третьей странице заголовок, выявляющий и осуждающий отклонение от нормы “СУМБУР ВМЕСТО МУЗЫКИ”, этого было достаточно, чтобы лишить его жизни» [ibid.: 22].

⁵ «Жданов, который преследовал его с 1936 года, который запрещал ему, высмеивал его и угрожал ему, который сравнивал его музыку со звуком дорожного бура и передвижной газовой камеры» [ibid.: 80].

⁶ «Он не мог жить в ладу с самим собой. Это была всего лишь фраза, но точная. Под давлением силы “я” трескается и раскалывается на части» [ibid.: 87].

⁷ «Итак, он прожил слишком долго, чтобы ужаснуться себе самому» [ibid.: 125].

⁸ «Всё что он понял, это то, что сейчас худшее время» [ibid.: 9].

Список литературы

Андрианова М. Д. «Бедный всадник» в окружении «Медных людей». Рецепция творчества Пушкина и Достоевского в романе А. Битова

«Пушкинский дом» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2011. № 11. С. 136–141.

Барнс Дж. Шум времени / пер. с англ. Е. Петровой. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 256 с.

Барт Р. Литература и метаязык // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. С. 131–133.

Битов А. Пушкинский дом. М.: АСТ, 2023. 492 с.

Генис А. Фотография души. В окрестностях филологического романа // Звезда. 2000. № 9. С. 185–200.

Генис А. Частный случай: Филологическая проза. М.: АСТ, 2009. 376 с.

Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М.: Наука, 1982. 213 с.

Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.

Киричук Е. В., Ерофеева Н. Е. Дж. Барнс о прозе Г. Флобера: филологический роман как способ «глубокого чтения» // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2022. Т. 16, № 1. С. 67–74. doi 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1.8.

Киричук Е. В., Федорова А. В. Литературные аллюзии в романе Д. Лоджа «Мир тесен» // Наука о человеке гуманитарные исследования. 2020. Т. 14, № 4. С. 43–48. doi 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.5.

Колесниченко Е. В. Этапы становления личности Д. Шостаковича в «диалоге» с властью (на материале романа Дж. Барнса «Шум времени») // Современная англистика и американистика: актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. науч. ст. II межвуз. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, посвящ. 70-летию Ольги Васильевны Афанасьевой. М.: Диона, 2019. С. 82–86.

Кристева Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики: пер. с фр. М.: Рос. полит. энцикл., 2004. 656 с.

Крушинский А. А. Субъект, пространство, время: как читать древнекитайский текст // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 17–35. doi 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-17-35.

Ладохина О. Филологический роман: фантом или реальность русской литературы XX века. Томск: Водолей, 2010. 165 с.

Новиков В. Филологический роман. Старый жанр на исходе столетия // Новый мир. 1999. № 10. С. 193–205.

Сидорова О. Г. «Большой террор» в современном британском романе // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 19, № 4(169). С. 161–175. doi 10.15826/izv2.2017.19.4.071.

Степанова И. М. Филологический роман как «промежуточная словесность» в русской прозе конца XX века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (Филология). 2005. № 6(50). С. 75–82.

Трофимова Л. В. Роман Барбары Фришмут «Пора созревания»: специфика филологического романа // Научный диалог. 2019. № 9. С. 219–229. doi 10.24224/2227-1295-2019-9-219-229.

Хохлова Е. В. Философские аспекты автобиографической прозы Джулиана Барнса // Новый филологический вестник. 2015. № 1 (32). С. 140–146. doi 10.24411/2072-9316-2015-00013.

Чернигова И. В. Коммуникативный потенциал паратекста французских художественных произведений XVI–XVII веков (на материале авторских и издательских предисловий): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006. 208 с.

Barnes J. *The Noise of Time*. Jonathan Cape, UK, 2016. 192 p.

Faleev A. N., Filatova M. N., Mayer V. V. Postmodernism: theoretical and methodological problems // ASTRA Salvensis. 2020. Supplement № 1. P. 307–319.

References

Andrianova M. D. 'Bednyy vsadnik' v okruzhenii 'Mednykh lyudey'. Retseptsiya tvorchestva Pushkina i Dostoevskogo v romane A. Bitova 'Pushkinskiy dom'. ['Poor horseman' amidst 'Bronze people'. Reception of Pushkin's and Dostoevsky's works in Andrei Bitov's 'Pushkin House']. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2011, issue 11, pp. 136–141. (In Russ.)

Barnes J. *Shum vremeni* [The Noise of Time]. Transl. from Eng. by E. Petrova. St. Petersburg, Azbuka-Atticus Publ., 2018. 256 p. (In Russ.)

Barthes R. *Literatura i metazyk* [Literature and metalanguage]. In: Barthes R. *Izbrannyye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Transl. from French, comp., ed. and pref. by G. K. Kosikov. Moscow, Progress Publ., 1989, pp. 131–133. (In Russ.)

Bitov A. *Pushkinskiy dom* [Pushkin House]. Moscow, AST Publ., 2023. 492 p. (In Russ.)

Genis A. *Fotografiya dushi. V okrestnostyakh filologicheskogo romana* [The photography of the soul. In the vicinity of the philological novel]. *Zvezda* [Star], 2000, issue 9, pp. 185–200. (In Russ.)

Genis A. *Chastnyy sluchay: Filologicheskaya prosa* [A Special Case: Philological Prose]. Moscow, AST Publ., 2009. 376 p. (In Russ.)

Genette J. *Palimpsesty: literatura vo vtoroy stepeni* [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 213 p. (In Russ.)

Ilyin I. *Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm* [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism]. Moscow, Intrada Publ., 1996. 256 p. (In Russ.)

Kirichuk E. V., Erofeeva N. E. Dzh. Barns o proze G. Flobera: filologicheskiiy roman kak sposob 'glubokogo chteniya' [J. Barnes' considerations about G. Flaubert's prose: philological novel as a means of 'profound reading']. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], 2022, vol. 16, issue 1, pp. 67–74. doi 10.17238/issn1998-5320.2022.16.8. (In Russ.)

Kirichuk E. V., Fedorova A. V. Literaturnye allyuzii v romane D. Lodzha 'Mir tesen' [Literary allusions in the novel 'Small World' by D. Lodge]. *Nauka o cheloveke: gumanitarnye issledovaniya* [Russian Journal of Social Sciences and Humanities], 2020, vol. 14, issue 4, pp. 43–48. doi 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.5. (In Russ.)

Kolesnichenko E. V. Etapy stanovleniya lichnosti D. Shostakovicha v 'dialoge' s vlast'yu (na materiale romana Dzh. Barnsa 'Shum vremeni') [The stages of the development of D. Shostakovich's personality in 'dialogue' with power (based on the novel 'The Noise of Time' by J. Barnes)]. *Sovremennaya anglistika i amerikanistika: aktual'nye problemy lingvistiki i literaturovedeniya: sb. nauch. st. II mezhvuzovskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, magistrantov i aspirantov, posvyashchennoy 70-letiyu Ol'gi Vasil'evny Afanas'evoy* [Modern English and American Studies: Current Issues of Linguistics and Literary Criticism: a collection of scientific articles of the II Interuniversity Scientific and Practical Conference of Students, Undergraduates and Graduate Students dedicated to the 70th anniversary of birth of Olga Vasil'evna Afanas'eva]. Moscow, Diona Publ., 2019, pp. 82–86. (In Russ.)

Kristeva Yu. *Izbrannyye trudy: razrushenie poetiki* [Selected Works: Deconstructing Poetics]. Transl. from French. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 656 p. (In Russ.)

Krushinskiy A. A. Sub'ekt, prostranstvo, vremya: kak chitat' drevnekitayskiy text [Subject, space, time: how to read ancient Chinese text]. *Idei i idealy* [Ideas and Ideals], 2020, vol. 12, issue 3, pt. 1, pp. 17–32. doi 10.17212/2075-0862-2020-12.3.1-17-35. (In Russ.)

Ladokhina O. *Filologicheskiiy roman: fantom ili real'nost' russkoy literatury XX veka* [The Philological Novel: Phantom or Reality of Russian Literature of the 20th Century]. Tomsk, Vodoley Publ., 2010. 165 p. (In Russ.)

Novikov V. *Filologicheskiiy roman. Staryy zhanr na iskhode stoletiya* [The philological novel. An old genre at the turn of the century]. *Novyy mir* [New World], 1999, issue 10, pp. 193–205. (In Russ.)

Sidorova O. G. 'Bol'shoy terror' v sovremennom britanskom romane ['The great terror' in the con-

temporary British novel]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2. Gumanitarnye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts], 2017, vol. 19, issue 4 (169), pp. 161-175. (In Russ.)

Stepanova I. M. Filologicheskii roman kak 'Promezhutochnaya slovesnost' v russkoy proze kontsa XX veka [The philological novel as an 'Intermediate literature' in the Russian prose of the end of 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki (Filologiya)* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2005, issue 6 (50), pp. 75-82. (In Russ.)

Trofimova L. V. Roman Barbary Frishmut 'Pora sozrevaniya': spetsifika filologicheskogo romana [Barbara Frishmuth's novel 'Time of Ripening': Specificity of a philological novel]. *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], 2019, issue 9, pp. 219-229. doi 10.24224/2227-1295-2019-9-219-229. (In Russ.)

Khokhlova E. V. Filosofskie aspekty avtobiograficheskoy prozy Dzhuliana Barnsa [Philosophical aspects of autobiographical prose by Julian Barnes]. *Novyy filologicheskii vestnik* [The New Philological Bulletin], 2015, issue 1 (32), pp. 140-146. doi 10.24411/2072-9316-2015-00013. (In Russ.)

Chernigova I. V. *Kommunikativnyy potentsial parateksta frantsuzskikh khudozhestvennykh proizvedeniy XVI-XVII vekov (na materiale avtorskikh i izdatel'skikh predisloviy)*. Diss. kand. filol. nauk [The communicative potential of the paratext of French fiction works of the 16th-17th centuries (based on the material of the authors' and publishers' prefaces). Cand. philol. sci. diss.]. Irkutsk, 2006. 208 p. (In Russ.)

Barnes J. *The Noise of Time*. United Kingdom, Jonathan Cape Publ., 2016. 192 p. (In Eng.)

Faleev A. N., Filatova M. N., Mayer V. V. Postmodernism: Theoretical and Methodological Problems. *ASTRA Salvensis*, 2020, supplement issue 1, pp. 307-319. (In Eng.)

The Features of Philological Prose in the Novels of A. Bitov and J. Barnes: On the Problem of Paratextuality

Olga K. Solovieva

Postgraduate Student at the Department of Russian Language, Literature
and Document Communications

Dostoevsky Omsk State University

55-A, prospekt Mira, Omsk, 644077, Russia. suvorovaolka@yandex.ru

Submitted 02 Mar 2025

Revised 07 Jul 2025

Accepted 21 Aug 2025

For citation

Solovieva O. K. Khudozhestvennye osobennosti filologicheskoy prozy v romanistike A. Bitova i Dzh. Barnsa: k probleme paratekstual'nosti [The Features of Philological Prose in the Novels of A. Bitov and J. Barnes: On the Problem of Paratextuality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 122-132. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-122-132. EDN ICOKPT (In Russ.)

Abstract. The article explores intertextual inclusions in philological prose through the examples of works by modern writers: *Pushkin House* (1971) by A. Bitov (USSR) and *The Noise of Time* (2016) by J. Barnes (England). One of the research objectives is to analyze the legitimacy of considering the novel *The Noise of Time* as that possessing the features of a philological novel. Since this work is considered in the country of origin as a fictional biography, the article examines the accepted markers of a philological novel and their presence in the novel by J. Barnes. The comparison of the two works reveals a common cultural code since the heroes of the novels are both affected by the time of the Great Terror. A. Bitov's novel is an artistic text that creates a literary portrait of the epoch employing the means of a philological novel. J. Barnes creates secondary text using already published biographies of Dmitri Shostakovich, but creatively rethinks biographical materials. A comparative analysis showed that one of the special features of the novels is their structure, characterized by the presence of several types of interaction between texts, including intertextuality

and paratextuality. The novels contain quotes and allusions to classical Russian works of Alexander Pushkin, Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy. The relationship between the texts and their titles, chapters, and epigraphs helps to create subtext, characteristic of a philological novel, the understanding of which requires at least minimal philological knowledge. A philological novel and a fictional biography novel synthesize memoir, biographical, essayistic, and artistic discourses. For the writer, the facts of biography and fiction become equivalent means of creating a literary image. As material the writer can use diaries or essays written by a historical figure, prototypes of the heroes. The personality of the hero, proposed for the reader as a riddle to solve, allows one to see the hidden meaning of the text, to join the intellectual game.

Key words: postmodernism; philological novel; fictional biography; J. Barnes, A. Bitov; paratextuality.

УДК 811.111
doi 10.17072/2073-6681-2025-3-133-143
<https://elibrary.ru/idocux>

EDN IDOCUX

Поэтика репортажей Джона Стейнбека с фронтов Второй мировой войны

Суркова Александра Сергеевна

аспирант кафедры истории зарубежной литературы

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1. alexa_surkova@mail.ru

**младший научный сотрудник отдела литератур Европы и Америки
Новейшего времени**

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а

SPIN-код: 2431-5693

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>

ResearcherID: JQV-3453-2023

Статья поступила в редакцию 18.03.2025

Одобрена после рецензирования 06.07.2025

Принята к публикации 20.07.2025

Информация для цитирования

Суркова А. С. Поэтика репортажей Джона Стейнбека с фронтов Второй мировой войны // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2025. Т. 17, вып. 3. С. 133–143. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-133-143. EDN IDOCUX

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей военной журналистики периода Второй мировой войны на примере европейских и североафриканских репортажей Джона Стейнбека. Исследуется трансформация подходов к освещению боевых действий в сравнении с Первой мировой войной, отмечается расширение географического масштаба конфликта, усложнение задач корреспондентов и влияние цензурных ограничений. Подчеркивается разнородный состав военных корреспондентов, в число которых входят такие известные литераторы, как Стейнбек, чья журналистская деятельность остается малоизученной.

Особое внимание уделяется противоречиям между пропагандой и достоверностью в условиях жесткой цензуры. На примере сборника репортажей Стейнбека «Однажды была война» раскрываются методы работы корреспондента – акцент на «маленьких историях», ирония, контраст между бытовыми деталями и ужасами войны, использование художественных приемов в документальном повествовании. Исследуется специфика его репортажей из Англии, Северной Африки и Италии, где война предстает фоном для человеческих историй, а героями становятся рядовые солдаты и женщины на фронте. В статье раскрывается, как цензура и пропаганда формировали публичный образ войны, а Стейнбек, балансируя между правдой и патриотическим нарративом, стремился сохранить гуманистический фокус. Делается вывод об уникальности его подхода, сочетающего документальную точность с литературной выразительностью, что позволило запечатлеть не только события, но и эмоциональный опыт участников, оставаясь в рамках требований военного времени.

Ключевые слова: Вторая мировая война; американская литература; Джон Стейнбек; военная журналистика; художественное и документальное; цензура; репортаж.

Вторая мировая война была беспрецедентным событием не только по масштабам потерь, но и по способу ведения боевых действий, поэтому к освещению ее эпизодов требовался особый подход. Кроме особенностей профессиональной подготовки корреспондентов, отличительной чертой новой войны был ее масштаб, который с точки зрения расстояний и сложности сделал практически невозможным повторение репортерского опыта Первой мировой. В годы Великой войны, как правило, в один промежуток времени происходило только одно сражение, в то время как боевые действия Второй мировой шли в различных отдаленных друг от друга районах, были многочисленными и постоянными.

К 40-м гг. XX в. сменилось поколение военных писателей и репортеров; на их профессионализм и объективность в изображении военных реалий повлияло развитие документальных жанров (фотоальбомы с текстом, фильмы) в Америке 1930-х гг. Некоторые исследователи приписывали прозаичный, уравновешенный, непритязательный репортаж этих корреспондентов «строгой прямоте американской журналистской подготовки и их воспитанию в маленьких городках Индианы, Южной Дакоты, Канзаса и других мест по всему континенту» [Sevareid 1946: 9]. Американские репортеры Второй мировой войны были выходцами из самых разных слоев общества и представителями самых разных профессий: городские интеллектуалы, окончившие ведущие университеты, и провинциалы, часто даже никогда не бывавшие за пределами своего штата; полиглоты и журналисты, не знавшие иностранных языков; опытные военные корреспонденты и новички. Некоторые служили на протяжении всей войны, другие – всего несколько месяцев. Одни корреспонденты завоевали популярность как профессиональные журналисты или литераторы (например, Эрнест Хемингуэй, Эрскин Колдуэлл и Джон Стейнбек) еще до начала войны; другие (Эдвард Р. Марроу и Уолтер Кронкайт) создали свою будущую блестящую карьеру на полях сражений. Кроме профессиональных журналистов, получив аккредитацию в том или ином периодическом издании, на фронт часто отправлялись писатели.

Если в случае с «Папой Хэмом» опыт участия в различных военных конфликтах стал общеизвестным фактом биографии автора и очевидным образом повлиял на тематику и поэтику его произведений («Прощай, оружие!», «По ком звонит колокол», «За рекой, в тени деревьев»), то история журналистского пути Джона Стейнбека до сих пор остается малоизученной. Единственным художественным произведением автора на тему войны стала пропагандистская повесть-пьеса

«Луна зашла» (“The Moon Is Down”, 1942), написанная в преддверии его отправки на фронты Англии, Северной Африки и Италии. Критиками произведение было встречено прохладно: автора обвинили в отходе от привычной реалистической манеры письма, а также в том, что он слишком мягко изобразил фашистских захватчиков, нивелировав тем самым агитационный запал книги [Жданова 2015: 265]. В связи с этим интересным представляется исследование репортажей Стейнбека, написанных непосредственно с мест событий, с точки зрения соответствия нормам и негласным законам публицистики военного времени, а также выявление особенностей индивидуальной авторской повествовательной техники в непривычном для писателя жанре. При этом нужно отметить, что роль журналиста в 1943 г. не была для Стейнбека в новинку: девятью годами ранее по заданию газеты “San Francisco News” он отправился в командировку в глубинку Калифорнии, чтобы подготовить серию материалов о мексиканских мигрантах, озаглавленных «Цыгане периода урожая» (“The Harvest Gypsies”, 1936). Эти семь статей стали первым журналистским успехом Стейнбека, «спровоцировав» жесткий реализм его художественных произведений 1930-х гг. [Стейнбек 2018: 13–14].

На войне серьезным препятствием к донесению полной и достоверной информации с фронта (помимо постоянного риска для жизни) на пути Стейнбека и других корреспондентов были суровые цензурные ограничения военного времени. Вскоре после нападения на Перл-Харбор для проверки всех сообщений, входящих и исходящих из Соединенных Штатов, правительством было создано Управление цензуры (Office of Censorship). Его возглавил Байрон Прайс, который утверждал, что в своей работе он, «насколько это было возможно, стремился избежать слишком строгих ограничений, чтобы не оставить американцев в неведении о реальном ходе войны» [Flint 1981: 44]. Несколько другие задачи были у Управления военной информации (Office of War Information, OWI) – по указанию президента США Франклина Делано Рузвельта у OWI была цель, «используя прессу, радио, кино и другие СМИ, формулировать и осуществлять информационные программы, призванные способствовать развитию внутри страны и за рубежом всестороннего и осмысленного понимания состояния и прогресса военных усилий и военной политики, деятельности и целей американского правительства» [Winkler 1978: 34]. Пропаганда OWI на территории США велась различными средствами (все виды печатных изданий, плакатное искусство, радио- и кинопередачи, выступления экспертов) по максимально широкому

спектру: «не только “отрицательная” (негативный образ стран “Оси”), но и положительная (соответствующий образ США как многонациональной страны, все население которой сплотилось, чтобы помочь сражающимся за демократию)» [Суржик 2013: 6].

Кроме того, в военной публицистике существовали два вида цензуры: добровольная (внутренняя) и обязательная (в зонах боевых действий). Добровольная, внутренняя цензура для американских журналистов была одной из вынужденных жертв условиям военного времени: с одной стороны, Вторая мировая война была самым громким событием середины века, неиссякаемым источником «сенсаций»; с другой – без определенного контроля над информацией неприятель мог найти в новостных репортажах секретные сведения. Исследователь военной цензуры Майкл Суини отмечает, что «нарушение добровольного цензурного кодекса противоречило бы не только потребностям армии и правительства, которые якобы сражались в защиту таких свобод, как свобода прессы и свобода слова, но и ценностям равенства. Журналисты отстаивали права Первой поправки и требовали, чтобы цензура не давала никому преимуществ в осуществлении этих прав. <...> Ни один журналист никогда сознательно не нарушал добровольный цензурный кодекс Второй мировой войны после того, как был ознакомлен с ним и понял его смысл» [Sweeney 2001: 3–4]. Дихотомия положительной и отрицательной оценки правительственных ограничений на деятельность прессы в военное время продуцировалась на тезис “World War II as Good War” – «Вторая мировая война как Хорошая война». Согласно этому взгляду, «нация была едина в борьбе с настолько сильными врагами, что любое отвлечение от военных целей было просто невыносимо. Журналисты, по мнению некоторых генералов, были патриотами, солдатами с печатными машинками и поэтому они должны были отказаться от обычных репортерских практик ради общего блага» [Blanchard 2013: 343]. При этом, если речь не шла об открытом шпионаже или разглашении государственных тайн, американские правила цензуры во время Второй мировой войны не предусматривали серьезных юридических санкций для журналистов, нарушивших цензурный кодекс.

Если говорить о цензуре в зоне боевых действий, то она не допускала к публикации материалы, содержащие потенциально секретную информацию, в невыгодном свете представлявшую деятельность американских или союзнических войск. Управление военной информации и цензуры при президенте Франклине Д. Рузвельте накладывало жесткие ограничения на публика-

цию любых военных сведений, начиная с данных о принадлежности и передвижении воинских частей и техники, информации о потерях, местонахождении архивов и художественных ценностей и заканчивая упоминаниями географических названий¹, прогнозами погоды и температурой в крупных городах [Pritchard 2003]. Существовал тотальный запрет на публикацию фотографий погибших американских солдат. Исключение было сделано лишь спустя два года после нападения Японии на Перл-Харбор – тогда руководство страны решило, что изображения павших воинов помогут мобилизовать общественную поддержку вступления США в войну [Botha 2007: 83]. Если дела на фронте шли плохо, официальные коммюнике часто замалчивали правду. Цензоры нередко допускали ошибки или отказывались признавать достоверность присланной журналистами информации – ярким примером может служить отказ принимать на веру первые сообщения об ужасах, творившихся в европейских концлагерях.

Получить представление об особенностях журналистской работы в зоне боевых действий можно из предисловия к сборнику репортажей Джона Стейнбека «Однажды была война» (“Once There Was a War”, 1958), где он откровенно рассказывает о том, что его репортажи были написаны под большим давлением и должны были выполнять ряд негласных правил:

«В американской армии не было трусов, а из всех храбрецов простой пехотинец был самым храбрым и благородным. <...> У нас не могло быть жестоких, амбициозных или невежественных командиров. <...> Пять миллионов совершенно нормальных, молодых, энергичных и склонных к возбуждению мужчин и парней на время войны легко отказались от своей озабоченности женским полом» [Steinbeck 1960: 10] (Здесь и далее перевод наш. – А. С.).

Однако и эти правила знали исключения в особо вопиющих ситуациях несоблюдения моральных норм или громких военных ошибок – в таких случаях информация могла дойти до американских читателей не из рук официально аккредитованных корреспондентов: «Когда генерал Паттон нанес пощечину больному солдату в госпитале и когда наши военно-морские силы в Гелле сбили пятьдесят девять наших же бронетранспортеров, генерал Эйзенхауэр лично попросил военных корреспондентов не писать репортажи на эти темы, потому что они плохо повлияли бы на моральный дух в стране. И корреспонденты не отправляли такие статьи. Конечно, в итоге информация из Военного министерства попала к местному журналисту, и статьи все равно были напечатаны, но никто на местах не внес свой

вклад в это предательство военных усилий» [ibid.: 11]. Стейнбек даже спустя полтора десятилетия после окончания Второй мировой войны был уверен, что если бы репортажи военных корреспондентов рассказывали всю правду, это породило бы в тылу панику и неуверенность в боеспособности американской армии: «Да, мы написали только часть правды о войне, но в то время мы верили, горячо верили, что это было лучшее, что можно было сделать. И, возможно, именно поэтому, когда война закончилась, романы и рассказы бывших солдат, такие как “Нагие и мертвые”, оказались столь шокирующими для публики, которую мы тщательно оберегали от соприкосновения с безумным истеричным хаосом настоящей войны» [ibid.: 14]. Таким образом, статьи, не единожды отредактированные как самими корреспондентами, так и военными цензорами, выполняли важную пропагандистскую функцию.

Примечательно, что во многих американских исследованиях, анализирующих публицистику военного времени, слово «пропаганда» применяется исключительно в отношении информационной работы противников (“Nazi propaganda”, “anti-Semitic propaganda”, “Japanese propaganda”, “Vichy propaganda”; в послевоенное время: “anti-American propaganda”, “Russian/Soviet propaganda”). Стоит разобраться в терминологии: согласно Оксфордскому словарю, пропаганда – это систематическое распространение информации, особенно в предвзятой или вводящей в заблуждение форме, с целью продвижения определенной цели или точки зрения, часто политической программы. Используемая как пренебрежительный термин, особенно в отношении одного врага к другому, пропаганда может быть более нейтрально понята как «центральное средство организации и формирования мысли и восприятия; практика, которая пронизывает двадцатый век» [The Oxford Handbook... 2013: 2].

Невозможно представить, чтобы созданные в Соединенных Штатах в военное время институты, регулирующие деятельность средств массовой информации, пренебрегали каким-либо инструментом общественного влияния. Перед государством стоял ряд задач: преодолеть изоляционистские настроения своих граждан; объяснить резкую смену курса в отношениях с Советским Союзом; обосновать необходимость повышения налогов и переориентации экономики страны на военные рельсы и т. д. Для этого использовались все возможные средства: статьи в авторитетных газетах и журналах; радиопередачи и фильмы, разъясняющие, почему необходимо вступать в войну (например, серия пропагандистских видеороликов Военного Департамента США под

названием “Why We Fight”, 1942–1945 гг.); плакатное искусство; комиксы и др.

Когда война в Европе начала выходить за рамки того, что можно было бы игнорировать, писатель Джон Стейнбек начал прилагать усилия к тому, чтобы приблизить ее окончание. В сентябре 1940 г., вместе с заведующим кафедрой анатомии в Чикагском университете Мелвином Найсли, Стейнбек представил Рузвельту их план по дестабилизации экономики Германии. Идея заключалась в том, чтобы переправить по воздуху на немецкую территорию большое количество фальшивых марок. Рузвельту, по словам Стейнбека, идея понравилась, но министр финансов Генри Моргентау считал, что это не сработает, и от этого плана отказались [Parini 1995: 304].

Со временем Стейнбек стал еще активнее включаться в военные события: начал сотрудничать с Департаментом военной информации, опубликовал (и внес все потребовавшиеся для этого правки) пропагандистскую повесть-пьесу «Луна зашла», летом 1942 г., по настойчивой просьбе правительства и лично президента Рузвельта, написал книгу о подборе и подготовке экипажей бомбардировщиков армии США «Бомбы вниз: История экипажа бомбардировщика» (“Bombs Away: The Story of a Bomber Team”, 1942). Процесс создания документальной книги заключался в том, что писатель путешествовал с одной американской базы военной подготовки на другую, живя вместе с солдатами во время их тренировок и наблюдая за тем, как проходили их дни. «Это огромная работа, за которую я взялся, и я должен сделать ее хорошо» [ibid.: 325], – писал Стейнбек своей жене. За месяц, вместе с фотографом Джоном Своупом, он побывал на двадцати аэродромах во многих штатах; Стейнбек летал практически на всех типах самолетов, которые были в распоряжении вооруженных сил; посещал занятия вместе с солдатами, обедал с ними, спал в их казармах.

Поездка продлилась до конца июня, и ему дали время до первого августа, чтобы завершить книгу, которая впоследствии была хорошо принята читателями. Некоторые критики, такие как Роберт Морсбергер, высказались в пользу ее литературной ценности: «Несмотря на то, что “Бомбы вниз” написана по заданию и под давлением, это ни в коем случае не журналистская халтура. Возможно, сегодня это самая забытая книга Стейнбека <...>, но ее стоит прочитать, и в ней есть ряд важных элементов для изучения Стейнбека. В частности, эта книга подробно демонстрирует так называемую теорию фаланги (“phalanx theory”) Стейнбека, его интерес к тому, что происходит, когда люди работают вместе, в команде» [ibid.: 326]: «Это действительно

была команда, каждый член которой чувствовал ответственность друг за друга. <...> Здесь нет командира с подчиненными, но есть группа людей, действующих как единое целое, в то время как каждый член проявляет рассудительность, дальновидность и заботу об остальных» [Steinbeck 2009: 30].

Писатель использует простые, но яркие образы, которые способны передать, вероятно, его собственные ощущения от полета: «Маленький самолет балансирует в воздухе, легкий, как каню, и надежный в руках летчика, и весь он парит, как лист, отзываясь на легчайшее прикосновение, и это ощущение – полет, гордость и странное ощущение силы и свободы» [ibid.: 120]. Национальная гордость тоже играет важную роль в этой книге – большое место Стейнбек отводит описанию успехов Америки, как в текущем военном производстве, так и в мировой истории в целом. Не без пропагандистского пафоса он упоминает внутренние достижения Соединенных Штатов в области энергетики, прокладки шоссе и железных дорог, в добыче полезных ископаемых, в подготовке лучшей в мире армии – всё это, по утверждению Стейнбека, дает Америке огромное преимущество в ведении текущей войны и помощи союзникам: «Президент поставил перед производством цель, которая поначалу казалась почти безумной, но теперь эта цель достигнута» [ibid.: 23].

После работы над рядом сценариев к голливудским фильмам о войне – «Медаль для Бенни» (“A Medal for Benny”, 1945, реж. И. Пичел), «Спасательная шлюпка» (“Lifeboat”, 1944, реж. А. Хичкок) – Стейнбек пытался устроиться военным корреспондентом в крупную газету или информационное агентство (он безуспешно обращался в “Associated Press” и “Reuters”). В апреле газета “New York Herald Tribune” предложила ему работу при условии, что он получит необходимые разрешения. Армейская контрразведка в рамках обычной «проверки на благонадежность» провела собеседования со многими людьми, и Стейнбек был представлен некоторыми из них как опасный радикал. Неблагонадежность американского писателя заключалась в том, что ранее он публиковал статьи в известных «красных» изданиях, таких как “Pacific Weekly”. Однако в итоге Стейнбеку дали разрешение на работу военным корреспондентом, но его деятельность была строго ограничена и за ней пристально следили.

В упомянутом выше предисловии к сборнику «Однажды была война» Стейнбек делится и другими подробностями своего репортерского опыта. Например, он рассказывает о своем методе подачи информации: «Я никогда не признавался,

что видел что-то сам. Описывая сцену, я неизменно вкладывал это в уста кого-то другого. Я не помню точно, зачем я так делал. Возможно, я чувствовал, что было бы более правдоподобно, если бы эту историю рассказал кто-то другой. Или, возможно, я чувствовал себя незванным гостем, который подслушивает разговоры о войне, и мне было немного стыдно за то, что я вообще там находился» [Steinbeck 1960: 13]. Стейнбек писал, что ему было совестно за то, что он, в отличие от солдат, в любой момент мог вернуться домой, но при этом отмечал, что работа военным корреспондентом тоже была очень опасной. Его обязанности, кроме всего прочего, заключались в снабжении военных частей, транспортировке и штабной работе. «Даже боевые подразделения, – с некоторым недовольством отмечает писатель, – получали небольшой отдых после выполнения задания. Но редакторы газет, направившие военных корреспондентов в командировку, сразу начинали нервничать, если их подчиненные не находились в непосредственной близости от места событий» [ibid.].

В своих военных донесениях он рассказывал о жизни на британской авиабазе, обаянии американского комика Боба Хоупа, песне “Lili Marlene” и отвлекающей операции у побережья Италии. Заголовки каждой из статей указывали на примерное местонахождение автора: “Somewhere in England”, “Bomber Station in England”, “Somewhere in The Mediterranean Theater” и др. – сам Стейнбек признавался, что спустя 15 лет уже не помнил, где происходили те или иные описываемые события, и когда издательство “The Viking Press” предложило ему указать конкретные места, он не смог этого сделать.

Рассмотрим несколько репортажей писателя из разных театров военных действий. Одной из первых статей, написанных Стейнбеком в Англии, была заметка «Военный корабль» (“Troopship”) от 20 июня 1943 г., посвященная описанию загрузки на военное судно нескольких тысяч солдат. Их индивидуальности стираются перед лицом грядущих событий, писатель показывает это на примере такого элемента экипировки, как стальной шлем: «Существует много способов носить шляпу или кепку. Человек может выразить себя в наклоне или изгибе головного убора, но это не сработает со шлемом. Есть только один способ носить шлем, и по-другому его не надеть. Он сидит ровно на голове, низко над глазами и ушами, вплотную к затылку. В шлеме вы – гриб на грядке с точно такими же грибами» [ibid.: 17]. «Грибная» метафора, очевидно, понравилась Стейнбеку, отчего в небольшой статье такое сравнение звучит дважды. О слиянии описанного множества солдат в один большой организм,

готовый вскоре дать отпор неприятелю, говорят и другие выражения: «У них нет ни индивидуальности, ни своей личности. Эти люди – части армии», «с наступлением сумерек невозможно отличить одного человека от другого», «корабль ждет, чтобы принять в себя тонну людей», «пол-акра спящих тел – людей, ног и оборудования». Погрузка на борт происходит быстро, тихо, слаженно; на протяжении всего пути уставшие люди будут безропотно выполнять приказы командира, отвечающего за солдат своей головой. С горькой иронией Стейнбек подчеркивает: «Это [теперь] не круизный лайнер»; комната, которая раньше служила корабельным театром, превратилась в командный штаб, место актеров заняли сдержанный командир и усталый светловолосый адъютант. Такую суровую и вместе с тем обнадеживающую картину военный корреспондент рисует в своем первом репортаже.

Совершенно другие образы возникают в статье Стейнбека от 4 июля того же года, посвященной Дню независимости США, – «День воспоминаний» (“Day of Memories”). Американские солдаты в Лондоне становятся участниками праздничных торжеств, и большую часть репортажа занимает описание развлечений и угощений, подготовленных англичанами для союзников: «Гостеприимные жители Лондона подавали флан и трифл³, печенье и чай, мармелад, джин и лайм, скотч и воду, а также “пивные” хот-доги с горчицей, стекающей с нижней части и затекающей в рукав. Гамбургеры, из круглых булочек которых вываливался лук. Попкорн, с которого капало масло. Жгучий запах виски и бочки с пивом на подставках. Шоколадные торты и вареные яйца <...>» [ibid.: 42–43]. Стейнбек перечисляет много деталей, создавая атмосферу веселой суеты, но яркая картина изобилия вдруг резко сменяется минорным настроением: оказывается, что солдат, находящихся за тысячи километров от дома, не радуют веселые девушки и бесплатные экскурсии по памятникам английской истории. Все это они готовы променять на возможность оказаться дома: «Это время тоски по дому, и на Рождество будет еще хуже. <...> Ни одно шоу не сравнится с двойным сеансом в “Одеоне”, никакая еда в подметки не годится полуночному сэндвичу в “Joe’s”, и никто в мире не будет так красив, как блондинка Марджи, работающая в “Poppy”» [ibid.: 43].

На фоне всеобщей тоски усилия английских девушек, которые стараются быть привлекательными, несмотря на трудности военного времени (нехватка помады, духов), оказываются тщетными – как и старания англичан воссоздать «американскость». Оркестры играют «Звездное знамя», подают гамбургеры, попкорн и пиво. Но эти

символы – лишь бледная имитация дома, и даже еда («гамбургеры, из которых вываливается лук») становится метафорой неуклюжей попытки утешить солдат. В конце статьи Стейнбек говорит о том, что американцы будут вспоминать Лондон как экзотическое приключение, но сейчас усилия союзников не приносят им никакой радости. О личном измерении этого репортажа свидетельствует письмо, отправленное в тот же день Стейнбеком его жене, Гвин Конджер:

«Дорогая моя:

Сегодня воскресенье, четвертое июля, и улицы полны американской тоски по дому. Я тоже тоскую. Вчера вечером я несколько часов гулял и разговаривал со многими солдатами. Они злятся на беспорядок в Вашингтоне и скучают по дому. <...>

Сейчас у меня действительно мало времени. Спиртное такое дорогое и такое вредное, что я не прибегаю к нему. Думаю, у меня есть только то, что есть у солдат. День довольно жаркий, а дождя не было уже две недели или больше. Трава уже потемнела. Но, похоже, скоро начнется дождь. Становится душно. Сегодня не самый подходящий день для работы, но я должен что-то сделать. Думаю, сегодня я напишу статью о тоске по дому в Лондоне. Вот что здесь происходит.

Люблю тебя и тоже скучаю по дому» [Steinbeck 1989: 269].

Военного быта в статье немного – лишь мимоходом упоминаются парящие в воздухе аэролаты и наваленные возле церкви мешки с песком, а также вспоминаются сирены, провозглашающие скорый воздушный налет. В целом достаточно трудно найти статьи Стейнбека, в которых непосредственно описывались бы военные действия: даже если в начале репортажа дается некий «зачин» с нападением врага, внимание Стейнбека очень скоро переводится на «маленькие картинки» (“little pictures”) [Day 1966: 57]: описание какой-либо детали, окруженной ореолом связанных с ней ассоциаций, концентрируется на отдельных людях и на том, как они ведут себя в минуты затишья. Так, к примеру, в статье «Береговая батарея» (“Coast Battery”) от начавшегося было описания наводки орудия под аккомпанемент сигнала воздушной тревоги писатель переводит тему на быт смешанной – наполовину мужской, наполовину женской – бригады солдат, и, что еще более неожиданно, во второй части статьи вдается в пространное рассуждение о неправдоподобности современного ему военного кинематографа. Вновь, как и в предыдущей рассмотренной статье, писатель использует метод контраста. Из тихо и сосредоточенно отдающих команду «Огонь!» солдат утром к вечеру, в минуты затишья, девушки преобразуются во взволнованных зрительниц, которые идут в кино и верят любому экранному

вымыслу, даже если они на своем опыте знают, какова настоящая война: «Сегодня днем девушки были потными, пыльными, от них пахло кордитом⁴. Война была их работой. Но когда фильм закончится, они вернутся в казарму, возбужденно рассказывая о прелестях голливудской войны. Они возвращаются к своей рутинной работе – защите побережья Англии от нападения, и, идя домой, напевают: “You'd be sooo naice to come 'ome to, You'd be so naice by a fire”⁵» [Steinbeck 1960: 50]. Такая эмоциональная вовлеченность женщин в фильм, несмотря на знание реальной войны, подчеркивает их потребность в эскапизме, показывает невозможность, даже находясь в эпицентре войны, думать о ней постоянно, забывая о радостях мирной жизни.

Стейнбек показывает, как война перераспределяет традиционные роли: «Девушки кажутся прирожденными солдатами. Они и есть солдаты». Женщины здесь – не вспомогательный персонал, а полноценные бойцы. Они управляют наблюдательными постами, наводят орудия, принимают решения. Их возмущает, когда с ними обращаются «как с женщинами», и как бы бросают вызов привычным патриархальным нормам. Автор опровергает миф о женской «слабости», показывая их выносливость (30 сигналов тревоги за сутки) и хладнокровие под обстрелами. Эта статья – своеобразный памятник женщинам-солдатам, чей вклад останется практически незамеченным в истории; писатель стремится задокументировать их героизм. Стейнбек, как всегда, на стороне «маленьких людей», чьи жизни перемалываются механизмом войны, но чья человечность – в умении петь и мечтать – остается нетронутой.

Значительно меньше репортажей пишет Стейнбек из Северной Африки: в сборнике их всего шесть (так, о войне в Англии было написано 34 текста, а о военных действиях в Италии – 26)⁶. Писатель находился в этих местах всего несколько дней – его письма и репортажи датированы с 13 августа по 5 сентября 1943 г.; в конце сентября он направлял статьи уже из Италии. Главной особенностью африканских военных репортажей можно назвать практически полное отсутствие в них войны как таковой – она здесь является лишь фоном, надоедливой рутинной. Стейнбек делает зарисовки увиденного им под палящим алжирским солнцем: описывает обстановку железнодорожной станции, говорит о привычке американских солдат закупаться сувенирами для родственников, упоминает ночную историю с угнанным грузовиком, в форме короткой новеллы рассказывает о хитром способе дезертирства, добродушно смеется над традицией заводить целые альбомы с подписанными боевыми товарищами банкнотами, показывает устройство

цеха по ремонту сломанной военной техники. Северная Африка в его репортажах – яркое экзотическое пространство, а Алжир – «фантастический город», который американские солдаты запомнят как «вихрь красок и многоязычный гвалт» [ibid.: 93]. Несмотря на жару, Стейнбек действительно впечатлен этим местом: 25 августа в письме жене он сравнивает Африку с Калифорнией, упоминает, что хотел бы вернуться сюда с ней вдвоем, рассуждает об истории: «Я все время думаю о том, что по этим дорогам ходило множество солдат, но их целью всегда был набег или грабеж. Редко встретишь человека, который скажет: “я алжирец”. Он назовется французом, арабом или немцем, но никогда – африканцем. И все же это место обладает таким очарованием и такой красотой, что люди возвращаются сюда снова и снова» [Steinbeck 1989: 275].

Пожалуй, единственное реальное, неироничное упоминание войны присутствует лишь в последнем репортаже, «Склад останков» (“The Bone Yard”), – истории об импровизированном заводе по ремонту военного транспорта. В первой части статьи Стейнбек рисует картину жаркого дня в мастерской, где вчерашний американский автомеханик вместо подержанного легкового автомобиля возится теперь с двигателем танка «Генерал Грант». Однако дальше следует описание печальных свидетельств войны: «В этом подбитом танке на стальном борту башни видны брызги крови. А в этом сгоревшем танке – большой кусок обгоревшей ткани и обугленный помятый ботинок» [Steinbeck 1960: 101]. Истории экипажей «умирают вместе с водителями». Даже трогательные детали – «карандашные заметки», «номер телефона», «набросок профиля» – остаются немymi свидетельствами, погребенными под горами металла.

Стейнбек использует детализацию: описание процессов ремонта, цветов краски, звуков мастерской («стук молотков», «шипение сварки», «рев кранов»), что создает эффект присутствия. Повторяющиеся образы смерти и возрождения техники выступают здесь метафорой самой войны: бесконечный цикл разрушения и восстановления в тылу, за редким исключением, представляется рутинным и почти естественным процессом. Стейнбек отмечает, что «на этой войне гибнет меньше людей, но разбивается больше техники, чем когда-либо, отчего кажется, что это противостояние оружия, а не людей» [ibid.].

В Италии Стейнбек сопровождал рейды командос в рамках программы “Beach Jumpers” Дуэла Фэрбенкса-младшего, которая проводила диверсионные операции небольшими подразделениями против удерживаемых немцами остро-

вов в Средиземном море. Бывали случаи, когда писателю самому приходилось вступать в бой, чтобы помочь своим боевым товарищам в захвате итальянских и немецких военнопленных. Однако и здесь Стейнбек не изменяет своей традиции уходить от описания боевых действий и подробно объясняет причины этого в статье с подзаголовком «Средиземноморский театр военных действий» (“Mediterranean Theater”). Он говорит, что на самом деле военный корреспондент видит «пыль и неприятные разрывы снарядов, низкие кусты и изрезанные траншеи. Он лежит на животе, если у него хватает ума, и смотрит, как муравьи ползают среди маленьких палочек на песчаной дюне, и его нос так близко к муравьям, что мешает их продвижению» [ibid.: 111]. Поле боя представляет собой не ровные шеренги марширующих людей, а множество маленьких групп, перебегающих, как крабы, от одного укрытия к другому под стрекот пулеметов и гул выстрелов. Зачастую опубликованный в утренних газетах рассказ о вчерашнем сражении корреспондент не видит своими глазами, а собирает его из сообщений других журналистов; за бесстрастной фразой «5-я армия генерала Кларка вчера продвинулась на два километра под сильным артиллерийским огнем» стоит множество пережитых страданий. Интересно, как Стейнбек изображает самого военного корреспондента. Он не герой, а измученный человек в грязной одежде, с опухшими ногами, искушенный насекомыми. Его пища скудна и непритязательна; большую ее часть он отдает встретившимся на пути голодным детям.

Нередко Стейнбек высказывает и весьма критические мысли в адрес американской армии, например, подмечает, что греческие храмы в Салерно за две недели пострадали от американских солдат больше, чем за предыдущие три тысячи лет (имеется в виду, что американцы отламывали от стен храмов фрагменты, чтобы привести их домой в качестве сувениров). Последние шесть статей, опубликованных в сборнике «Однажды была война», не имеют подзаголовка. В одном из таких репортажей, от 19 ноября, в тексте есть указания на места, где цензор приказал удалить строки (в общей сложности 20 строк), которые, судя по контексту, могли упоминать конкретное местоположение описанной в статье разведывательной операции или давать некоторые подробности о технических характеристиках американского оружия и транспорта.

Пожалуй, самым экстраординарным «репортажем», написанным за всё время нахождения Стейнбека на итальянской земле, стала псевдо-документальная «История об эльфе» (“The Story of an Elf”). Здесь автор убеждает читателей в абсолютной правдивости рассказа о том, как во

время одного из ночных совещаний в гостиничном номере, занятом военными журналистами, в клубах голубого дыма вдруг материализовался самый настоящий эльф. Тон статьи походит на «небылицу» (“tall tale”), в подтверждение достоверности которой призываются другие «авторитетные» источники – реальные коллеги Стейнбека К. Рейнольдс, Г. Р. Никербокер, К. Ли и Дж. Белден. Ссылка на свидетелей призвана добавить правдоподобия истории, однако, по забавному стечению обстоятельств, фамилия одного из них, Никербокера, отсылает к иронично-фантастической «Истории Нью-Йорка» Вашингтона Ирвинга и с самого начала настраивает на несерьезное восприятие дальнейшего текста. Эльф по имени Чарли Лайтл сообщает репортерам о том, что его не приняли в армию по политическим мотивам, и вместо этого он избрал своей миссией делать счастливыми солдат и военных корреспондентов. Его «вклад в войну» (“war effort”) – это не оружие или аскетические ограничения, а моменты облегчения. В подтверждение этих слов после серии небольших взрывов на полу номера в отеле появляется три ящика хорошего шотландского виски, над которыми начинает идти снег. Финал статьи, где «даже консул наслаждается воздушным налетом», может указывать на то, что моменты чуда или простые радости (вроде вечера в компании друзей и нескольких бутылок виски) помогают пережить ужасы и абсурд войны.

Военная публицистика Стейнбека является уникальным примером баланса между официальным нарративом и человеческим измерением истории. По замечанию О. О. Несмеловой, в чистом виде документалистика не содержит эстетического потенциала: при том, что она может вызывать эмоциональную реакцию у читателя, зрителя или слушателя, «эстетический эффект возникает, когда данный документальный материал обрабатывается для читателей по законам художественного текста и происходит синтез документального и художественного начал» [Несмелова 2012: 29]. Имея перед глазами множество репортажей, которые Стейнбек писал с июня по декабрь 1943 г., можно отметить сочетание документальной точности с особой художественной выразительностью (порой с вкраплением фантастических сюжетов); использование контраста (веселое патриотическое мероприятие/тоска по дому, война в реальности/в кино), иронии и даже сарказма; внимание к психологическому и физическому состоянию человека, раскрытие образов через диалог и т. д. Стейнбек своей публицистикой говорит о том, что война дегуманизирует, но даже в ней люди сохраняют надежду, способность к солидарности и сопротивлению.

Примечания

¹ Известна история, когда Джон Стейнбек отправил цензорам военно-морского флота рассказ Геродота о битве при Саламине, произошедшей между греками и персами в 480 г. до н. э., и, поскольку в нем фигурировали географические названия, пусть и античные, цензоры забраковали всю историю.

² “phalanx theory” – теория, согласно которой отдельные люди в группе действуют подобно клеткам организма; каждая клетка – это индивидуум, у которого есть своя личная цель, но совокупность всех клеток организма, взятых вместе, имеет уникальное и индивидуальное назначение. См.: Connor W. J. Steinbeck's Phalanx Theory: Reflections on His Great Depression Novels and FDR's New Deal // *The Steinbeck Review*. 2020. Vol. 17. № 2. P. 214–229.

³ “flan and trifle” – виды десертов.

⁴ Кордит – разновидность нитроглицеринового бездымного пороха.

⁵ “You'd Be So Nice to Come Home To” – популярная в 1943 г. песня из фильма “Something to Shout About” (реж. Г. Ратов).

⁶ Статистика приводится на материале репортажей, включенных в сборник “Once There Was a War”. Известно, что еще 19 статей в этот сборник не вошли.

Список литературы

Жданова Л. И. Путь повести Джона Стейнбека «Луна зашла» к советской сцене // *Вопросы театра*. 2015. № 3–4. С. 264–272.

Несмелова О. О. Война, фашизм, тоталитаризм – средствами nonfiction // *Филология и культура*. 2012. № 4 (30). С. 26–29.

Стейнбек Дж. Русский дневник. М.: Эксмо, 2018. 320 с.

Суржик Д. В. Деятельность Управления Военной Информации в 1941–1945 годах // *Новая и новейшая история*. 2013. № 1. С. 3–22.

Blanchard M. A. Freedom of the Press in World War II // *American Journalism*. 2013. Vol. 12. № 3. P. 342–358.

Botha N. Dispatches from the front: War reporting as news genre, with special reference to news flow to South African newspapers during Operation Iraqi Freedom. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy (Journalism). Stellenbosch University, 2007. 271 p.

Day F. John Steinbeck's Nonfiction Revisited. New York: Twayne Publishers, 1966. 148 p.

Flint P. B. Byron Price, Wartime Chief of U. S. Censorship, is Dead // *The New York Times*. 1981. August 8. P. 44.

Parini J. John Steinbeck: A Biography. London: Minerva, 1995. 535 p.

Pritchard R. S. The Pentagon is fighting – and winning – the public relations war // *USA Today Magazine*. 2003. URL: <https://universityofleeds.github.io/philtaylorpapers/vp012375.html> (дата обращения: 10.03.2025).

Sevareid E. Not So Wild a Dream. New York: Knopf, 1946. 544 p.

Steinbeck J. Bombs Away: The Story of a Bomber Team. New York: Penguin Books, 2009. 192 p.

Steinbeck J. Once There Was a War. New York: Bantam Books, 1960. 187 p.

Steinbeck: A Life in Letters / Ed. by E. Steinbeck and R. Wallsten. Penguin Books, 1989. 928 p.

Sweeney M. S. Secrets of Victory: The Office of Censorship and the American Press and Radio in World War II. Chapel Hill, London: The University of North Carolina Press, 2001. 288 p.

The Oxford Handbook of Propaganda Studies. Ed. by J. Auerbach and R. Castronovo. New York: Oxford University Press, 2013. 482 p.

Winkler A. The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942–1945. New Haven: Yale University Press¹, 1978. 230 p.

References

Zhdanova L. I. Put' povesti Dzhona Steynbeka ‘Luna zashla’ k sovetskoy stsene [John Steinbeck's ‘The Moon Is Down’ in the soviet dramatizations]. *Voprosy teatra* [Problems of the Theatre], 2015, issue 3–4, pp. 264–272. (In Russ.)

Nesmelova O. O. Voyna, fashizm, totalitarizm – sredstvami nonfiction [War, fascism and totalitarianism by means of nonfiction]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], 2012, issue 4 (30), pp. 26–29. (In Russ.)

Steinbeck J. *Russkiy dnevnik* [A Russian Journal]. Moscow, Eksmo Publ., 2018. 320 p. (In Russ.)

Surzhik D. V. Deyatel'nost' upravleniya voennoy informatsii v 1941–1945 godakh [Activity of the United States Office of War Information in 1941–1945]. *Novaya i noveyshaya istoriya* [Modern and Contemporary History], 2013, issue 1, pp. 3–22. (In Russ.)

Blanchard M. A. Freedom of the press in World War II. *American Journalism*, 2013, vol. 12, issue 3, pp. 342–358. (In Eng.)

Botha N. *Dispatches from the front: War reporting as news genre, with special reference to news flow to South African newspapers during Operation Iraqi Freedom*. Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy (Journalism). Stellenbosch University, 2007. 271 p. (In Eng.)

¹ Издательство организации, включенной в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Day F. *John Steinbeck's Nonfiction Revisited*. New York, Twayne Publishers, 1966. 148 p. (In Eng.)

Parini J. *John Steinbeck: A Biography*. London, Minerva, 1995. 535 p. (In Eng.)

Pritchard R. S. The Pentagon is fighting – and winning – the public relations war. *USA Today Magazine*, 2003. Available at: <https://universityofleeds.github.io/philtaylorpapers/vp012375.html> (accessed 10 Mar 2025). (In Eng.)

Sevareid E. *Not So Wild a Dream*. New York, Knopf, 1946. 544 p. (In Eng.)

Steinbeck J. *Bombs Away: The Story of a Bomber Team*. New York, Penguin Books, 2009. 192 p. (In Eng.)

Steinbeck J. *Once There Was a War*. New York, Bantam Books, 1960. 187 p. (In Eng.)

Flint P. B. Byron Price, Wartime Chief of U. S. Censorship, is dead. *The New York Times*, 1981, 8 August, p. 44. (In Eng.)

Steinbeck: A Life in Letters. Ed. by E. Steinbeck and R. Wallsten. Penguin Books, 1989. 928 p. (In Eng.)

Sweeney M. S. *Secrets of Victory: The Office of Censorship and the American Press and Radio in World War II*. Chapel Hill, London, The University of North Carolina Press, 2001. 288 p. (In Eng.)

The Oxford Handbook of Propaganda Studies. Ed. by J. Auerbach and R. Castronovo. New York, Oxford University Press, 2013. 482 p. (In Eng.)

Winkler A. *The Politics of Propaganda: The Office of War Information, 1942–1945*. New Haven, Yale University Press², 1978. 230 p. (In Eng.)

The Poetics of John Steinbeck's Reporting from the Fronts of the Second World War

Aleksandra S. Surkova

Postgraduate Student at the History of World Literature Department

Lomonosov Moscow State University

1, Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia. alexa_surkova@mail.ru

Junior Researcher in the Department of Literature of Europe and America of Modern Times

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences

25a, Povarskaya st., Moscow, 121069, Russia

SPIN-code: 2431-5693

ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-5062-261X>

ResearcherID: JQV-3453-2023

Submitted 18 Mar 2025

Revised 06 Jul 2025

Accepted 20 Jul 2025

For citation

Surkova A. S. Poetika reportazhey Dzhona Steynbeka s frontov Vtoroy mirovoy voyny [The Poetics of John Steinbeck's Reporting from the Fronts of the Second World War]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University Herald. Russian and Foreign Philology], 2025, vol. 17, issue 3, pp. 133–143. doi 10.17072/2073-6681-2025-3-133-143. EDN IDOCUX (In Russ.)

Abstract. The study is devoted to analyzing war journalism of the Second World War through the example of John Steinbeck's reports. The article explores the transformation of approaches to the coverage of military operations in comparison with the First World War, noting the expansion of the geographical scale of the conflict, the complication of correspondents' tasks, and the influence of censorship restrictions. The heterogeneous backgrounds of war correspondents are emphasized, these including such famous writers as Steinbeck, whose journalistic activities remain understudied.

Central to the investigation is the inherent tension between the demands of wartime propaganda and the pursuit of authenticity. The article meticulously examines the dual censorship systems – voluntary domestic censorship (seen as a necessary patriotic sacrifice) and mandatory battlefield censorship – enforced by

² This publishing house is part of an organization included in the List of foreign and international organizations whose activities are recognized as undesirable on the territory of the Russian Federation.

bodies such as the Office of Censorship and the Office of War Information (OWI), which strictly controlled information flow, often sanitizing reality or delaying grim truths. Using Steinbeck's collected dispatches, *Once There Was a War* (1958) as a primary source, the study dissects his unique journalistic methods forged under these constraints. Steinbeck deliberately eschewed grand battle narratives, focusing instead on poignant 'little stories' of ordinary soldiers and civilians, employing irony, stark contrasts between mundane details and war's horrors, and utilizing literary techniques within documentary prose.

The article demonstrates how censorship and propaganda shaped the public image of war, while Steinbeck, balancing truth and patriotic narrative, sought to maintain a humanistic focus. It is concluded that his approach was unique, combining documentary accuracy with literary expression to capture not only the events but also the emotional experience of the participants while remaining within the requirements of wartime.

Key words: World War II; American literature; John Steinbeck; war journalism; fiction and documentary; censorship; reportage.

Научный периодический журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» (ISSN: 2073-6681; eISSN: 2658-6711) зарегистрирован в 2009 г. как самостоятельное издание, объединяющее две серии журнала «Вестник Пермского университета», издаваемого с 1994 г. («Филология» и «Иностранные языки и литературы»).

Цель журнала «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» – освещение новых результатов научной деятельности российского и зарубежного научного сообщества в области современной филологической науки; содействие развитию теоретических и практических исследований в области социогуманитарного знания; установление и укрепление научных связей между учеными из различных регионов России и других стран. Журнал публикует проблемные статьи и аналитические обзоры по актуальным вопросам современной филологической науки; результаты теоретических, экспериментальных и практических исследований в области языкознания, литературоведения, журналистики, методики преподавания языков и литератур; рецензии на научные публикации; хронику научных событий, сообщения о достижениях ведущих научных школ. Одна из задач журнала – формирование тематических научных площадок для обмена мнениями, предложениями и опытом в данных научных областях. Научный журнал «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология» публикует качественные, оригинальные авторские исследования, ранее нигде не публиковавшиеся.

С 19.02.2010 журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: с 01.02.2022 – 5.9.3. Теория литературы (филологические науки), 5.9.4. Фольклористика (филологические науки), 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология (филологические науки); с 21.02.2023 – 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки), 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (филологические науки), 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (философские науки)

Полнотекстовая версия журнала выставляется на сайте <http://press.psu.ru/index.php/philology> и на сайте НЭБ Elibrary.ru.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ

Оформленная в соответствии с требованиями журнала рукопись статьи направляется автором в редакцию в виде файла, сопровождается паспортом статьи. Письмо с вложенными файлами должно быть отправлено с адреса, указанного в сведениях об авторе, и сопровождаться текстом: «Передавая статью в научный журнал “Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология”, я гарантирую, что статья создана мной лично и не была ранее опубликована. Согласен на размещение статьи на сайте “Вестника Пермского университета. Российская и зарубежная филология” <http://press.psu.ru/index.php/philology/index>. Беру на себя полную ответственность за соблюдение авторских прав в отношении используемых мной материалов» (в случае частичной публикации представляемой статьи здесь должны быть указаны сведения об уже опубликованном фрагменте и месте его публикации).

К рецензированию направленных для публикации в журнал рукописей статей привлекаются рецензенты из состава редакционного совета или редакционной коллегии журнала, а также российские и зарубежные специалисты в соответствующей области знания, имеющие опыт практической работы или публикации в течение последних 3 лет по тематике рецензируемых статей. Рецензентом не может выступать научный руководитель автора статьи. Решение о принятии рукописи к публикации, возвращении ее автору на доработку или отклонении от публикации принимается редколлегией на основании результатов рецензирования. Поступающие рецензии на рукопись статьи обрабатываются в редакции, отправляются автору в виде нескольких рецензий или одной итоговой рецензии без указания данных о рецензентах. Если необходима доработка статьи, то автор вносит исправления, выделяя измененные места цветом. Срок доработки статьи не ограничен. Члены редакционного совета или редколлегии даже при наличии положительной рецензии могут обратиться к главному редактору с предложением о дополнительном рецензировании статьи.

Рукописи рассматриваются в порядке их поступления в течение 1 дня – 6 месяцев. Окончательное решение о публикации статьи принимается редколлегией и главным редактором. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ. Редакция не вступает в полемику и переписку с автором по содержанию его статьи. Плата за редакционную обработку и публикацию присланных рукописей, в том числе аспирантов, одобренных рецензентами и рекомендованных к печати, не взимается.

ПРАВИЛА ПОДАЧИ И ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рукопись объемом от 20 до 40 тыс. знаков, оформленная в соответствии с выложенной на сайте ФОРМОЙ, должна поступить вместе с ПАСПОРТОМ СТАТЬИ по электронному адресу langlit2009@mail.ru (попросите отправить подтверждение). Основной текст может быть написан на русском или английском языках. **Правила оформления рукописей помещены на сайте журнала в разделе «Руководство для авторов».**

Главный редактор – Ирина Александровна Новокрещенных. Зам. гл. редактора – Ирина Ивановна Русинова, Наталья Валерьевна Шутемова, администратор сайта – Алексей Васильевич Пустовалов, контент-редактор англоязычной версии сайта – Варвара Андреевна Бячкова.

По вопросам обращаться: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, ПГНИУ, корп. 5, ауд. 131, 133 (тел. (342)2396795), ауд. 172 (тел. (342)2396290).

Научное издание

**Вестник Пермского университета
Российская и зарубежная филология**

Том 17. Выпуск 3 / 2025

Редакторы *Е. И. Герман, О. И. Кирьянова*

Корректор *Е. Г. Иванова*

Компьютерная верстка: *М. А. Гранова*

Макет обложки: *Т. А. Басова*

Подписано в печать 01.10.2025. Дата выхода в свет 07.10.2025

Формат 60×84/8. Усл. печ. л. 16,9. Тираж 500 экз. Заказ 104

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-66-36

Отпечатано в типографии ПГНИУ.

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Подписной индекс журнала

«Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология»

в онлайн-каталоге «Урал-Пресс» – 41008

<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/8963075/>

Распространяется бесплатно и по подписке

